

Дженни Хан С ЛЮБОВЬЮ, Мама Джин

Продолжение
бестселлеров
«Всем парням,
которых я любила»
и «P.S. Я все еще
люблю тебя»

A
LONG
FORE
VER

Annotation

Лара Джин счастлива, потому что в ее жизни наконец все идет по плану: не за горами выпускной, а осенью они с Питером, ее парнем, вместе поедут учиться в колледж ее мечты, расположенный совсем недалеко от дома. Ей даже не придется скучать по близким, ведь каждые выходные она сможет проводить с семьей и печь шоколадное печенье для сестренки Китти. Все складывается как нельзя удачнее, остается только получить подтверждение из колледжа... Но неожиданные новости разрушают идеальный план, и теперь Лара Джин должна придумать новый способ остаться рядом с Питером и своей семьей.

- [Дженни Хан](#)

-
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)

- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Глава 31](#)
- [Глава 32](#)
- [Глава 33](#)
- [Глава 34](#)
- [Глава 35](#)
- [Глава 36](#)
- [Глава 37](#)
- [Глава 38](#)
- [Глава 39](#)
- [Глава 40](#)
- [Глава 41](#)
- [Благодарности](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)
  - [16](#)
  - [17](#)
  - [18](#)
  - [19](#)

- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)

Дженни Хан

С любовью, Лара Джин

Jenny Han
ALWAYS AND FOREVER, LARA JEAN

Печатается с разрешения автора и литературных агентств Folio Literary Management, LLC и Prava I Prevodi International Literary Agency.

Text copyright © 2017 by Jenny Han
© О. Бурмакова, перевод на русский язык, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Глава 1

МНЕ НРАВИТСЯ СМОТРЕТЬ НА ПИТЕРА, когда он не видит. Я люблю четкой линией челюсти, изгибом скулы. В его лице есть что-то открытое, невинное, милое... И оно сильно цепляет меня за душу.

Сегодня вечер пятницы, у нас посиделки в доме Гейба Ривьеры после матча по лакроссу^[1]. Наша школа выиграла, так что настроение у всех приподнятое, особенно у Питера: он забил победный гол. Теперь он в другом конце комнаты играет в покер. Откинулся на стуле, балансируя на задних ножках. Волосы у него все еще мокрые после душа. Рядом со мной на диване мои друзья – Лукас Крапф и Пэмми Сабкофф – листают последний выпуск журнала «Тин Вог» и обсуждают, стоит ли Пэмми обрезать челку.

– Ты что думаешь, Лара Джин? – спрашивает Пэмми, перебирая морковно-рыжие волосы. Мы подружились недавно. Познакомились, потому что Пэмми встречается с близким другом Питера, Дэррилом. У нее круглое кукольное личико, а щеки и плечи усыпаны мелкими веснушками.

– Э-э-э... я думаю, что челка – это серьезное решение, и сгоряча его принимать нельзя. В зависимости от того, как быстро у тебя растут волосы, отрастать она может целый год, а то и дольше. Но если ты настроена серьезно, лучше подождать до осени, потому что лето уже на носу, а в жару челка липнет к потной коже и мешает...

Я снова смотрю на Питера, он замечает это и вопросительно приподнимает брови. Я только с улыбкой качаю головой.

– Значит, не обрезать?

У меня в сумочке жужжит телефон. Это Питер.

Хочешь уйти?

Нет.

Тогда почему на меня смотришь?

Просто захотелось.

Лукас читает сообщения через мое плечо. Я его отталкиваю, и он качает головой:

– Seriously? Вы пишете эсэмэски, хотя сидите в одной комнате?

Пэмми делает гримаску:

– Это так мило.

Я не успеваю ответить, потому что Питер пересекает комнату и подходит к нам:

– Пора отвезти мою девушку домой, – сообщает он.

– Который час? – спрашиваю я. – Уже так поздно?

Питер помогает мне подняться с дивана, подает куртку и ведет меня за руку на улицу. Я оглядываюсь через плечо, чтобы помахать остальным:

– Пока, Лукас! Пока, Пэмми! Кстати, челка тебе пойдет!

– Куда ты так несешься? – спрашиваю я у Питера, который быстро тащит меня через двор к припаркованной у тротуара машине. Он останавливается рядом с ней, одним движением притягивает меня к себе и целует.

– Не могу сосредоточиться на картах, когда ты на меня так смотришь, Кави.

– Извини... – начинаю я, но он снова целует, крепко обнимая меня.

Сев в машину, я смотрю на часы на приборной доске: еще только полночь.

– Мне еще час можно гулять. Чем займемся?

Из всех моих знакомых мне одной нельзя гулять сколько хочется. В час ночи я превращаюсь в тыкву. Все уже привыкли, что девушка Питера Кавински – хорошая девочка и в час должна быть дома. Меня это не беспокоит. Я ничего особенного не теряю. Как там говорят? Ничего хорошего не происходит после двух часов ночи. Разве что можно посмотреть, как кто-нибудь часами жонглирует бумажными стаканчиками. Но я предпочитаю переодеться в пижаму, выпить чашку «засыпай-чая» и устроиться с книжкой в постели.

– Поехали к тебе домой. Я зайду, поздороваюсь с твоим папой, посижу с тобой еще немного. Досмотрим «Чужих».

Мы с Питером смотрим кино по списку, в который входят мои любимые фильмы, которые он не видел, его любимые фильмы, которые не видела я, и фильмы, которые ни один из нас не смотрел. «Чужих» предложил Питер, и мне понравилось. И хотя когда-то Питер утверждал, что не любит романтические комедии, «Неспящие в Сиэтле» пришлись ему по душе – к моему огромному облегчению, потому что я не знаю, как встречаться с человеком, которому не нравятся «Неспящие в Сиэтле».

– Не хочу пока домой, – отвечаю я. – Поехали куда-нибудь еще.

Питер минуту размышляет, постукивая пальцами по рулю, а потом говорит:

– Я знаю, куда.

– Куда?

– Сюрприз, – говорит он и опускает окна: свежий ночной воздух наполняет машину.

Я откидываюсь на сиденье. Улицы пусты, в большинстве домов темно.

– Дай угадаю. Мы едем в закусочную, потому что ты хочешь оладьи с голубикой.

– Нет.

– Хм. Для «Старбакса» поздно, «Бисквит Соул Фуд» уже закрыт...

– Эй, я думаю не только о еде! – возмущается он и сразу добавляет: – У тебя еще осталось печенье?

– С собой нет, но дома должно быть, если Китти не доела.

Я высовываю руку в окно. Скоро закончатся прохладные ночи, когда еще нужно надевать куртку.

Краем глаза я рассматриваю профиль Питера. Иногда мне не верится, что он мой. Самый красивый парень на свете – мой, весь мой.

– Что такое? – спрашивает он.

– Ничего.

Десять минут спустя мы въезжаем в кампус университета штата Вирджиния. Кампусом его никто не называет, а называют территорией. Для вечера пятницы в студенческом городке тут необычно тихо, но сейчас в университете каникулы, и многие разъехались.

Мы гуляем по газону, взявшись за руки. Внезапно меня охватывает волна паники. Я останавливаюсь на месте и спрашиваю:

– Это же не плохая примета? Приезжать в университет до того, как я поступила?

Питер смеется.

– Это же не свадьба. Университет тебе не жених.

– Тебе легко говорить, ты уже поступил.

В прошлом году Питер согласился присоединиться к университетской команде по лакроссу и осенью подал документы. Как это обычно бывает у спортсменов, его принимали автоматически, главное – чтобы оценки оставались приличными. В январе он получил официальное подтверждение. Его мама устроила вечеринку, и я испекла пирог с надписью из желтой глазури «Мои таланты – университету Вирджинии».

Питер тянет меня за руку:

– Пойдем, Кави. Мы сами определяем свою удачу. К тому же мы сюда уже приезжали два месяца назад, на концерт в центре Миллера.

– Ах да. – Я расслабляюсь.

Мы идем по лужайке, и теперь я знаю, куда. К Ротунде, посидеть на ступенях. Ротунду построил Томас Джефферсон^[2], основатель

университета, по образу и подобию Пантеона – с белыми колоннами и большим куполом. Питер взбегают по ступеням, как Рокки^[3], и плюхается на самую верхнюю. Я сажусь перед ним, откидываюсь ему на грудь.

– Ты знаешь, – начинаю я, – что одна из уникальных характеристик кампуса университета Вирджинии – то, что в самой его середине, прямо здесь, в Ротунде, находится не церковь, а библиотека? Потому что Джефферсон считал, что религия не должна вмешиваться в образование.

– Ты это прочитала в брошюре? – поддразнивает меня Питер, целуя в шею. Я сладко вздыхаю и отвечаю:

– Нет, это рассказывали на экскурсии по кампусу в прошлом году.

– Ты не рассказывала, что ходила на экскурсию. Зачем? Ты же тут живешь! Ты миллион раз здесь была!

Так и есть. Все мое детство прошло здесь. Пока мама была жива, мы ходили на выступления «Хуллабау»^[4], потому что ей нравилось пение а капелла. Наш семейный портрет сделан на фоне кампуса. Если выходные выдавались солнечными, после посещения церкви мы устраивали здесь пикник.

Я разворачиваюсь, чтобы посмотреть на Питера.

– Я пошла на экскурсию, потому что хотела узнать об университете все! Все, что нельзя узнать, просто живя рядом. Например... знаешь, в каком году они начали принимать женщин?

Питер чешет затылок.

– Э-э-э... не знаю. Когда университет основан? В начале XIX века? Тогда женщин стали принимать... в начале двадцатого?

– Нет. В 1970-м. – Я снова отворачиваюсь и смотрю на раскинувшийся перед нами кампус. – Через сто пятьдесят лет после основания.

– Ух ты, – заинтригованно говорит Питер, – с ума сойти. Расскажи еще что-нибудь.

– Университет штата Вирджиния – единственное образовательное учреждение в США, которое включено в список Всемирного наследия ЮНЕСКО... – начинаю я.

– Стой, стой, я имел в виду не про университет, – перебивает Питер. Я шлепаю его по колену. – Расскажи лучше, чего больше всего ждешь от учебы здесь.

– Ты первый. Чего ты ждешь?

Питер отвечает не задумываясь:

– Как буду бегать с тобой по газонам нагишом.

– Серьезно? Предвкушаешь пробежки нагишом? Имей в виду, я этого

делать не буду, – торопливо добавляю я.

Он смеется.

– Это традиция университета Вирджинии. Я думал, что ты ценишь традиции.

– Питер!

– Я шучу. – Он наклоняется вперед, обнимает меня за плечи и трется носом о шею, как любит делать. – Твоя очередь.

На минуту я погрузилась в фантазии. Если меня примут, чего я жду больше всего? Так много идей... Как буду каждое утро есть вафли вместе с Питером в столовой. Как зимой мы будем кататься на санках с Обзорного холма. Устраивать пикники в теплые дни. Разговаривать ночи напролет, а потом просыпаться вместе. Затевать стирку посреди ночи и срываться в поездки в последний момент... В конце концов я говорю:

– Не хочу сглазить.

– Ну же!

– Ладно, ладно. Больше всего я жду того, что... смогу ходить в Зал Макгрегора, когда захочу.

Многие называют этот зал «комнатой Гарри Поттера», потому что там ковры, канделябры, кожаные кресла и портреты на стенах. На полках от пола до потолка за металлическими решетками стоят книги, словно бесценные артефакты. Эта комната из другой эпохи. В ней тихо разговаривают, даже с благоговением. Одним летом – мне тогда было лет пять-шесть, а Китти еще не родилась, – мама проходила курс обучения в университете и часто занималась в Зале Макгрегора. Мы с Марго сидели с ней, рисовали или читали. Мама называла зал «волшебной библиотекой», потому что мы с Марго там никогда не ссорились. Мы вели себя тихо, как мышки. Серьезные взрослые, сидевшие вокруг, вызывали у нас священный восторг.

Питер выглядит разочарованным. Он наверняка рассчитывал, что я представляю что-то связанное с ним. Но мне почему-то хотелось оставить эти надежды при себе.

– Ты тоже можешь туда приходить, – говорю я. – Но ты должен пообещать вести себя тихо.

Он тепло говорит:

– Лара Джин, только ты можешь мечтать о библиотеке.

Если судить, например, по [Pinterest^{\[5\]}](#), очень многие хотели бы проводить время в такой красивой библиотеке. Но среди знакомых Питера таких нет. Он считает меня необычной. Я не собираюсь его разочаровывать и открывать глаза на то, как много людей хочет сидеть дома, делать

печенье, заниматься скрапбукингом и ходить в библиотеку. Конечно, большинству из них за пятьдесят... но все равно. Мне нравится, как он на меня смотрит: словно я лесная нимфа, которую он однажды встретил и не мог не забрать к себе домой.

Питер вынимает телефон из кармана толстовки.

– Половина первого. Скоро нужно будет ехать.

– Уже? – вздыхаю я.

Мне нравится приезжать в университет ночью. Как будто весь кампус принадлежит нам двоим.

Университет Вирджинии всегда был в моем сердце. Я не планировала ехать учиться куда-нибудь еще. Я собиралась подавать документы заранее, осенью, одновременно с Питером, но школьный психолог миссис Дюваль посоветовала этого не делать, потому что лучше показать комиссии оценки за полугодие. По ее словам, всегда лучше отразить в документах свои самые высокие достижения.

В результате я подала документы в пять университетов: Вирджинии, Уильяма и Мэри, Ричмондский и имени Джеймса Мэдисона. Все в моем штате. В университет Вирджинии сложно поступить, но зато он в пятнадцати минутах от дома. В университет Уильяма и Мэри тоже поступить непросто и ехать до него два часа. Ричмондский и университет имени Джеймса Мэдисона попроще и оба в часе езды. Миссис Дюваль уговорила подать документы хотя бы в один университет за пределами штата, просто на всякий случай. И я отправила их в университет Северной Каролины в Чапел-Хилл. У них сильная программа общеобразовательных наук, и от дома он недалеко.

Но я бы все равно выбрала университет Вирджинии. Я хочу остаться дома, для меня университет Вирджинии и есть дом. В этом я не похожа на старшую сестру: это она мечтала уехать подальше. Она всегда хотела повидать мир. И, конечно, есть еще Питер...

Мы сидим еще немного: я рассказываю интересные факты об университете, а Питер подшучивает над тем, сколько я знаю. А потом отвозит меня домой. Когда мы останавливаемся перед темным крыльцом, до часа остается несколько минут. В спальне папы горит свет. Он не ложится спать, пока я не вернусь. Я собираюсь выходить, но Питер протягивает руку и останавливает меня.

– Сначала поцелуй на ночь, – заявляет он.

Я смеюсь.

– Питер, мне надо идти!

Он упрямо закрывает глаза и ждет. Я наклоняюсь и коротко целую его

в губы.

– Ну вот. Доволен?

– Нет.

Он целует меня сам так, словно у нас есть все время мира, и говорит:

– Что будет, если я вернусь, когда все заснут, и останусь на ночь? И уйду рано утром? До рассвета?

Я с улыбкой отвечаю:

– Этого делать нельзя, так что мы не узнаем, что будет.

– Но что если все-таки...

– Папа меня убьет.

– Не убьет.

– Убьет тебя.

– Не убьет.

– Не убьет, – соглашаюсь я. – Но во мне он будет очень разочарован, а на тебя – сердит.

– Только если нас поймают, – говорит Питер, но без особого напора. Он тоже не хочет рисковать и старается нравиться моему отцу.

– Знаешь, чего я жду больше всего? – Он тянет меня за косичку, прежде чем продолжить. – Того дня, когда нам не придется прощаться на ночь. Ненавижу прощания.

– Я тоже, – отвечаю я.

– Жду не дождусь колледжа.

– Я тоже, – говорю я и целую его еще раз, а потом выпрыгиваю из машины и бегу домой. Я смотрю на ночное небо, луну, звезды и загадываю желание: «Господи, пожалуйста, пусть меня возьмут в университет Вирджинии».

Глава 2

– КАКИМИ БЛЕСТКАМИ МНЕ ПОСЫПАТЬ парик Марии-Антуанетты – розовыми или золотыми? – Я подношу пасхальное яйцо к камере ноутбука, чтобы Марго могла рассмотреть. Оно покрашено в бледный оттенок бирюзового, и сверху декупажом наклеен профиль Марии-Антуанетты.

– Покажи поближе, – говорит Марго, щурясь в камеру. Она в пижаме, на лице косметическая маска. Волосы отросли до плеч, а значит, скоро она их подстрижет. Мне кажется, она теперь все время носит короткие волосы. Ей очень идет.

В Шотландии ночь, а у нас еще день. Между нами пять часов времени и три тысячи пятьсот миль. Марго в своей комнате общежития, а я дома, за кухонным столом, в окружении пасхальных яиц, мисок с краской, стразов, наклеек и пушистых белых перьев, оставшихся от рождественских украшений, которые я делала несколько лет назад. Ноутбук стоит на стопке поваренных книг. Марго составляет мне компанию за украшением яиц.

– Я хочу сделать вокруг портрета рамку из жемчужин, – сообщаю я.

– Тогда лучше розовые блески, – отвечает она, поправляя маску. – Розовый будет ярче.

– Вот и я так думаю.

Я принимаюсь наносить розовые блески на рисунок старой кисточкой для теней. Предполагалось, что мы будем делать это вместе с Китти, как в старые добрые времена, но ее пригласили в дом Мэйделин Клингер. Приглашение от Мэйделин – событие редкое и торжественное, поэтому я даже не могу обидеться на сестру.

– Ты уже скоро узнаешь?

– В этом месяце.

Я принимаюсь выкладывать жемчужины. С одной стороны, я хочу уже получить ответ, а с другой – я рада, что у меня есть еще время побыть в неизвестности... время надежды.

– Тебя возьмут, – говорит Марго. Это звучит как пророчество.

Все считают, что меня примут в университет Вирджинии без проблем. Все: Питер, Китти, Марго, папа, школьный психолог. Я не решаюсь говорить это вслух, чтобы не сглазить, но... возможно, я тоже так думаю. Я все для этого сделала. Набрала двести баллов в квалификационном тесте. Оценки у меня почти такие же хорошие, как у Марго, а Марго туда

приняли. Я сделала все, что нужно было, но достаточно ли этого? Теперь мне остается только ждать и надеяться.

Когда я приклеиваю белый бантик к верхушке яйца, у меня возникает подозрение, и я кошусь на сестру:

– Постой-ка. Если я поступлю в университет Вирджинии, ты не станешь уговаривать меня выбрать другой университет, чтобы я расправила крылья?

Марго смеется, и маска сваливается с ее лица. Она возвращает ее на место и говорит:

– Нет. Я верю, что ты знаешь, что делаешь.

Она говорит правду, я чувствую. Я тоже начинаю в это верить. Верю, что, когда настанет время, я выберу то, что для меня лучше всего. А это университет Вирджинии.

– Один совет, – продолжает Марго. – Найди себе друзей сама. У Питера их будет много, потому что он спортсмен; но его друзья необязательно будут такими людьми, с которыми захочешь дружить ты. Поэтому найди своих друзей, своих людей. Это большой университет.

– Хорошо, – обещаю я.

– И обязательно присоединись к союзу студентов азиатского происхождения. Ты не представляешь, как мне не хватает этого здесь. Знаешь, это ведь здорово: не только учиться, но и разбираться в своей расовой идентичности. Как Тим.

– Какой Тим?

– Тим Монахан из моего класса.

– А-а-а, Тим, – вспоминаю я. Он кореец, но усыновленный. В нашей школе не так уж много азиатов, поэтому мы все друг друга знаем, хотя бы шапочно.

– В школе он никогда не водился с другими азиатами, а потом поступил в технический университет, познакомился с кучей корейцев и теперь, я слышала, президент азиатского братства.

– Ого!

– Хорошо, что в Шотландии братства^[6] не приняты. Ты же не собираешься вступать в сестричество? Если собираешься, я не буду осуждать! – торопливо добавляет она.

– Я об этом не думала.

– Питер наверняка вступит в братство.

– Он тоже об этом ничего не говорил...

Хотя я легко могу представить его в братстве.

– Я слышала, трудно встречаться с парнем из братства, если ты сама не

в сестричестве. Постоянные встречи, вечеринки... Проще, если дружишь с девочками из твоего сестричества. Не знаю. Мне все это кажется глупым, но, может, оно того стоит. Говорят, там популярно рукоделие. – Она выразительно шевелит бровями, намекая на мое хобби.

– Кстати, – я поднимаю яйцо к камере, – та-да!

Марго наклоняется поближе, чтобы рассмотреть.

– Ты должна открыть свой бизнес! Покажи остальные.

Я поднимаю коробку с яйцами. В ней дюжина пустых скорлупок: бледно-розовые с неоновыми зигзагами, ярко-голубые с лимонно-желтыми, сиреневые с сушеными бутонами лаванды. Я была рада найти повод использовать лаванду. Несколько месяцев назад я купила целый пакет для лавандового крем-брюле, и с тех пор он занимал место в шкафу.

– Что ты собираешься с ними делать? – спрашивает Марго.

– Отнесу в Бельвью, пусть выставят в приемной. Там всегда мрачно, как в больнице.

Марго откидывается на подушки.

– Как дела у всех в Бельвью?

– Хорошо. Я была так занята подачей документов и учебой, что ходила туда реже, чем раньше. Теперь, когда я больше там официально не работаю, время находить труднее. – Я кручу яйцо в руках. – Это я, наверное, подарю Сторми. Очень в ее стиле. – Отложив яйцо с Марией-Антуанеттой сушиться, я беру сиреневое и принимаюсь украшать его пастельными стразами. – Но я постараюсь навещать их чаще.

– Да, трудно выбирать, – соглашается Марго. – Когда я приеду домой на весенние каникулы, давай съездим туда вместе. Я хочу познакомить Рави со Сторми.

Рави – парень Марго, они встречаются уже полгода. Его родители родом из Индии, но сам он родился в Лондоне, так что произношение у него шикарное. Когда я его услышала по скайпу, то сказала: «Ты говоришь как принц Уильям». Он засмеялся и ответил: «Вот как?». Он на два года старше Марго. Возможно, поэтому, а может, потому, что он англичанин, кажется, что у него изысканные манеры. Он не такой высокомерный, как Джош. Скорее, утонченный. Наверное, потому что он живет в таком огромном городе, ходит в театр, когда хочет, и встречается с политиками: его мама – дипломат. Когда я поделилась впечатлениями с Марго, она посмеялась и сказала, что я просто мало его знаю. На самом деле Рави – ужасный заучка и манеры у него не такие, как у принца Уильяма.

– Не позволяй произношению себя обмануть, – сказала она.

Рави приедет с ней на весенние каникулы, так что я скоро смогу

убедиться в ее словах сама. Предполагается, что Рави проведет у нас две ночи, а потом полетит в Техас навестить родственников. Марго же останется на неделю.

– Я очень хочу с ним познакомиться, – говорю я, и она широко улыбается.

– Он тебе понравится.

Я не сомневаюсь. Мне нравятся все, кто нравится Марго. Но особенно хорошо то, что теперь, когда Марго лучше знает Питера, она видит, что он особенный. А раз с ней будет Рави, мы сможем все вместе сходить на парное свидание.

Мы с сестрой влюблены, и это нас объединяет – не здорово ли?

Глава 3

НА СЛЕДУЮЩЕЕ УТРО я крашу губы красной, как мак, помадой, которая нравится Сторми, собираю пасхальные яйца в белую корзинку и еду в Бельвью. В приемной я оставляю яйца и болтаю с Шанис. Оказывается, что у них два новых волонтера – студенты из университета Вирджинии. Это усыпляет мое чувство вины за то, что я так редко прихожу.

Попрощавшись с Шанис, я иду к Сторми. На ней оранжевое кимоно и помада в тон. Она восклицает:

– Лара Джин!

Обняв меня, она тут же принимается причитать:

– Ты смотришь на мои корни, да? Знаю, знаю, пора красить волосы.

– Ничего не заметно, – успокаиваю я ее.

От яйца с Марией-Антуанеттой она в восторге. Говорит, что ждет не дождется, чтобы показать его Алисии Ито, своей подруге и сопернице.

– А для Алисии ты яйцо сделала? – спрашивает она.

– Только для тебя, – отвечаю я, и ее бледные глаза сияют.

Мы сидим на диване. Сторми грозит мне пальцем и говорит:

– Твой молодой человек, должно быть, совсем вскружил тебе голову, раз у тебя нет времени меня навещать.

– Извини, – каюсь я. – Я уже подала документы в университет, так что смогу приходить чаще.

– Хм!

Когда Сторми в таком настроении, лучше всего ее уговаривать и очаровывать.

– Я всего лишь следую твоим советам, Сторми.

Она поджимает оранжево-красные губы, пытаясь не улыбаться.

– Конечно, я плохих советов не даю. Слушайся Сторми – и все у тебя будет хорошо. А теперь Расскажи-ка мне сочные подробности.

Я смеюсь:

– В моей жизни нет сочных подробностей.

Она на меня цыкает.

– Разве у вас не планируются танцы?

Когда у нас там выпускной?..

– До мая ничего не будет.

– А платье у тебя уже есть?

– Еще нет.

– Тогда начинай искать. Ты же не хочешь, чтобы оно оказалось на какой-нибудь другой девице. – Она всматривается в мое лицо. – К твоему цвету кожи пойдет розовое.

Внезапно она прищелкивает пальцами, ее глаза загораются.

– Ты мне напомнила! У меня есть для тебя подарок!

Сторми вскакивает и идет в спальню, откуда возвращается с тяжелой бархатной шкатулкой для колец.

Я открываю ее и ахаю. Кольцо с розовым бриллиантом! От ветерана, который потерял ногу на войне.

– Сторми, я не могу это принять.

– Ты просто обязана! Оно создано для тебя.

Я медленно достаю кольцо и надеваю на левую руку. Ох как оно сверкает!

– Какое красивое! Но правда, мне не следует...

– Оно твое, дорогая, – подмигивает Сторми. – Запомни мой совет, Лара Джин: никогда не говори «нет», если на самом деле хочешь сказать «да».

– Тогда – да! Спасибо, Сторми! Обещаю, я буду очень его беречь.

Она целует меня в щеку.

– Не сомневаюсь, милая.

Едва добравшись домой, я кладу кольцо в шкатулку с украшениями.

Вечером я сижу на кухне с Китти и Питером и жду, пока остынет печенье с шоколадной крошкой. В последние несколько недель я пыталась усовершенствовать свой рецепт, а Питер и Китти были моими подопытными. Китти предпочитает плоское печенье с дырочками, а Питер любит мягкое. Мое идеальное печенье должно сочетать и то, и другое: оно должно быть хрустящее, но мягкое, светло-коричневое, но не бледное, объемное, но не пышное.

Я прочитала все посты в блогах, просмотрела разные фотографии: с белым сахаром, со смесью белого и коричневого, с содой, разрыхлителем, со стручками ванили, с ванильным экстрактом, шоколадной крошкой. Я пробовала замораживать тесто в шариках, а потом разминать его стеклом, чтобы кружки получались ровными. Я замораживала его рулетом и потом нарезала. Или лепила печенье и замораживала так. Или замораживала, а потом лепила. Но печенье все равно поднималось слишком сильно.

На этот раз я взяла намного меньше соды, но печенье все равно немного поднялось. Я готова выкинуть всю партию. Конечно, не стану этого делать: глупо тратить продукты впустую. Вместо этого я спрашиваю Китти:

– Ты говорила, что тебя ругали за разговоры во время чтения?

Она кивает.

– Отнеси это учительнице. Скажи, что сама испекла, и извинись.

Мне скоро будет некому скормливать печенье. Я уже угостила им почтальона, водителя школьного автобуса и медсестер в папиной больнице.

– Что ты будешь делать, когда найдешь нужный рецепт? – спрашивает Китти с набитым ртом.

– Да зачем это все? – вторит ей Питер. – Ну будет твое печенье на восемь процентов лучше – какая разница? Это все то же печенье с шоколадной крошкой.

– Я буду наслаждаться осознанием того, что составила рецепт идеального печенья с шоколадной крошкой. И передам его следующему поколению девочек Сонг.

– Или мальчиков, – добавляет Китти.

– Или мальчиков, – соглашаюсь я. – Китти, пойди наверх и принеси мне большую стеклянную банку для печенья. И ленточку.

Питер спрашивает:

– Принесешь печенье завтра в школу?

– Посмотрим, – отвечаю я, потому что хочу, чтобы он надулся. Мне очень нравится эта его гримаска. Он именно так и делает, и я глажу его по щеке. – Ты как ребенок.

– Тебе нравится? – спрашивает он и утаскивает еще одно печенье. – Пойдем, посмотрим кино? Я обещал маме, что заеду в магазин и помогу передвинуть мебель.

Мама Питера владеет антикварным магазином «Линден и Уайт», и Питер помогает, чем может.

Сегодня, согласно списку, мы смотрим «Ромео + Джульетта» 1996 года с Леонардо ДиКаприо и Клер Дэйнс. Китти уже раз десять его видела, я смотрела по частям, а Питер не смотрел вообще.

Китти притаскивает вниз свое кресло-мешок и устраивается на полу с миской попкорна. Наша собака, светло-золотистый терьер-полукровка по имени Джейми Фокс-Пикл, немедленно плюхается рядом с ней, явно надеясь, что ему перепадут крошки. Мы с Питером садимся на диван и укрываемся шерстяным пледом, который прислала из Шотландии Марго.

Как только на экране появляется Лео в синем костюме, мое сердце начинает биться чаще. Он выглядит как прекрасный ангел с раненой душой.

– Почему он так переживает? – спрашивает Питер, утаскивая горсть попкорна у Китти. – Он же принц или вроде того?

– Он не принц, – отвечаю я. – Просто богатый. И у его семьи большое влияние в этом городе.

– Он парень моей мечты, – собственническим тоном заявляет Китти.

– Сейчас он уже старый, – говорю я, не отводя глаз от экрана. – Почти как папа.

Но все равно...

– Эй, я думал, что это я парень твоей мечты, – говорит Питер. Не мне, а Китти. Про моего парня мечты он знает: это Гилберт Блайт из «Ани из Зеленых Мезонинов». Красивый, верный, умный, хорошо учится.

– Фу, – говорит Китти. – Ты мне как брат.

Питер искренне задет, и я глажу его по плечу.

– Тебе не кажется, что он какой-то тощий? – продолжает он. Я шикаю. Он скрещивает руки на груди.

– Не понимаю, почему вам можно разговаривать во время фильмов, а мне – нет. Так нечестно.

– Это наш дом, – говорит Китти.

– У меня дома твоя сестра все равно на меня шикает!

Мы хором его игнорируем.

В пьесе Ромео и Джульетте было всего тринадцать. В фильме им скорее семнадцать-восемнадцать. Все равно подростки. Откуда они знали, что предназначены друг другу? Как им хватило одного взгляда сквозь аквариум? Они знали, что их любовь стоит того, чтобы за нее умереть? Они просто знали. Они верили. Думаю, разница в том, что тогда люди женились намного раньше, чем сейчас. И «пока смерть не разлучит нас» означало лет пятнадцать-двадцать, потому что умирали тогда тоже раньше.

Но когда их взгляды встречаются, когда Ромео приходит к ней под балкон и признается в любви... я не могу не верить. Хотя знаю, что они едва друг друга знают и что их история закончится, едва начавшись. Настоящие отношения – это повседневность, это решение быть вместе, несмотря на все сложности. Я все равно знаю, что они бы справились, если бы выжили.

Когда начинаются титры, у меня по щекам катятся слезы, и даже Питер выглядит грустным. Но маленькая Китти не склонна к сентиментальности, глаза у нее сухие. Она вскакивает на ноги и сообщает, что ведет Джейми Фокс-Пикла на улицу. Они уходят, а я все сижу на диване, вытирая слезы.

– Они так красиво встретились, – выдыхаю я.

– Что красивого? – Питер теперь лежит на боку, подпирая голову локтем. Он такой хорошенький, что я бы его ущипнула за щеку. Вслух я

это, конечно, говорить не буду. У него и так большое самомнение.

– Всегда красиво, когда герой и героиня встречаются впервые, и это вот так... волшебно. Сразу понимаешь, что они будут вместе. И чем красивее встреча, тем лучше.

– Как в «Терминаторе», когда Риз спасает Сару Коннор от Терминатора и говорит: «Пойдем со мной, если хочешь жить». Совершенно потрясающая фраза.

– Ну да, конечно, это красиво... Но я представляла скорее «Это случилось однажды ночью». Надо добавить его в список.

– Это цветной фильм или черно-белый?

– Черно-белый.

Питер со стоном падает обратно на диван.

– Жаль, что мы познакомились не так красиво, – вслух размышляю я.

– Ты поцеловала меня в школьном коридоре. По-моему, очень мило.

– Но мы уже были знакомы, это не считается. – Я хмурюсь. – Я вообще не помню, как мы познакомились. Печально.

– А я помню, как тебя впервые встретил.

– Неправда!

– Эй! Если ты чего-то не помнишь, не значит, что не помню я. Я многое помню.

– Ну ладно, так как мы встретились? – с вызовом спрашиваю я, уверенная, что он меня обманывает.

Питер открывает рот и сразу закрывает.

– Не скажу.

– Ну вот! Даже придумать ничего не можешь.

– Нет, ты не заслуживаешь знать, потому что не веришь мне.

Я закатываю глаза.

– Вот ерунда.

Я выключаю фильм, и мы идем сидеть на крыльце со сладким чаем, который я заварила прошлым вечером. На улице сыро и зябко. Весна почти в разгаре, но еще не совсем. Кизил во дворе только-только начал цвести. Дует приятный ветерок. Мне кажется, я весь вечер могла бы вот так сидеть и смотреть, как качаются ветки и танцуют листья.

У нас еще есть немного времени, прежде чем Питер поедет к маме. Я бы поехала с ним присматривать за кассой, пока он двигает мебель, но когда я приезжала в прошлый раз, мама Питера хмурилась и говорила, что ее магазин – это работа, а не место для подростковых посиделок. Не то чтобы она показывала, что я ей не нравлюсь, и не то чтобы я ей действительно не нравилась. Она все еще не простила меня за то, что в

прошлом году я рассталась с Питером. Она добра ко мне, но не доверяет мне. Как будто хочет подождать и посмотреть, не разобью ли я снова сердце ее сына. Я всегда представляла свои отношения с матерью своего первого парня такими, как у Ины Гартен^[7]. Мы бы вместе готовили ужин, разговаривали за чаем и играли в «Скрэббл» в дождливые дни.

– О чем задумалась? – спрашивает Питер. – У тебя такое лицо...

Я прикусываю нижнюю губу.

– Я бы хотела больше нравиться твоей маме.

– Ты ей нравишься.

– Питер. – Я выразительно на него смотрю.

– Ну правда! Если бы не нравилась, она не приглашала бы тебя на ужин.

– Она меня приглашает, потому что хочет повидаться с тобой, а не со мной.

– Неправда. – Уверена, что ему это и в голову не приходило, но звучит логично, и он это знает.

– Она хочет, чтобы мы расстались до колледжа, – выдаю я.

– Твоя сестра – тоже.

– Ага! Значит, ты признаешь, что твоя мама хочет, чтобы мы расстались! – Не знаю, чему я так радуюсь.

– Она считает, что не стоит заводить серьезные отношения в таком раннем возрасте. Но я говорю, что, если у них с папой не получилось, это не значит, что у нас тоже не получится. Я совсем не такой, как мой папа. А ты – не моя мама.

Родители Питера развелись, когда он был в шестом классе. Его отец живет в получасе езды с новой женой и двумя маленькими сыновьями. Питер мало о нем говорит. Но в этом году его отец внезапно решил начать с ним общаться: приглашает его на бейсбольные матчи и ужины к себе домой. Пока Питер не поддается.

– Твой отец на тебя похож? – спрашиваю я. – То есть ты на него?

Он недовольно говорит:

– Да. Все это говорят.

Я опускаю голову ему на плечо.

– Тогда он, наверное, очень красивый.

– Был в молодости, – признает Питер. – Теперь я выше него.

В этом мы с Питером похожи: у него есть только мама, а у меня – только папа. Он считает, что мне повезло больше, потому что я потеряла маму, которая меня любила, а его отец бросил семью. Отчасти я с ним согласна: у меня столько хороших воспоминаний о маме, а у него об отце –

почти никаких.

Мне нравилось после ванны сидеть, скрестив ноги, перед мамой и смотреть телевизор, пока она расчесывала мне волосы. Помню, Марго терпеть это не могла, потому что нужно было сидеть неподвижно, а вот я любила. Такие воспоминания похожи на отражение в воде: немного размытые по краям, мягкие и сливающиеся в единое целое. Другое мое любимое воспоминание – это когда мы отвозили Марго на уроки фортепьяно, а сами шли втайне от нее есть пломбир с карамелью и клубничным соусом на парковке «Макдоналдса». И мама отдавала мне свои орешки, так что у меня была двойная порция. Я как-то спросила: неужели она их не любит? А она ответила, что меня любит больше, а я их обожаю.

Но, несмотря на все воспоминания, я знаю: даже если бы моя мама была плохой, лучше бы она была жива. Надеюсь, что когда-нибудь Питер поймет это.

– О чем ты думаешь теперь? – спрашивает он.

– О своей маме.

Питер убирает стакан и опускает голову мне на колени. Глядя на меня снизу вверх, он говорит:

– Я бы хотел с ней познакомиться.

– Ты бы ей очень понравился, – отвечаю я, глядя его по волосам, и неуверенно спрашиваю: – Может, я однажды познакомлюсь с твоим отцом?

Его лицо мрачнеет, и теперь я жалею, что подняла эту тему.

– Незачем тебе с ним знакомиться, – говорит он. – Он того не стоит. – Потом он прижимается поближе. – Эй, может, оденемся на этот Хэллоуин как Ромео и Джульетта? В университете Вирджинии все наряжаются, кто во что.

Я прислоняюсь к перилам. Я понимаю, что он переводит тему, но подыгрываю ему.

– Можно как в этом фильме с Лео и Клэйр.

– Ага. – Он тянет меня за косичку. – Я буду твоим рыцарем в сияющих доспехах.

Я касаюсь его волос.

– Ты не согласишься немного отрастить волосы? И, может... покрасить их в светлый? Иначе все решат, что ты просто рыцарь.

Питер так смеется, что, наверное, не успевает дослушать.

– Господи, Кави. Какая ты смешная!

– Я пошутила! – Отчасти. – Но ты же знаешь, я серьезно отношусь к маскарадным костюмам. Зачем вообще братья, если делать только наполовину?

– Ладно. Может, я надену парик, но ничего не обещаю. Это будет наш первый Хэллоуин в университете.

– Я и раньше там была в Хэллоуин. – Как только Марго получила водительские права, мы отвезли Китти играть в «Сладость или гадость»^[8] в кампус. В том году она нарядилась Бэтменом. Может, она снова захочет?

– Я имею в виду, что мы сможем ходить на студенческие вечеринки официально, а не пробираться тайком. Пару лет назад нас с Гейбом оттуда выгнали. Мне никогда в жизни не было так стыдно.

Я удивленно смотрю на него.

– Ты? Ты никогда не стыдишься.

– Вот тогда стыдился! Я пытался флиртовать с девушкой в костюме Клеопатры, и тут старшие ребята подошли и сказали: «Вали отсюда, малек». А она и ее подружки засмеялись... Гады.

Я наклоняюсь и целую его в обе щеки.

– Я бы не засмеялась.

– Ты все время надо мной смеешься, – говорит он. А потом поднимает голову, притягивает меня поближе, и мы целуемся вверх ногами, как в фильме «Человек-паук».

– Тебе нравится, когда я над тобой смеюсь?

Он улыбается и пожимает плечами.

Глава 4

НАСТУПАЕТ ПЕРВЫЙ ДЕНЬ НЕДЕЛИ ВЫПУСКНИКОВ. В эту неделю у каждого дня есть своя тема, и сегодня это «дух школы». Я надеваю куртку спортивной команды Питера и заплетаю волосы в косички с лентами цветов нашей школы – голубого и белого. Питер раскрасил лицо в те же цвета. Когда он утром забирал меня из дома, я вскрикнула.

Во вторник у нас – семидесятые, в среду – пижамный день, в четверг – костюмы разных персонажей (этого дня я жду особенно сильно), а в пятницу мы отправляемся в поездку с классом. Мы выбирали между Нью-Йорком и Диснейлендом, но Нью-Йорк победил. Мы заказали автобус и собираемся устроить долгие выходные, на три дня. Время идеальное, потому что весь класс сходит с ума, ожидая ответов от колледжей, и нам всем нужно отвлечься. Кроме тех, кто подавал документы заранее и уже знает, куда поступил. Например, Питер или Лукас Крапф, который пойдет в университет имени Сары Лоуренс. Большинство остается учиться в штате. Как всегда говорил наш школьный психолог, какой смысл жить в Вирджинии и не пользоваться тем, что рядом столько хороших университетов? Я считаю, это здорово, что нас не разбрасает по всем сторонам света.

В обед в столовой ансамбль а капелла поет серенату одной девочке из одиннадцатого класса. Они играют мелодию «Будешь ли любить меня завтра?», но со словами «Пойдешь ли ты со мной на выпускной, Джина?». Мы с Питером останавливаемся послушать, прежде чем встать в очередь за едой. До выпускного еще несколько месяцев, но выпускники уже вовсю приглашают друг друга. Пока самое внушительное было на прошлой неделе, когда Стив Бледел взломал радиоточку и заменил все записанные на день объявления вопросом «Ты пойдешь со мной на выпускной, Лиз?». У компьютерщиков ушло два дня, чтобы все исправить. Только сегодня утром Дарелл наполнил шкафчик Пэмми красными розами и выложил на двери лепестками вопрос «Выпускной?». Уборщик на него за это накричал, но фотографии в «Инстаграме» Пэмми выглядели потрясающе. Не знаю, что планирует Питер. Он не склонен к романтическим жестам.

В очереди в столовой Питер тянется за брауни, и я говорю:

– Не надо, я принесла печенье.

Он в восторге.

– Можно мне сразу одно? – спрашивает он. Я достаю контейнер из

сумки, и Питер берет печенье. – Давай не будем ни с кем делиться?

– Уже поздно, – говорю я, потому что его друзья нас заметили.

Пока мы идем к столу, Дарелл поет: «Ее печенье приманивает всех мальчиков во двор». Я ставлю контейнер на стол, и ребята дерутся за него, расхватывая печенье и заглатывая его как тролли. Пэмми удастся перехватить одно.

– Вы животные, – говорит она.

Дарелл запрокидывает голову и издает звериный рык, и она хихикает.

– Потрясающе, – стонет Гейб, слизывая крошки с пальцев.

Я скромно говорю:

– Неплохо получилось. Но не идеально. – Отломив кусочек от печенья Питера, я добавляю: – Они вкуснее, когда прямо из духовки.

– Пожалуйста, приходи ко мне домой, испеки мне печенье, чтобы я знал, какие они прямо из духовки. – Гейб кусает следующее печенье и закрывает глаза в экстазе.

Питер берет еще одно.

– Хватит есть печенье моей девушки!

Прошел уже год, а я до сих пор испытываю восторг, когда он называет меня своей девушкой.

– Если и дальше будешь так на него налегать, у тебя появится живот, – говорит Дарелл. Питер откусывает печенье, закатывает футболку и гладит себя по животу.

– Как стиральная доска!

– Повезло тебе, Лардж, – говорит Гейб.

Дарелл качает головой:

– Нет, это Кавински повезло.

Питер ловит мой взгляд и подмигивает, и у меня чаще бьется сердце.

Мне кажется, что когда я доживу до возраста Сторми, то буду постоянно вспоминать такие моменты: как Питер склоняет голову и кусает печенье, как солнце, льющееся в окно столовой, играет на его русых волосах, как он на меня смотрит.

После уроков у Питера тренировка по лакроссу, а я сижу на трибунах и делаю уроки. Из всей команды только Питер продолжит после школы играть в команде первого эшелона, и тренер Уайт уже рыдает над тем, что останется от команды, когда Питер выпустится. Я не понимаю всех нюансов игры, но знаю, когда аплодировать, а когда улюлюкать. Мне просто нравится смотреть, как он играет. Он считает, что каждый удар станет голом, и обычно так и получается.

Папа и мисс Ротшильд официально встречаются с прошлого сентября. Китти в восторге и при любой возможности напоминает, что это она их свела.

– Это был мой гениальный план! – хвастается она.

Не могу не признать: у нее богатая фантазия. Меня и Питера она тоже сумела свести снова после расставания, несмотря на все преграды, и теперь мы любим друг друга.

Хотя у них мало общего, мисс Ротшильд и папа удивительно подходят друг другу. Это похоже на меня с Питером. Близость сводит людей. Двое одиноких соседей, «Нетфликс», пара собак, бутылка белого вина. По-моему, это прекрасно. Теперь, когда в жизни папы есть мисс Ротшильд, событий куда больше. Они все время куда-то ходят, чем-то занимаются. В субботу утром, пока мы все спим, они идут гулять в лес и смотреть на рассвет. Раньше папа не увлекался прогулками по лесу, но теперь относится к ним с энтузиазмом. Они ужинают в ресторанах, ездят на винзаводы, встречаются с друзьями мисс Ротшильд. Конечно, ему по-прежнему нравится сидеть дома и смотреть документальные фильмы, но теперь в его мире есть многое другое – и ему уже не так одиноко. Хотя я не замечала, что он был одинок все восемь лет после маминой смерти. Но наверняка так и было, если сравнить с тем, сколько у него теперь энергии. Мисс Ротшильд ужинает с нами несколько раз в неделю, и уже странно не видеть ее за столом в кухне. Нам уже не хватает ее низкого, глубокого смеха, ее бокала белого вина рядом с папиным пивом.

Тем вечером после ужина я достаю на десерт печенье и мороженое. Папа спрашивает: «Снова печенье?», и они с мисс Ротшильд обмениваются выразительными взглядами. Размазывая ложкой ванильное мороженое по печенью, папа продолжает:

– В последнее время ты много печешь. Наверное, нервничаешь из-за ожидания ответа от университета.

– Это никак не связано, – говорю я. – Я просто пытаюсь усовершенствовать свой рецепт печенья. Радуйтесь количеству выпечки.

– Знаешь, – начинает папа, – я читал, что процесс выпечки очень успокаивает. Это связано с повторением действий при отмеривании ингредиентов и творческим элементом. Психологи называют это поведенческой активацией.

– Главное – чтобы помогало, – говорит мисс Ротшильд, отламывает кусочек печенья и закидывает в рот. – Я хожу на велотренажеры «Соул-сайкл»^[9], это меня успокаивает.

Если бы здесь была Марго, она бы закатила глаза. Однажды мисс

Ротшильд уговорила меня пойти с ней. Я все время сбивалась с ритма.

– Лара Джин, тебе стоит снова со мной пойти. У нас новый инструктор, она ставит музыку в стиле мотаун^[10]. Тебе понравится.

– Когда мне можно будет пойти с тобой, Три? – спрашивает Китти.

Она так называет мисс Ротшильд. Я все еще про себя называю ее по фамилии и вслух иногда тоже, но чаще стараюсь называть ее по имени, Трина.

– Когда тебе исполнится двенадцать, – отвечает она Китти. – Таковы правила клуба.

Трудно поверить, что Китти уже одиннадцать, а мне в мае будет восемнадцать. Время так быстро летит. Я смотрю через стол на папу, а он смотрит на Китти, а потом на меня с печальной улыбкой. Наверняка он думает о том же.

Он ловит мой взгляд и поет: «Лара Джин, ни о чем не волнуйся», подражая Стиви Уандеру, как умеет. Мы все стонем. Откусывая от самодельного сэндвича с мороженым, папа говорит:

– Ты все сделала правильно, и все получится как надо.

– Не может такого быть, чтобы университет Вирджинии тебе отказал, – говорит мисс Ротшильд.

– Постучите по дереву. – Китти сама стучит костяшками пальцев по столу. – И ты тоже, Лара Джин.

Я послушно стучу.

– Что это вообще значит, откуда эта примета?

Папа оживает.

– Считается, что она пришла из греческой мифологии. Согласно греческим мифам, дриады жили в деревьях и люди обращались к ним за защитой. Поэтому мы и стучим по дереву: просим дополнительной защиты, чтобы не искушать судьбу.

Теперь мы все обмениваемся взглядами. Папа такой заучка. А мисс Ротшильд рядом с ним кажется молодой, хотя у них не такая уж большая разница в возрасте. Однако они ладят.

* * *

Той ночью я не могу уснуть и лежу в постели, снова перебирая в голове внеклассные занятия, которые перечислила в документах для университета. Лучшие из них – работа в Бельвю и стажировка в библиотеке в прошлом году. Результаты квалификационных экзаменов у

меня лучше, чем средний проходной балл университета. Марго приняли, а у нее было всего на сорок баллов больше. У меня пятерка за экзамен по углубленному изучению истории. Я знаю людей, которых принимали в университет Вирджинии с меньшим баллом.

Надеюсь, мое эссе привлечет комиссию. Я написала про маму, сестер и то, как мама на нас повлияла: и когда была жива, и после смерти. Миссис Дюваль сказала, что это лучшее эссе, которое она читала, но она всегда питала слабость ко мне и моим сестрам, так что кто знает.

Я еще несколько минут ворочаюсь с боку на бок и наконец скидываю одеяло и встаю. Иду в кухню и принимаюсь отмерять муку для печенья с шоколадной крошкой.

Глава 5

ЧЕТВЕРГ – ДЕНЬ ПЕРСОНАЖЕЙ, и я ждала его всю неделю. Мы с Питером часами обсуждаем, кем будем. Я предлагаю Александра Гамильтона и Элизабет Скайлер^[11], но отказываюсь от этой мысли, когда понимаю, как дорого стоит аренда костюмов колониальной эпохи. Парные костюмы, кажется, становятся моей любимой частью отношений, после поцелуев, поездок на машине и самого Питера.

Он хотел нарядиться Человеком-пауком, а я бы надела рыжий парик и была Мэри-Джейн Уотсон. Вообще-то, он предложил это потому, что костюм у него уже был. Раз он спортсмен, почему бы не дать людям то, чего они хотят, и не продемонстрировать его шикарную фигуру? (Это его слова, а не мои.) В конце концов мы решили одеться Тайлером Дерденом и Марлой Сингер из «Бойцовского клуба». Эту идею подала моя лучшая подруга Крис. Мы с ней и Китти смотрели фильм у меня дома, и Крис сказала: «Вы с Кавински должны одеться этими психами» и что это всех шокирует. По крайней мере, если я так оденусь. Сначала я отказалась, потому что Марла не азиатка, а я всегда одеваюсь в костюмы азиатов, но потом мама Питера нашла на распродаже красный кожаный пиджак, и все сложилось само собой. Мисс Ротшильд одалживает мне вещи из своего гардероба для костюма, потому что в девяностых она была молодой.

Сегодня утром мисс Ротшильд приходит до работы, чтобы помочь мне собраться. Я сижу в кухне за столом в ее черном узком платье, жакете из искусственного мохера и в парике, который Китти увлеченно ерошит, чтобы придать ему растрепанный вид, словно я только что встала с кровати. Я отталкиваю ее руки с муссом для волос, а она говорит: «Но образ этого требует!».

– Тебе повезло, что я ничего не выбрасываю, – говорит мисс Ротшильд, прихлебывая кофе из термоса. Из пакета она достает пару туфель на очень высокой платформе. – В двадцать лет я была королевой Хэллоуина. Могла собрать любой костюм. Теперь твоя очередь носить мою корону, Лара Джин.

– Вы все равно можете быть королевой, – говорю я.

– Нет, костюмы и маскарады – это для молодых. Если я сейчас оденусь сексуальным Шерлоком Холмсом, то буду выглядеть жалко. – Она взъерошивает мой парик. – Все в порядке. Мое время прошло. Китти, как думаешь, не добавить ли серых теней?

– Давайте не будем перегибать палку, – говорю я. – Я все-таки в школу иду.

– Костюм для того и надевают, чтобы перегнуть палку, – легкомысленно заявляет мисс Ротшильд. – Сделай много фотографий. Пришли мне, чтобы я могла похвастаться на работе. Все будут в восторге... Господи, работа! Сколько времени?

Мисс Ротшильд всегда опаздывает. Папу это сводит с ума, потому что он всегда все делает на десять минут раньше. И все равно!

Когда за мной приезжает Питер, я открываю дверь со стороны пассажирского сиденья и вскрикиваю: он стал блондином!

– Господи! – не могу не кричать я, трогая его волосы. – Ты их высветлил!

Он самодовольно ухмыляется.

– Это краска-спрей, мама ее для меня нашла. Пригодится, когда мы будем Ромео и Джульеттой на Хэллоуин. – Он оценивающе рассматривает меня и мой костюм. – Мне нравятся эти туфли. Очень сексуально.

Я чувствую, что краснею.

– Молчи!

Отъезжая от дома, он косится на меня снова и говорит:

– Это правда.

Я толкаю его в плечо.

– Я хочу одного – чтобы меня и мой костюм узнали.

– Не волнуйся, я прослежу, – успокаивает он меня.

Когда мы входим в коридор школы, Питер включает песню «Where Is My Mind?» группы Pixies, и нам аплодируют. Никто не спрашивает, из какой манги мой персонаж.

После уроков мы с Питером валяемся на диване. Он все еще в костюме, а я переоделась в обычную одежду.

– У тебя всегда такие милые носки, – говорит он, приподнимая мою правую ногу. Сейчас они серые, в белый горошек и с желтыми мишками.

Я гордо сообщаю:

– Моя двоюродная бабушка присылает их из Кореи. В Корее делают все самое милое.

– Можешь попросить ее прислать и для меня? Не с мишками, а, например, с тиграми. Тигры – это круто.

– Для таких милых носочков у тебя слишком большие ноги. Ты их порвешь большим пальцем. Но я уверена, что можно найти тебе подходящие носки... например, в зоопарке.

Питер садится и принимается меня щекотать. Я ахаю, но пытаюсь продолжать:

– Уверена, что панды... или гориллы... как-то греют ноги... зимой. Может, у них есть и технология дезодорантов для лап! – Меня одолевает смех. – Хватит, хватит!

– Тогда перестань говорить гадости про мои ноги!

Я засовываю руку ему под футболку и яростно принимаюсь щекотать. Но тем самым подставляюсь новым атакам.

– Ладно, ладно, перемирие! – кричу я.

Питер останавливается, и я притворяюсь, что тоже остановилась, но украдкой щекочу его подмышку, и он издает высокий визг, совершенно ему несвойственный.

– Ты же сказала – перемирие! – возмущенно говорит он. Мы оба киваем и укладываемся обратно, переводя дыхание. – Ты правда считаешь, что мои ноги плохо пахнут?

Нет, не считаю. Мне нравится, как он пахнет после матча – потом, травой, собой. Но дразнить его весело, тогда у него на лице на долю секунды появляется неуверенное выражение.

– После игры бывает... – говорю я. Питер нападает снова, и мы сражаемся и смеемся, когда входит Китти с подносом, на котором бутерброд с сыром и стакан апельсинового сока.

– Занимайтесь этим в комнате, а не на людях, – говорит она, усаживаясь на пол.

Я отодвигаюсь и сердито смотрю на нее.

– Мы ничего такого не делаем, Кэтрин.

– Твоя сестра говорит, что у меня воняют ноги, – говорит Питер, тыкая ногой в ее сторону. – Она врет, правда?

Китти отбивает его ногу локтем.

– Я не буду нюхать твои ноги. – Ее передергивает. – Вы извращенцы.

Я с воплем кидаю в нее подушкой. Она ахает.

– Тебе повезло, что ты не опрокинула мой сок! Папа тебя убьет, если ты опять испачкаешь ковер. Помнишь, как разлила лак для ногтей?

Питер ерошит мне волосы.

– Неуклюжая Лара Джин.

Я отталкиваю его руку.

– Вовсе нет. Это ты вчера у Гейба споткнулся о собственные ноги на пути к пицце.

Китти хихикает, и Питер кидает в нее подушкой.

– Хватит объединяться против меня! – восклицает он.

– Ты останешься на ужин? – спрашивает Китти, когда перестает хихикать.

– Не могу. Мама готовит стейк из курицы.

– Повезло! – Китти шире раскрывает глаза. – Лара Джин, что у нас на ужин?

– Я вот прямо сейчас размораживаю куриную грудку, – говорю я. Она морщится. – Если тебе не нравится, научись готовить сама. Я не смогу готовить тебе ужин, когда уеду в колледж.

– Да ладно. Ты наверняка каждый вечер будешь приезжать. – Она поворачивается к Питеру. – Можно я приду к тебе ужинать?

– Конечно, – отвечает он. – Вы обе можете.

Китти начинает радоваться, но я ее обрываю.

– Если мы пойдем, папе придется ужинать одному. Сегодня у мисс Ротшильд велотренажеры.

Китти кусает свой бутерброд.

– Тогда сделаю еще один бутерброд. Не хочу есть старую размороженную курицу.

Я резко сажусь на диване.

– Китти, я приготовлю что-нибудь другое, если завтра утром ты заплетишь мне волосы. Я хочу особую прическу для Нью-Йорка.

Я никогда не была в Нью-Йорке. Когда мы в последний раз ездили в отпуск всей семьей, я хотела в Нью-Йорк, но большинство голосов было за Мексику. Китти хотела есть рыбные тако и плавать в океане, а Марго – осматривать руины майя и совершенствовать свой испанский. В итоге я была даже рада результату. До этой поездки мы с Китти ни разу не выезжали из страны и никогда не видели такой синей воды.

– Заплету, но только если у меня останется время после моей прически, – заявляет Китти. На большее не стоило и надеяться. Она так хорошо делает прически...

– Кто будет заплетать мне волосы в колледже? – задумчиво спрашиваю я.

– Я могу, – уверенно отвечает Питер.

– Ты не умеешь, – фыркаю я.

– Ребенок меня научит. Научишь, ребенок?

– Не бесплатно, – говорит Китти.

Они торгуются и наконец решают, что Питер отведет Китти и ее подружек в кино в субботу. Вот так и получается, что я сижу, скрестив ноги, на полу, а Питер и Китти – на диване, у меня за спиной; Китти показывает, как плести французскую косичку, а Питер снимает процесс на

телефон.

– Теперь ты попробуй, – говорит она.

Прядки все время ускользают от него, и Питер раздражается.

– У тебя много волос, Лара Джин.

– Если французская косичка не получается, я научу тебя чему-нибудь попроще, – говорит Китти, не скрывая снисхождения в голосе. Питер тоже его слышит.

– Нет, я справлюсь. Дай попробовать. Я освою французскую косичку, как освоил французские поцелуи. – Он мне подмигивает.

Мы с Китти хором на него кричим.

– Не говори об этом перед моей сестрой! – восклицаю я, толкая его в грудь.

– Я пошутил!

– И ты не так хорошо целуешься по-французски. – Хотя на самом деле хорошо.

Питер смотрит на меня с выражением «кого ты пытаешься обмануть?», и я пожимаю плечами, потому что «кого я пытаюсь обмануть?».

Позже я провожаю Питера к машине. Он останавливается перед пассажирской дверью и спрашивает:

– Эй, скольких парней ты целовала?

– Всего трех. Тебя, Джона Амброуза Макларена, – я произношу это имя быстро, словно отклеиваю пластырь, но Питер все равно успевает нахмуриться, – и кузена Элли Фельдман.

– Того косоглазого?

– Да. Его зовут Росс. По-моему, он симпатичный. У нас была вечеринка с ночевкой у Элли; я поцеловала его на спор. Но мне хотелось.

Питер задумчиво меня рассматривает.

– Значит, меня, Джона и кузена Элли?

– Ага.

– Ты одного забыла, Кави.

– Кого?

– Сандерсона!

Я отмахиваюсь от него.

– Нет, это не считается.

– Росс, кузен Элли Фельдман, которого ты поцеловала на спор, считается, но не Джош, с которым ты мне технически изменила? – Питер грозит мне пальцем. – Ну нет, так не пойдет.

Я его толкаю.

– Мы с тобой тогда не встречались, сам знаешь!

– Это детали, но ладно. – Он косится на меня. – У тебя получается больше человек, чем у меня. Я целовался только с Джен, Джамилей и с тобой.

– А та девочка, с которой ты познакомился, когда ездил на пляж Миртл-Бич с двоюродными родственниками? Анджелина?

На его лице мелькает странное выражение.

– Ах да. Откуда ты про нее знаешь?

– Ты всем этим хвастался!

Это было лето перед седьмым классом. Я помню, что Женевьева с ума сходила, потому что какая-то другая девочка поцеловала Питера раньше, чем она. Мы пытались найти Анджелину в Интернете, но слишком мало про нее знали. Только ее имя.

– Значит, ты целовался с четырьмя девочками. И ты не только целовался, Питер.

– Ну ладно!

Но я уже не могу остановиться.

– Ты единственный, с кем я целовалась по-настоящему. И ты был первым. Первый поцелуй, первый парень, все с тобой первое! Тебе досталось все первое, а мне от тебя – ничего.

Он смущенно говорит:

– Вообще-то это не совсем правда.

Я сощуриваюсь.

– О чем ты?

– Не было никакой девочки на пляже. Я все это придумал.

– Анджелины с большой грудью не было?

– Я не говорил, что у нее большая грудь!

– Говорил. Тревору.

– Ладно, ладно, господа. Но суть не в этом.

– А в чем, Питер?

Он прочищает горло.

– В тот день в подвале Макларенов... У меня это тоже был первый поцелуй. С тобой.

Я резко перестаю смеяться.

– Со мной?

– Да.

Я смотрю на него в упор.

– Почему ты мне не рассказывал?

– Не знаю. Забыл, наверное. И мне стыдно, что я придумал девчонку. Никому не рассказывай!

Меня переполняет теплый восторг. Выходит, первый поцелуй Питера Кавински был со мной. Как чудесно!

Я обвиваю руками его шею и запрокидываю голову в ожидании поцелуя на ночь. Он трется щекой о мою, и я рада, что у него гладкие щеки, пока что ему едва нужно бриться. Я закрываю глаза, вдыхаю его запах, жду поцелуя. А он просто невинно чмокает меня в лоб.

– Спокойной ночи, Кави.

У меня распахиваются глаза.

– И это все?

Он самодовольно отвечает:

– Ты же сказала, что я не так уж хорошо целуюсь.

– Я пошутила!

Он подмигивает мне и садится в машину. Я провожаю его взглядом. Мы уже целый год вместе, но это все еще в новинку. Любить мальчика, который любит тебя в ответ. Это чудесно.

Я не сразу возвращаюсь в дом. На случай если он вернется. Уперев руки в боки, я жду целых двадцать секунд, а потом отворачиваюсь к крыльцу. И тут его машина подъезжает задним ходом и останавливается прямо перед домом. Питер высовывается в окно.

– Ну ладно, – окликает он меня, – давай попрактикуемся.

Я бегу к машине, притягиваю его за рубашку и наклоняю голову навстречу, а потом отталкиваю его и убегаю со смехом. Мои волосы развеваются на ветру.

– Кави! – кричит он вслед.

– На этом все на сегодня! – ехидно отвечаю я. – Увидимся завтра в автобусе!

Вечером, когда мы с Китти чистим зубы в ванной, я спрашиваю:

– По шкале от одного до десяти – как сильно ты будешь по мне скучать, когда я уеду в колледж? Только честно.

– Еще слишком рано об этом говорить, – отвечает она, споласкивая щетку.

– Просто ответь.

– На четыре.

– На четыре! Ты сказала, что по Марго скучаешь на шесть с половиной!

Китти качает головой.

- Лара Джин, почему ты запоминаешь каждую мелочь? Это нездорово.
- Ты могла хотя бы притвориться, что будешь скучать! – восклицаю я. – Ради приличия.
- Марго уехала на другой конец света. Ты будешь в пятнадцати минутах езды, так что я не успею заскучать.
- Все равно!
- Она прижимает ладони к сердцу.
- Ну хорошо, я буду скучать по тебе так, что каждую ночь буду плакать!
- Так-то лучше, – улыбаюсь я.
- Я буду скучать так сильно, что перережу запястья! – хохочет она.
- Кэтрин, не говори так!
- Тогда перестань напрашиваться на комплименты, – говорит она и отправляется в постель.

А я остаюсь паковать все, что нужно для поездки в Нью-Йорк. Если меня примут в университет Вирджинии, я, наверное, просто оставлю один набор косметики, кремов и расчесок дома, чтобы не возить их с собой каждый раз. Марго пришлось продумывать все, что она брала с собой в Сент-Эндрюс, потому что Шотландия далеко, и она не могла часто приезжать домой. А я могу взять вещи на осень и зиму, все летнее оставить дома, а потом менять.

Глава 6

УТРОМ ПАПА ОТВОЗИТ МЕНЯ В ШКОЛУ, откуда отправляется автобус.

– Позвони, как только заселишься в комнату, – говорит он, пока мы ждем, когда на светофоре загорится зеленый.

Он дал мне свою кредитную карту на карманные расходы. Мисс Ротшильд одолжила маленький зонтик и портативную зарядку для телефона.

Папа косится на меня и вздыхает:

– Теперь все происходит так быстро. Выпускная поездка, выпускной вечер, выпускная церемония... Совсем скоро ты уедешь из дома.

– У тебя останется Китти, – говорю я, – хотя она и не такой лучик солнца, как я. – Папа смеется. – Если меня возьмут в университет Вирджинии, я все время буду рядом, так что не волнуйся ни о чем. – Последние слова я напеваю, как делает он, подражая Стиви Уандеру.

В автобусе я сажусь с Питером, а Крис – с Лукасом. Я думала, что Крис трудно будет уговорить поехать, особенно если бы мы выбрали Диснейленд. Но она тоже никогда не была в Нью-Йорке, так что это оказалось легко.

Через час пути Питер втягивает всех в игру «Я никогда не...». Я притворяюсь, что сплю, потому что мало что делала из обычных вариантов: наркотики и секс, – а больше в игре ни о чем не спрашивают. К счастью, она довольно быстро заканчивается. Наверное, потому, что скучно играть, если при этом не пить. Я как раз открываю глаза и потягиваюсь, «просыпаясь», когда Гейб предлагает сыграть в «Правду или вызов», и у меня внутри все обрывается.

После скандала с видео в джакузи, разразившегося в прошлом году, меня смущает, что люди могут о нас думать, о том, чем мы занимаемся, о сексе. А «Правда или вызов» в сто раз хуже, чем «Я никогда не...»! Со сколькими людьми ты занималась сексом? Ты когда-нибудь участвовала в сексе втроем? Сколько раз в день ты мастурбируешь? Если такие вопросы зададут мне, придется сказать, что я девственница. Обычно, когда начинают играть на вечеринке, я ускользаю на кухню. Но в автобусе сбежать некуда, я в ловушке.

Питер смотрит на меня с насмешкой. Он знает, о чем я думаю. Он

говорит, что его не заботит то, что думают люди, но я-то знаю, что это неправда. Питера всегда очень заботило, что о нем думают.

– Правда или вызов? – спрашивает Гейб Лукаса. Лукас отпивает свою витаминизированную воду.

– Правда.

– Ты когда-нибудь занимался сексом с парнем?

Я напрягаюсь всем телом. Лукас – гей и не скрывает этого, но и не кричит об этом на каждом углу. Он не хочет постоянно объяснять людям, кто он такой. Это никого не касается.

Короткая пауза – и Лукас говорит:

– Нет. Ты предлагаешь?

Все смеются, и у Лукаса на губах легкая улыбка, но я вижу, как напряжены его шея и плечи. Тяжело, наверное, все время быть настороже на случай таких вопросов: все время готовиться уйти от темы, улыбнуться или посмеяться. По сравнению с этим моя девственность – сушая ерунда. Но я все равно не хочу отвечать.

Я молюсь, чтобы Лукас выбрал для следующего вопроса меня, потому что он обойдется со мной мягко. Но, наверное, он не замечает моих умоляющих взглядов, потому что выбирает Женевьеву, которая сидит на несколько рядов дальше, уткнувшись в телефон. Она встречается с парнем, который ходит с ней в одну церковь. Он учится в другой школе, поэтому они не так много видятся. От Крис я слышала, что ее родители развелись и отец переехал в новую квартиру со своей девушкой. Крис рассказывала, что у матери Женевьевы случился нервный срыв, несколько дней она лежала в больнице, но теперь все в порядке. Я за нее рада. Питер послал ее маме букет нарциссов, когда ее выписали, и мы вместе придумывали, что написать на открытке. В итоге написали просто: «Скорого выздоровления, Венди! Питер». Это я предложила послать цветы и даже добавила денег, но, конечно, не стала подписывать открытку. Просто мне всегда нравилась Венди: она была ко мне добра, когда я была ребенком. При виде Женевьевы у меня все еще что-то сжимается внутри, но не так сильно, как раньше. Я знаю, что мы больше никогда не будем подругами, и смирилась с этим.

– Джен! Правда или вызов? – окликает ее Лукас.

Она поднимает голову и автоматически говорит «вызов». Конечно, Женевьева выбирает вызов: ее можно назвать кем угодно, но не трусихой. Я готова на все, лишь бы не отвечать на вопросы про секс, поэтому тоже, наверное, выберу вызов.

Лукас велит Женевьеве сесть рядом с мистером Джайном и положить голову ему на плечо.

– Только так, чтобы все поверили, – подчеркивает он. Все валяются от хохота. Видно, что Женевьева очень не хочет этого делать, но она не трусиха.

Мы все смотрим, как она идет по проходу и останавливается рядом с мистером Джайном. Он учитель биологии, начал работать в нашей школе только в этом году. Довольно молодой и красивый, ходит в школу в узких джинсах и рубашках. Женевьева садится рядом с ним и заводит разговор. Мне виден только ее затылок. А потом она придвигается поближе и кладет голову ему на плечо. Он подсакивает, как испуганный кот. Все смеются. Мистер Джайн оглядывается и качает головой, с явным облегчением понимая, что это шутка.

Женевьева возвращается с победоносным видом, садится на место и осматривается. На секунду мы встречаемся взглядами, и у меня замирает сердце. Но она просто отводит взгляд.

– Правда или вызов, Крисси?

– Это тупая игра, – говорит Крис. Женевьева смотрит на нее в упор, вызываясь подняв брови, и Крис наконец закатывает глаза и говорит:

– Да ладно уж, правда.

Когда они сталкиваются лбами, как сейчас, невозможно не заметить их родства: они двоюродные сестры.

Женевьева обдумывает вопрос не торопясь и наконец наносит удар:

– Ты правда играла в доктора с нашим кузеном Алексом в третьем классе? Без обмана.

Все улюлюкают, а у Крис лицо становится ярко-красным. Я с сочувствием смотрю на нее. Я знаю ответ.

– Правда, – бормочет она, и все воют от смеха.

К счастью для меня, в этот момент мистер Джайн встает и вставляет диск в DVD-плеер, и игра заканчивается прежде, чем до меня доходит очередь. Крис оборачивается и тихо говорит мне:

– Тебе повезло.

– Я знаю, – шепчу я в ответ, и Питер смеется. Пусть смеется – я уверена, что он тоже чувствует облегчение. Не то чтобы он об этом говорил, но вряд ли хочет, чтобы весь класс знал, что мы с ним встречаемся уже год – дольше, если считать период фальшивых отношений, – но до сих пор не занимались сексом.

Почти никто из нашего класса не был в Нью-Йорке, поэтому мы смотрим по сторонам с раскрытыми ртами. Мне кажется, я никогда не была в месте, настолько полном жизни. У этого города сердце бьется по-своему.

Не могу поверить, сколько здесь людей и как изысканно все выглядят. Все они выглядят как... как городские. Кроме туристов вроде нас, конечно. Крис пытается делать вид, что ей скучно и ничто не впечатляет, но когда мы все садимся в метро, чтобы ехать к Эмпайр-стейт-билдинг, она не берется за поручень и едва не падает от внезапной остановки. «Здесь не так, как в Вашингтоне», – бормочет она. Еще бы. Вашингтон – ближайший к Шарлотсвиллу крупный город, но все равно кажется сонным и маленьким по сравнению с Нью-Йорком. Здесь столько можно посмотреть, столько магазинов, в которые можно зайти. Все куда-то спешат. Пожилая дама ругает Питера за то, что он смотрит в телефон на ходу, и все смеются. Похоже, Питеру неловко. От всего этого голова идет кругом.

В Эмпайр-стейт-билдинг я заставляю Питера сделать селфи со мной у лифтов. На вершине небоскреба у меня кружится голова: так мы высоко. Мисс Дейвенпорт советует посидеть пару минут, опустив голову между колен. Это помогает. Когда тошнота проходит, я встаю и иду искать Питера, который оставил меня одну.

Сворачивая за угол, я слышу, как Питер кричит: «Постойте, сэр! Подождите!». Он бежит за охранником, который подходит к лежащему на полу красному рюкзаку.

Охранник подбирает его с пола.

– Это твое? – требовательно спрашивает он.

– Э-э-э, да...

– Почему ты его оставил на полу? – Охранник расстегивает рюкзак и достает плюшевого мишку.

У Питера бегают глаза.

– Положите обратно, пожалуйста. Это для того, чтобы пригласить мою девушку на выпускной. Должно было быть сюрпризом.

Охранник качает головой, бормочет себе под нос и роется в рюкзаке.

– Сэр, пожалуйста, просто сожмите мишку.

– Не собираюсь, – говорит охранник.

Питер протягивает руку и сжимает его сам. Раздается тоненький голос: «Лара Джин, ты пойдешь со мной на выпускной?».

Я зажимаю рот руками от восторга.

Охранник строго говорит:

– Ты в Нью-Йорке, парень. Здесь нельзя оставлять рюкзаки без присмотра ради танцулек.

– Ради выпускного, – поправляет Питер, и охранник смеряет его неодобрительным взглядом. – Извините, можно мне забрать мишку?

Он наконец замечает меня.

– Лара Джин! Скажи ему, что твой любимый фильм «Неспящие в Сиэтле»!

Я подбегаю к ним.

– Это правда мой любимый фильм, сэр! Не выгоняйте его, пожалуйста. Охранник изо всех сил старается не улыбаться.

– Я не собирался его выгонять, – говорит он мне, а Питера предупреждает: – В следующий раз будь осторожнее. В Нью-Йорке мы за всем следим. Если что-то видим, то говорим об этом, запомни. Это не городок в глуши, откуда вы приехали. Это Нью-Йорк. Мы тут не шутки шутим.

Мы с Питером киваем, и охранник уходит. Как только он пропадает из вида, мы переглядываемся и смеемся до колик.

– Кто-то решил, что мой рюкзак оставил террорист! – говорит Питер. – И испортил мне сюрприз к чертям.

Я вынимаю мишку из его рюкзака и прижимаю к груди. Я так счастлива, что не обращаю внимания на ругательство.

– Получилось замечательно.

– Ты должна была выйти из-за угла и увидеть рюкзак рядом с телескопом. Потом ты бы вынула мишку, сжала и...

– Как я должна была догадаться, что его нужно сжать? – спрашиваю я.

Питер достает из рюкзака смятый кусок бумаги. На нем написано «Сожми меня».

– Отклеилось, когда охранник его тряс. Видишь, я обо всем подумал!

Обо всем, кроме того, что нельзя оставлять сумку без присмотра в общественном месте в Нью-Йорке, но все равно! Главное – что он думал обо мне. Я сжимаю мишку, и он снова говорит: «Лара Джин, ты пойдешь со мной на выпускной?».

– Да, Говард, пойду. – Говардом звали мишку в «Неспящих в Сиэтле».

– Почему ты говоришь «да» ему, а не мне? – спрашивает Питер.

– Потому что это он меня пригласил. – Я выгибаю бровь и жду.

Питер закатывает глаза и бормочет:

– Лара Джин, ты пойдешь со мной на выпускной? Господи, какая ты капризная...

Я протягиваю ему мишку.

– Пойду, но сначала поцелуй Говарда.

– Кави, нет. Ну пожалуйста.

– Пожалуйста, да! – Я умоляюще смотрю на него. – Как в фильме.

Он ворчит, но подчиняется у всех на глазах, и так я понимаю, что он целиком и полностью мой.

В автобусе на пути в отель в Нью-Джерси Питер шепчет:

– Хочешь после отбоя сбежать и вернуться в город?

По большей части это шутка. Он знает меня: я не из тех, кто сбегает в город в школьных поездках. И поэтому у него распахиваются глаза, когда я отвечаю:

– Как мы доберемся до города? Из Нью-Джерси в Нью-Йорк ходит такси?

Поверить не могу, что думаю об этом. Это совсем на меня непохоже. Я торопливо говорю:

– Нет, нет, глупости. Так нельзя. Мы заблудимся или нас ограбят, придется ехать домой раньше времени, и мы не попадем в Центральный парк...

Питер скептически смотрит на меня:

– Ты правда веришь, что Джайн и Дейвенпорт отправят нас домой?

– Может, и нет, но могут в наказание оставить нас на весь день в отеле, что еще хуже. Не будем рисковать... А что бы мы там делали?

Я просто хочу фантазировать, но Питер мне подыгрывает.

– Можно было бы сходить послушать музыку или посмотреть выступление юмористов. Может, нам бы удалось попасть на какого-нибудь знаменитого комика.

– Хотела бы я сходить на «Гамильтона»^[12].

Когда мы проезжали Таймс-сквер, мы с Лукасом чуть шею не сломали, пытаюсь разглядеть вывеску «Гамильтона», но не получилось.

– Завтра я хочу купить нью-йоркский бейгл и сравнить с «Бодос». – Бейглы «Бодос» в Шарлотсвилле – легенда, мы ими очень гордимся.

Я опускаю голову ему на плечо, зеваю и говорю:

– Я бы хотела пойти в пекарню «Левайн» и попробовать их печенье с шоколадной крошкой. Говорят, что оно ни на что не похоже. И еще хочу попасть в магазин шоколада Жака Торреса. Его печенье с шоколадной крошкой – лучшее, просто легендарное...

У меня закрываются глаза, и Питер гладит меня по голове. Я уже засыпаю, когда понимаю, что он распутывает косы, которые Китти заколола мне вокруг головы. У меня распахиваются глаза.

– Питер!

– Ш-ш-ш, не просыпайся. Я хочу попробовать...

– Ты не сможешь их уложить так, как было.

– Дай мне попробовать, – говорит он, собирая шпильки в ладонь.

Но когда мы добираемся до отеля, несмотря на все его старания, косы

у меня неровные, слишком свободно заплетены и отказываются держаться на голове.

– Я отправлю фотографию Китти, чтобы она оценила, какой у нее плохой ученик, – говорю я, собирая вещи.

– Не надо! – торопливо говорит Питер, и я улыбаюсь.

Следующий день выдается удивительно теплым для марта. Солнце светит, только-только распускаются первые цветы. Как в фильме «Вам письмо», когда Кейтлин Келли идет на встречу с Джо Фоксом в Риверсайт-парке. Я бы хотела увидеть тот самый сад, в котором они целуются в конце фильма, но вместо этого экскурсовод приводит нас в Центральный парк. Мы с Крис фотографируем мозаику «Вообрази» на Клубничных полях, когда я понимаю, что не вижу Питера. Я спрашиваю у Гейба и Дэррила, где он, но они его тоже не видели. Я отправляю ему эсэмэску, но он не отвечает. Мы вот-вот перейдем на Овечью лужайку, где будет пикник, и я начинаю паниковать: что если мистер Джайн или мисс Дейвенпорт заметят, что его нет?

Питер бегом догоняет нас, когда мы уже почти уходим. У него даже дыхание не сбилось, и то, что мы его чуть не потеряли, его ни капли не заботит.

– Где ты был? – восклицаю я. – Мы чуть не ушли без тебя!

Он торжествующе протягивает мне коричневый бумажный пакет.

– Открой и посмотри.

Я забираю пакет и заглядываю внутрь. Это печенье с шоколадной крошкой от «Левайн», все еще теплое.

– О господи, Питер! Ты такой заботливый!

Я поднимаюсь на цыпочки и обнимаю его, а потом оборачиваюсь к Крис.

– Правда, он заботливый, Крис?

Питер милый, но обычно не настолько. Он сделал два романтических жеста подряд, и похвалить его надо как следует, потому что мальчики хорошо реагируют на поощрение.

Она уже сунула руку в пакет и засовывает кусок печенья в рот.

– Очень заботливый. – Она тянется за вторым куском, но Питер отбирает у нее пакет.

– Черт, Крис! Дай Кави попробовать, прежде чем все съешь!

– А почему ты купил всего одно?

– Потому что оно огромное! И стоит пять баксов за штуку.

– Не могу поверить, что ты сбегал и купил мне печенье, – говорю я. –

Ты не боялся, что потеряешься?

– Нет, – с гордостью отвечает он. – Я просто посмотрел по гугл-картам. Немного поплутал, когда вернулся обратно в парк, но мне подсказали. Люди в Нью-Йорке очень дружелюбные. То, что они грубые, – наверное, вранье.

– Да, все, кого мы встречали, очень милые. Кроме леди, которая на тебя накричала за то, что ты смотрел в телефон на ходу, – говорит Крис и хихикает, а Питер хмурится в ответ. Я откусываю большой кусок печенья. Оно больше похоже на лепешку, плотное и с заметным вкусом теста. И тяжелое. Действительно не похоже ни на одно печенье с шоколадной крошкой, которое я пробовала.

– Ну что? – спрашивает Питер. – Каков вердикт?

– Оно уникальное. Отдельная категория.

Я откусываю еще кусок. Мисс Дейвенпорт подходит к нам и торопит, косясь на печенье у меня в руках.

У нашего экскурсовода указка в форме факела статуи Свободы, и он поднимает его в воздух, ведя нас через парк. Волосы у него собраны в хвост, он в жилетке цвета хаки. По-моему, он немного слащавый, но, похоже, мисс Дейвенпорт нравится. Я бы хотела гулять и осматривать город самостоятельно. Но нет. После Центрального парка мы едем на метро в центр и переходим Бруклинский мост пешком. Пока все стоят в очереди за мороженым в «Бруклин айс-крим фактори», мы с Питером сбегает в магазин шоколада Жака Торреса. Это идея Питера. Конечно, я сначала спрашиваю разрешения у мисс Дейвенпорт. Она занята разговором с экскурсоводом и только машет рукой, разрешая. Я чувствую себя такой взрослой, когда иду одна по улицам Нью-Йорка.

В магазине меня охватывает восторг. Наконец я смогу попробовать знаменитое печенье Жака! Я его откусываю: оно плоское, тягучее, плотное. Шоколад собрался наверху и затвердел! Масло и сахар на вкус почти карамелизированные. Райское наслаждение.

– Твои вкуснее, – говорит Питер с набитым ртом, а я шикаю на него и оглядываюсь, проверяя, что девушка у кассы не услышала.

– Не ври, – говорю я.

– Я не вру!

Врет, конечно.

– Я не понимаю, почему мое печенье не такое, – говорю я.

– Наверное, потому, что они готовят в промышленных печах.

Видимо, мне придется принять то, что мое печенье неидеально.

Выходя на улицу, я замечаю через дорогу пекарню «Алмондин», а на

другом углу – «Печенье одной девушки». Нью-Йорк и правда город выпечки.

Мы с Питером возвращаемся к магазину с мороженым, держась за руки. Все спустились на пирс, сидят на лавочках, едят мороженое и делают селфи с видом на Манхэттен. Нью-Йорк не перестает удивлять своей красотой.

Наверное, Питер думает о том же, потому что сжимает мою руку и говорит:

- Потрясающий город.
- Потрясающий.

Я крепко сплю, когда раздается стук в дверь. Вздрогнув, я просыпаюсь. За окном еще темно. Крис в соседней кровати не шевелится.

С другой стороны двери раздается голос Питера:

- Кави, это я. Хочешь пойти посмотреть рассвет на крыше?

Я выбираюсь из постели и открываю дверь. Питер стоит на пороге в толстовке университета Вирджинии с двумя стаканчиками: в одном кофе, из другого свисает чайный пакетик.

- Сколько времени?

- Полшестого. Скорее бери куртку.

– Сейчас, две минуты! – шепчу я, бегу в ванную почистить зубы и в темноте пытаюсь нащупать куртку. – Не могу ее найти!

- Можешь надеть мою толстовку, – предлагает Питер с порога.

Крис рычит из-под одеяла:

- Если вы двое не заткнетесь, я вам устрою.

- Извини, – шепчу я. – Хочешь пойти посмотреть на рассвет с нами?

Питер дуется, но Крис не высовывается из-под одеяла и не видит этого.

- Нет. Валите отсюда!

- Прости, сейчас! – говорю я и выбегаю за дверь.

Мы поднимаемся на лифте на крышу. Снаружи все еще темно, но начинает светать. Город только-только просыпается. Питер сразу снимает толстовку, я поднимаю руки, и он надевает ее на меня. Она теплая и пахнет стиральным порошком, который использует его мама.

Питер наклоняется над парапетом и смотрит через реку на город.

– Представь, что мы живем здесь после колледжа. Может, в небоскребе со швейцаром и спортзалом.

– Я не хочу жить в небоскребе. Я хочу жить в браунстоуне^[13] в Вест-Виллидж, рядом с книжным магазином.

– Придумаем что-нибудь, – говорит он.

Я тоже перегибаюсь через край. Я никогда не думала о жизни в Нью-Йорке. До приезда сюда он меня немного пугал. Я представляла, что это город для крепких духом людей, которые не боятся ругаться с другими в метро, или для мужчин в костюмах, работающих на Уолл-стрит, или для художников, живущих в лофтах в Сохо. Но теперь, когда я здесь, все не так страшно. Да и Питер со мной рядом. Я украдкой смотрю на него. Значит, вот как это бывает? Когда влюбляешься, то тебя ничто уже не пугает по-настоящему и жизнь кажется морем возможностей!

Глава 7

ДОРОГА ОБРАТНО В ВИРДЖИНИЮ занимает шесть часов, и большую часть этого времени я сплю. Автобус подъезжает к школе уже затемно. Я вижу припаркованную у ворот папину машину. У нас у всех давно есть собственные машины, мы ездим по городу сами, но когда вот так видишь родителей, которые нас ждут, кажется, что мы снова в начальной школе и приехали с экскурсии. Приятное чувство. По пути домой мы покупаем пиццу. Мисс Ротшильд приходит в гости, и мы с ней, папой и Китти едим перед телевизором.

Потом я разбираю вещи, доделываю оставшиеся уроки, звоню Питеру, а когда ложусь в кровать, ворочаюсь целую вечность. Может, я выпалась в автобусе или дело в том, что в любой момент мне могут написать из университета Вирджинии. У меня не получается заснуть, поэтому я спускаюсь вниз и открываю кухонные шкафчики.

Что можно испечь посреди ночи, чтобы не пришлось ждать, пока масло станет мягким? Неизменный вопрос в моей жизни. Мисс Ротшильд говорит, что нужно просто оставлять масло на столе под крышкой, как делает она; но в нашей семье так не принято, мы убираем масло в холодильник. К тому же слишком мягкое масло не подходит для выпечки, а в Вирджинии весной и летом оно тает быстро.

Наверное, можно наконец попробовать испечь рулеты-брауни с корицей, про которые я давно думала. Рецепт брауни от Кэтрин Хэпберн с щепоткой корицы и завитком мягкого сыра сверху.

Я растапливаю шоколад в пароварке и уже жалею, что взялась за это в такой поздний час, когда в кухню спускается папа. На нем халат из тартана, подаренный Марго на прошлое Рождество.

– Тебе тоже не спится? – говорит он.

– Я пробую новый рецепт. Назову это браулетами с корицей или грехом с корицей.

– Посмотрим, как ты встанешь утром, – говорит папа, потирая затылок.

Я зеваю.

– Знаешь, я подумала: может, ты завтра позвонишь в школу и отпросишь меня, а я высплюсь, и потом мы с тобой неторопливо и расслабленно позавтракаем вдвоем, как отец и дочь. Я приготовлю омлет с грибами.

Папа смеется:

– Хорошая попытка. – Он подталкивает меня к лестнице. – Я доделаю твои брулеты или как там они называются. А ты иди в постель.

Я снова зеваю.

– Ты справишься с сырным кремом? – Папа выглядит встревоженно. – Забудь. Я закончу тесто, а печь буду завтра.

– Я помогу, – предлагает он.

– Я уже почти закончила.

– Ну и пусть.

– Ну ладно. Можешь отмерить четверть чашки муки?

Папа кивает и достает мерную чашку.

– Эта для отмеривания жидкости. Нужна та, которая для сухих веществ, чтобы муку можно было выровнять.

Он возвращается к шкафчику и меняет чашки. Я наблюдаю за тем, как он зачерпывает муку и аккуратно проводит по верху ножом для масла.

– Очень хорошо.

– У меня хороший учитель, – говорит он.

Я наклоняю голову.

– Почему ты не спишь, папа?

– А... у меня просто слишком много мыслей в голове. – Он закрывает муку и колеблется, прежде чем спросить. – Как ты относишься к Трине? Она же тебе нравится?

Я снимаю ковшик с шоколадом с огня.

– Очень нравится. Я ее почти люблю. А ты ее любишь?

В этот раз папа не колеблется.

– Люблю.

– Очень хорошо, – говорю я. – Я рада.

У него на лице написано облегчение.

– Хорошо, – отвечает он и повторяет: – Хорошо.

Наверное, у них все серьезно, раз он задает такие вопросы. Может, он хочет предложить мисс Ротшильд жить вместе? Но, прежде чем я успеваю спросить, он говорит:

– Никто никогда не займет место твоей мамы. Ты ведь это знаешь?

– Конечно, знаю.

Я пробую кончиком языка шоколад на ложке. Пока еще слишком горячо. Хорошо, что папа снова полюбил. Он так долго был один, что это казалось естественным, но так лучше. И он счастлив, это сразу видно. Теперь я уже не могу представить его без мисс Ротшильд.

– Я за тебя рада, папа.

Глава 8

ВСЕ УТРО Я ПРОВЕРЯЮ ТЕЛЕФОН, как делают остальные одноклассники целую неделю. Сегодня четверг, и все еще тишина. Приемная комиссия университета Вирджинии всегда рассылает сообщения о зачислении до первого апреля, и в прошлом году они были отправлены в третью неделю марта, так что мое письмо может прийти в любой момент. Обычно они сообщают в социальных сетях, что пора проверить свой личный профиль, ты залогиниваешься в систему и узнаешь свою судьбу.

Когда-то университеты рассылали письма обычной почтой. Миссис Дюваль рассказывала, что родители звонили в школу, когда приходил почтальон, и дети прыгали по машинам и мчались по домам. Есть что-то романтическое в ожидании письма по почте, конверта с твоей судьбой.

Я сижу на уроке французского, сегодня он последний, когда кто-то восклицает:

– Университет Вирджинии пишет в «Твиттере», что решения о приеме разосланы!

Мадам Хант говорит: Calmez-vous, calmez-vous^[14], – но все встают и хватаются за телефоны, не обращая на нее внимания.

Наступил момент истины. Дрожащими руками я ввожу логин и пароль; пока страница загружается, сердце у меня бьется со скоростью миллион миль в минуту.

В этом году университет Вирджинии получил более 30 000 заявок. Приемная комиссия рассмотрела вашу заявку и тщательно оценила академические и личные достижения и внеклассную деятельность. Хотя у вас очень сильная заявка, мы с сожалением вынуждены сообщить...

Не может быть. Это кошмарный сон, и я вот-вот проснусь. Просыпайся, просыпайся же...

Я слышу голоса людей вокруг как сквозь вату. Из коридора доносится радостный крик. Потом звенит звонок, и все выпрыгивают из-за парт и выбегают за дверь. Мадам Хант бормочет: «Обычно они не рассылают подтверждения до конца уроков». Я поднимаю голову. Она смотрит на меня с грустью и сочувствием, по-матерински. И этот взгляд меня ломает.

Все испорчено. В груди у меня болит, трудно дышать. Все мои планы, все, на что я рассчитывала, уже не воплотить. Я не буду приезжать домой на воскресный ужин, не смогу заниматься стиркой вместе с Китти по

выходным, Питер не будет провожать меня на занятия, я не буду читать вечера напролет в библиотеке Клемонс. Все кончено.

Все наши планы рухнули.

Я смотрю на телефон и снова читаю слова «с сожалением вынуждены сообщить...». У меня плывет перед глазами. Но я читаю письмо снова и снова. Меня даже не внесли в список ожидания. Даже этого я не заслужила.

Я встаю, беру сумку и выхожу из класса. Внутри у меня все замерло, но в то же время я чувствую, как бьется у меня сердце, как пульсирует кровь в ушах. Как будто все части тела двигаются и продолжают функционировать, как и должны, но я сама совершенно онемела. Меня не приняли. Я не попала в университет Вирджинии. Я им не подошла.

Я иду к своему шкафчику все еще как в тумане и едва не налетаю на Питера, выходящего из-за угла. Он хватается меня за плечи.

– Ну что? – У него глаза горят в предвкушении.

Мой голос звучит как будто издалека.

– Меня не приняли.

Он раскрывает рот.

– Что?

В горле застрял комок.

– Ага.

– И даже в список ожидания не внесли?

Я мотаю головой.

– Бли-и-ин, – протяжно выдыхает он.

Питер шокирован. Он разжимает руки и явно не знает, что сказать.

– Мне нужно идти, – говорю я, отворачиваясь.

– Постой, я пойду с тобой!

– Нет, не надо. Сегодня у тебя игра на чужом стадионе. Нельзя ее пропускать.

– Кави, мне плевать на игру...

– Нет, не нужно. Просто... я тебе потом позвоню.

Питер тянется ко мне, но я отступаю и торопливо ухожу по коридору. Он зовет меня, но я не останавливаюсь. Мне просто нужно добраться до машины, и там я смогу расплакаться. Но пока нельзя. Еще сто шагов, и потом еще сто...

Я успеваю добраться до парковки. Всю дорогу домой я рыдаю так сильно, что едва вижу дорогу. Приходится свернуть на стоянку возле «Макдоналдса» и поплакать там. Я начинаю осознавать, что это не кошмарный сон, а реальность, и осенью я не пойду в университет Вирджинии с Питером. Все будут так разочарованы. Они все ждали, что

меня возьмут. Мы все ожидали, что так и будет. Не надо было всем рассказывать, как сильно я хочу попасть в этот университет. Стоило держать это при себе. Теперь все будут за меня переживать, это в сто раз хуже, чем грустные материнские взгляды мадам Хант.

Дома я беру телефон и иду к себе в комнату. Снимаю одежду, в которой ходила в школу, надеваю пижаму и забираюсь в кровать. Смотрю на экран. Я пропустила звонки от папы, Марго и Питера. Я захожу в «Инстаграм»: там куча постов людей, которые пишут о том, что их приняли в университет Вирджинии. Мою кузину Хэйвен приняли, и она выложила снимок сообщения. Однако она туда не пойдет. Она пойдет в университет Веллесли, он первый в ее предпочтениях. Ей не нужен университет Вирджинии, она подала туда документы на всякий случай. Уверена, что она изобразит сочувствие, когда узнает, что меня не приняли, но в душе будет довольна собой. Эмили Нассбаум приняли. Она выложила фотографию в толстовке университета и кепке. Господи, что, всех приняли? Я думала, что у меня оценки лучше, чем у нее. Наверное, нет.

Через некоторое время я слышу, как открывается дверь, шаги Китти, избегающей по лестнице. Она распахивает дверь спальни, но я лежу на боку с закрытыми глазами и притворяюсь, что сплю.

– Лара Джин, – шепотом зовет она.

Я не отвечаю. Мне нужно время, прежде чем я смогу посмотреть в лицо ей и папе и сказать, что не справилась. Я заставляю себя дышать глубоко и естественно и слышу, как Китти отступает и тихонько закрывает за собой дверь. Вскоре я засыпаю по-настоящему.

Когда я просыпаюсь, на улице темно. Всегда так тяжело, когда засыпаешь засветло и просыпаешься в темноте. Глаза у меня опухли и болят. Я слышу, как в кухне льется вода и звенит посуда. Я спускаюсь по лестнице и сажусь на ступеньки.

– Меня не взяли в университет Вирджинии, – говорю я.

Папа оборачивается: у него закатаны рукава, руки в пене и взгляд еще печальнее, чем у мадам Хант. Отеческий взгляд. Он выключает воду и подходит к лестнице, поднимает меня на ноги и сжимает в объятиях. Руки у него все еще мокрые.

– Мне так жаль, милая, – говорит он. Мы почти одного роста, потому что я стою на ступеньках. Я стараюсь не расплакаться, но, выпустив из объятий, он берет меня под подбородок и с тревогой всматривается в лицо. У меня уходят все силы, чтобы не сорваться. – Я знаю, как ты этого хотела...

Я сглатываю снова и снова, чтобы сдержать слезы.

– До сих пор кажется, что это неправда.

Он отводит волосы у меня с лица.

– Все будет хорошо, обещаю.

– Просто я... так не хотела уезжать от всех вас, – выговариваю я и не могу сдержаться, по лицу катятся слезы. Папа стирает их с моих щек. Лицо у него такое, словно он сам вот-вот расплачется, и от этого мне только хуже, потому что я собиралась держать лицо, но не получилось.

Обнимая меня, он признается:

– Я бы эгоистично радовался тому, что ты рядом с домом. Но ты все равно пойдешь в отличный университет, Лара Джин.

– Но не в университет Вирджинии... – шепчу я.

Папа прижимает меня к себе.

– Мне так жаль, – снова говорит он.

Он садится на лестницу рядом со мной, по-прежнему обнимая меня. Китти возвращается с улицы, где выгуливала Джейми Фокс-Пикла. Она переводит взгляд с меня на папу и выпускает поводок.

– Тебя не приняли?

Я вытираю лицо и пытаюсь пожать плечами.

– Нет. Не суждено, наверное.

– Мне очень жаль, – говорит она едва слышно, с полным печали взглядом.

– Иди хотя бы обними меня, – отвечаю я. Она так и делает. Мы долго сидим втроем на лестнице. Папа обнимает меня за плечи, рука Китти лежит у меня на колене.

Папа делает мне сэндвич с индейкой, я съедаю его, возвращаюсь к себе в комнату, снова сажусь на кровать и смотрю в телефон. Тут раздается стук в окно. Это Питер, пока еще одетый в спортивную форму. Я вскакиваю открыть окно. Он забирается внутрь, всматривается в мое лицо и говорит:

– Привет, крольчонок.

Так он зовет меня, когда я плачу. Меня это смешит. Я тянусь его обнять, но он предупреждает:

– Сейчас не стоит, я не успел принять душ после игры. Сразу поехал сюда.

Я все равно его обнимаю. Пахнет он совсем не плохо.

– Почему ты не позвонил в дверь? – спрашиваю я, обхватив его за талию и глядя снизу вверх.

– Думал, что твоему папе не понравится, что я так поздно пришел. Ты

в порядке?

– Вроде того. – Я отпускаю его и сажусь на кровать, а он садится за стол. – Не особенно.

– Я тоже... – Долгая пауза, а потом Питер говорит: – Мне кажется, что днем я сказал тебе что-то не то. Я был не в себе. Просто поверить не мог.

Я не отрываю глаз от покрывала на кровати.

– Знаю. Я тоже.

– Это так тупо! Оценки у тебя куда лучше, чем у меня. Кэри приняли, а ты лучше него!

– Ну я же не играю в лакросс или гольф.

Я пытаюсь не выдать обиду, но это трудно. В сознание прокрадывается предательская мыслишка: несправедливо, что Питера приняли, а меня – нет. Я это больше заслужила. Я больше работала. У меня лучше оценки, выше результат квалификационного экзамена.

– К черту их всех.

– Питер.

– Извини. Ну их всех. – Он протяжно выдыхает. – Ерунда какая-то.

Я автоматически говорю:

– Нет, это понятно. В университет Вирджинии очень большой конкурс. Я на них не сержусь. Просто жалею, что не буду там учиться.

Он кивает.

– Я тоже.

Внезапно я слышу шум воды из туалета, и мы оба замираем.

– Тебе лучше уйти, – шепчу я.

Питер еще раз обнимает меня, а потом вылезает в окно. Я смотрю, как он бежит по улице к своей припаркованной машине. Когда он уезжает, я проверяю телефон. Два пропущенных звонка от Марго и сообщение «Мне очень жаль».

И я снова начинаю плакать, потому что теперь чувствую, что это по-настоящему.

Глава 9

УТРОМ ПЕРВАЯ МОЯ МЫСЛЬ – о том, что я не буду учиться в университете Вирджинии. Теперь я не знаю, что будет дальше. Мне никогда в жизни не приходилось об этом беспокоиться. Я всегда знала, где мое место. Дома.

Лежа в постели, я начинаю составлять в уме список того, что я упускаю из-за того, что не буду учиться в двух шагах от дома. Важные моменты.

Первые месячные Китти. Наш папа – гинеколог, так что он все объяснит, но я ждала момента, когда смогу прочитать Китти лекцию о становлении женщиной, которая ее взбесит. Может, их придется ждать еще год или два. Но у меня они начались в двенадцать, а у Марго – в одиннадцать, так что кто знает? Когда они начались у меня, Марго все мне объяснила про тампоны и что, если боли очень сильные, нужно спать на животе. От ее объяснений мне казалось, что я вступила в тайный женский клуб. Благодаря старшей сестре мой страх взросления был не таким сильным. У Китти не будет рядом ни одной из старших сестер. По крайней мере, у нее есть мисс Ротшильд, и она живет через дорогу. Китти так привязана к мисс Ротшильд, что, наверное, все равно предпочтет услышать лекцию от нее. Даже если когда-нибудь в будущем папа и мисс Ротшильд расстанутся, я уверена, что от Китти мисс Ротшильд не отвернется. Они крепко сдружились.

Я пропущу день рождения Китти. Я никогда его не пропускала. Нужно будет напомнить папе про традиционный плакат.

Впервые в жизни все девочки Сонг будут жить отдельно друг от друга. Мы, наверное, никогда больше не будем жить втроем в одном доме. Будем приезжать сюда на праздники и каникулы, но это уже не то. Наверное, все изменилось уже тогда, когда Марго уехала в колледж. Конечно, к этому привыкаешь. Китти тоже привыкнет.

За завтраком я то и дело смотрю на нее, запоминая каждую деталь. Длинные ноги, узловатые колени, то, как она смотрит телевизор с полуулыбкой на лице. Она уже скоро перестанет быть такой юной. Нужно будет сделать с ней что-то особенное, пока я не уехала.

Когда начинается реклама, она косится на меня.

– Что ты на меня так уставилась?

– Просто так. Я буду по тебе скучать.

Китти допивает остатки молока с хлопьями.

– Можно я перееду в твою комнату?

– Что? Нет!

– Но тебя же здесь не будет. Почему твоя комната должна простаивать?

– Почему ты хочешь мою комнату, а не комнату Марго? У нее комната больше.

Китти практичным тоном говорит:

– Твоя ближе к ванной и освещение в ней лучше.

Я боюсь перемен, а Китти их приветствует с распростертыми объятиями. Так она с ними справляется.

– Ты тоже будешь по мне скучать, не притворяйся, – говорю я.

– Я всегда хотела узнать, каково это – быть единственным ребенком, – нараспев говорит она, но когда я хмурюсь, восклицает: – Это шутка!

Я знаю, что Китти ведет себя как обычно, но все равно чувствую укол обиды. Как можно хотеть быть единственным ребенком? Что хорошего в том, что некому согреть тебе ноги в холодную зимнюю ночь?

– Ты будешь по мне скучать, – говорю я скорее себе, чем ей. Она все равно меня не слышит: реклама закончилась, и она снова смотрит свою передачу.

На следующий день в школе я иду прямиком в кабинет миссис Дюваль сообщить новости. Едва увидев мое выражение лица, она говорит: «Присядь-ка» – и закрывает за мной дверь. Садится в кресло рядом с моим.

– Рассказывай.

Я делаю глубокий вдох.

– Меня не приняли в университет Вирджинии.

Казалось бы, после того, как повторяешь это несколько раз, должно стать легче, но нет – только хуже.

Она тяжело вздыхает.

– Я удивлена. Очень, очень удивлена. У тебя была сильная заявка, Лара Джин. Ты прекрасно учишься. Я слышала, что в этом году кандидатов было на несколько тысяч больше, чем в прошлые годы. Однако то, что ты даже не попала в список ожидания, странно.

Я могу только пожать плечами. Своему голосу я сейчас не доверяю. Она наклоняется ближе и обнимает меня.

– Я слышала от человека из приемной комиссии, что университет Уильяма и Мэри будет рассылать решения сегодня к вечеру, будь к этому готова. Еще остаются университет Северной Каролины и университет Ричмонда. Куда еще ты подавала документы? В политехнический?

Я качаю головой.

– В университет имени Джеймса Мэдисона.

– Все это отличные университеты. Все будет в порядке, Лара Джин. Я уверена в этом.

Я не говорю вслух то, что думаю: мы обе были уверены, что я попаду в университет Вирджинии. Вместо этого я только слабо улыбаюсь.

Выходя из кабинета, я вижу возле шкафчиков Крис. Рассказываю ей новости. Она говорит:

– Поехали со мной работать на ферме в Коста-Рике.

В изумлении я прислоняюсь к стене:

– Что?

– Я же тебе рассказывала.

– Нет, не помню.

Я знала, что Крис не будет поступать в университет. Сначала она собирается пойти в муниципальный колледж. Для университета у нее недостаточно высокие оценки, да и желания нет. Но про Коста-Рику она ничего не говорила.

– Я собираюсь сделать перерыв в учебе и поехать работать на ферму. Работаешь пять часов в день, жилье есть, еда есть. Шикарно.

– Но что ты знаешь о работе на ферме?

– Ничего! Это неважно. Главное – быть готовой работать, тебя всему научат. Можно еще поехать работать в школе серфинга в Новой Зеландии или учиться делать вино в Италии. В общем, я могу поехать куда угодно. Разве не потрясающе?

– Да... – Я пытаюсь улыбнуться, но лицо как будто стянуто. – Твоя мама не против?

Крис ковыряет заусенец.

– Неважно, мне уже восемнадцать. У нее нет выбора.

Я сомневаюсь. У Крис строгая мама. Мне трудно представить, чтобы она согласилась с этим планом.

– Я сказала, что проработаю год, а потом вернусь и пойду в муниципальный колледж Пьемонта, а оттуда переведусь в четырехлетний колледж^[15], – признается она. – Но кто знает, как все сложится? Год – это долгий срок. Может, я выйду замуж за диджея, или присоединюсь к группе, или начну свою линию модных бикини.

– Какие гламурные занятия.

Мне бы хотелось за нее порадоваться, но я не могу себя заставить. Хорошо, что у Крис есть планы. Это не похоже на то, что делают остальные

наши одноклассники. Такое ощущение, что все вокруг меня меняется самым неожиданным образом, а я хочу, чтобы все оставалось как раньше.

– Ты будешь мне писать? – спрашиваю я.

– Буду присылать тебе снэпчаты^[16].

– У меня нет «Снэпчата», и это не одно и то же, – я легонько ее пинаю. – Присылай мне открытки из всех мест, в которых окажешься. Пожалуйста.

– Кто знает, будет ли там почта? Не знаю, как работает почта в Коста-Рике.

– Хотя бы попытайся.

– Попытаюсь, – соглашается она.

В этом году я мало времени проводила с Крис. Она нашла работу хостес^[17] в «Эплбис»^[18] и тесно сошлась с коллегами. Они старше, у некоторых есть дети, и они сами зарабатывают себе на жизнь. Я уверена, что Крис никому из них не рассказывает, что живет с родителями и счета оплачивает не сама. Когда я заходила к ней с месяц назад, одна из официанток сказала, что надеется, что ее зарплата за вечер хватит заплатить за аренду, и посмотрела на Крис с выражением «знаешь, как это бывает». Крис кивнула, как будто знает. Мой вопросительный взгляд она предпочла не заметить.

Звонит предупредительный звонок, и мы двигаемся в сторону класса.

– Кавински, наверное, с ума сходит, оттого что ты не поступила, – говорит Крис, мимоходом оценивая свое отражение в стекле. – Значит, придется вам встречаться на расстоянии?

– Ну... да. – У меня все сжимается в груди. – Наверное.

– Тебе обязательно нужно оставить здесь своих людей, чтобы присматривать за ним, – говорит она. – Шпионов. Кажется, Джиллиан Макдугал поступила. Она согласится.

Я неодобрительно смотрю на нее.

– Крис, я доверяю Питеру.

– Знаю, но я не про него говорю! А про всяких девчонок на его этаже в общежитии. Будут к нему заходить. Оставь ему свою фотографию для компании. Ты ведь понимаешь, о чем я? – Она хмурится. – Понимаешь же?

– Сексуальную фотографию? Ни за что! – Я отхожу от нее подальше. – Ладно, мне надо в класс.

Мне совершенно не хочется думать про Питера и каких-то девчонок. Я все пытаюсь привыкнуть к мысли, что осенью мы будем в разных университетах.

Крис закатывает глаза.

– Успокойся. Я же не предлагаю тебе сфотографироваться голой. Тебе я такого советовать не буду. Я имею в виду что-то типа пинапа, но не пошлое. Сексуальное. Что-то, что Кавински может повесить у себя в комнате.

– Зачем мне нужно, чтобы он вешал мое сексуальное фото у себя в комнате всем напоказ?

Крис щелкает меня по лбу.

– Ой! – Я отталкиваю ее и тру лоб. – Больно же!

– Ты это заслужила за глупые вопросы, – вздыхает она. – Это профилактическая мера. Твоя фотография на стене – как помеченная территория. Кавински – красавчик и спортсмен. Думаешь, других девчонок остановит то, что он встречается с кем-то из другого университета? – Она понижает голос и добавляет: – С Девой Марией?

Я ахаю и оглядываюсь, не подслушал ли кто-нибудь.

– Крис! – шиплю я. – Не болтай!

– Я просто пытаюсь тебе помочь! Свое надо защищать, Лара Джин. Если я встречу в Коста-Рике красавчика, у которого девушка далеко и он с ней даже не спит, не думаю, что меня это остановит. – Она пожимает плечами с видом «и мне не стыдно». – И обязательно вставь фотографию в рамку, чтобы все видели: дело серьезное. Рамка – знак постоянства. Если фотография просто приклеена к стене, это значит – сегодня есть, завтра нет.

Я задумчиво кусаю губу.

– Может, фотография, где я пеку, в фартуке...

– И только в нем? – хихикает Крис, и я молниеносно щелкаю ее по лбу.

– Ай!

– Не шути мне тут!

Звенит второй звонок, и мы расходимся.

Мне совершенно не хочется дарить Питеру сексуальную фотографию, но появляется другая идея: сделать для него скрапбукинг-альбом. Все лучшие моменты. Он сможет листать его, когда скучает по мне. И держать на столе для «всяких девчонок», которые заглянут на огонек. Конечно, Крис я про это не расскажу – она будет смеяться и называть меня бабушкой Ларой Джин. Но знаю, что Питер будет в восторге.

Глава 10

ВЕСЬ ДЕНЬ Я КАК НА ИГОЛКАХ в ожидании письма из университета Уильяма и Мэри. Все мое внимание сосредоточено на телефоне: я жду, когда он загудит, сообщая про имейл. На уроке английского мистеру О'Брайену приходится три раза спрашивать меня про традиционные нарративы рабства в «Возлюбленной».

Но когда телефон гудит, это оказывается сообщение от Марго с вопросом, нет ли новостей. Снова жужжание, и это Питер, который тоже спрашивает, нет ли новостей. Но от университета не приходит ничего.

А потом, между уроками, когда я сижу в туалете, он наконец жужжит снова, и я судорожно застегиваю джинсы. Это сообщение от университета Северной Каролины в Чапел-Хилл о том, что моя заявка обновилась. Хотя я не жду, что попаду туда, сердце у меня отчаянно бьется, когда я нажимаю на ссылку и жду.

Лист ожидания.

Стоило бы радоваться, потому что конкурс в Северную Каролину огромный, а лист ожидания – лучше, чем ничего, и я бы радовалась... если бы уже попала в университет Вирджинии. Но сейчас это как еще один удар в живот. Что если меня вообще никуда не примут? Что я тогда буду делать? Уже представляю тетю Кэрри и дядю Виктора: «Бедная Лара Джин, не попала ни в университет Вирджинии, ни в университет Северной Каролины. Она совсем не похожа на сестру. Марго всегда добивается цели».

В столовой Питер ждет меня за столом.

– Какие новости?

Я сажусь рядом.

– В университете Северной Каролины я в списке ожидания.

– Вот черт. Ну, туда невозможно попасть, если ты из другого штата и не баскетболист. Честно, даже оказаться в списке ожидания – достижение.

– Наверное, – говорю я.

– Ну их к черту, – говорит он. – Кто вообще захочет там учиться?

– Многие. – Я разворачиваю сэндвич, но не могу заставить себя откусить ни кусочка.

Питер неохотно пожимает плечами. Я понимаю, что он просто пытается меня подбодрить, но университет Северной Каролины очень хороший. Он это знает, я это знаю, и нет смысла притворяться, что это не

так. Весь ланч я безжизненно глотаю свою вишневую колу и слушаю, как парни обсуждают предстоящий матч. В какой-то момент Питер смотрит на меня и сжимает мое бедро в знак поддержки, но я не могу даже заставить себя улыбнуться в ответ.

Ребята уходят в тренажерный зал, а мы с Питером остаемся за столом, и он с тревогой в голосе спрашивает:

– Не хочешь что-нибудь съесть?

– Я не голодна, – отвечаю я.

Он вздыхает:

– В университет Вирджинии должны были взять тебя, а не меня.

И тут же предательская мыслишка, приходившая ко мне вчера: что я заслуживаю этого больше, чем он, – растворяется в воздухе. Я знаю, как Питер выкладывается в спорте. Он заслужил свое место. Незачем ему думать о таком. Это неправильно.

– Не говори так. Ты это заслужил. Заслужил учиться там.

Опустив голову, он отвечает:

– Но ты тоже заслужила. – А потом вскидывает голову и сверкает глазами. – Помнишь Тони Льюиса? – Я отрицательно качаю головой. – Он на пару лет старше нас. Два года учился в муниципальном колледже Пьемонта, а на третьем курсе перевелся в университет Вирджинии! Уверен, что ты тоже сможешь, и даже раньше: ты же идешь в обычный четырехлетний университет. Перевестись оттуда должно быть в миллион раз проще!

– Да, наверное... – Про перевод я не думала. Я продолжаю привыкать к мысли, что не попала в Вирджинию.

– Конечно! Значит, так: этой осенью ты идешь в университет Уильяма и Мэри, или Ричмонда, или куда ты там попадешь, и мы будем все время друг друга навещать, а в следующем году ты подашь документы на перевод и соединишься ко мне в университете Вирджинии! Где и должна быть!

У меня в душе расцветает надежда.

– Ты правда думаешь, что может быть так просто?

– Еще бы! Тебя сразу должны были взять! Верь мне, Кави.

Я медленно киваю.

– Ладно! Ладно.

Питер выдыхает с облегчением.

– Отлично. У нас есть план.

Я утаскиваю с его тарелки жареную картошку. Чувствую, как ко мне возвращается аппетит. Я тянусь за следующим ломтиком, когда телефон вибрирует. Это имейл от приемной комиссии университета Уильяма и

Мэри. Питер заглядывает мне через плечо, а потом смотрит на меня огромными глазами и дергает коленом, задевая мою ногу, пока мы ждем, когда загрузится страница.

Мы с большим удовольствием сообщаем, что вам предлагается место в колледже Уильяма и Мэри...

Меня охватывает облегчение. Боже, спасибо.

Питер вскакивает с места, подхватывает меня и кружит.

– Лару Джин приняли в Уильяма и Мэри! – кричит он нашему столу и всем окружающим. Все за нашим столом радостно хлопают.

– Видишь? – повторяет он, обнимая меня. – Я же говорил, что все будет хорошо.

Я крепко обнимаю его в ответ. Из всех чувств во мне сильнее всего облегчение. Облегчение оттого, что меня приняли, что у меня есть план.

– Мы справимся со всем, пока ты не переведешься сюда, – говорит он тихо, зарываясь лицом мне в плечо. – До Уильяма и Мэри всего два часа, это ерунда. Твой папа наверняка разрешит тебе забрать машину. Все равно Китти она пока не нужна. А я съезжу несколько раз с тобой вместе, чтобы ты привыкла к дороге. Все будет как надо, Кави.

Я киваю.

Сев на место, я отправляю групповое сообщение Марго, Китти, мисс Ротшильд и папе.

Меня взяли в Уильяма и Мэри!!!

Восклицательные знаки я добавляю, чтобы произвести впечатление, показать, как я рада, чтобы они знали, что хватит меня жалеть и теперь все хорошо.

Папа отвечает потоком эмодзи^[19]. Мисс Ротшильд пишет: «Так держать!». От Марго приходит: «УР-Р-РА-А-А! На следующей неделе отметим вживую!».

После обеда я заглядываю в кабинет к миссис Дюваль поделиться хорошими новостями. Она в восторге.

– Я знаю, что этот университет у тебя был на втором месте, но в чем-то он может быть для тебя лучше, чем Вирджинский. Он меньше. Такая, как ты, может там по-настоящему расцвести.

Я улыбаюсь и принимаю объятия, но в душе думаю: «Наверное, она считала, что такая, как я, не расцветет в университете Вирджинии».

К концу недели меня принимают в университеты Ричмонда и имени Джеймса Мэдисона. Я рада, но останавливаю выбор на Уильяма и Мэри. Я много раз ездила в Уильямсбург с семьей и могу представить, как там живу. Это маленький красивый кампус, и совсем недалеко от дома, меньше двух часов. Так что я пойду туда, буду хорошо учиться, а через год переведусь в университет Вирджинии, и все будет в точности так, как мы запланировали.

Глава 11

ВСТРЕЧАТЬ МАРГО И РАВИ В АЭРОПОРТУ ЕДУ Я, пока папа заканчивает ужин, а Китти делает уроки. Я ввожу адрес в навигатор просто на всякий случай и добираюсь без происшествий. Аэропорт у нас маленький, так что я просто езжу по кругу, пока они не выходят на улицу.

Они ждут меня на тротуаре, сидя на чемоданах. Припарковавшись, я выскакиваю из машины и бросаюсь обнимать Марго. У нее свежая стрижка до подбородка, на ней толстовка и легинсы. Я стискиваю сестру изо всех сил и думаю: «Как же я скучала!».

Отпустив ее, я наконец рассматриваю Рави. Он выше, чем я думала. Высокий, худой, с темной кожей, темными волосами, темными глазами и длинными ресницами. Он совсем не похож на Джона, но вполне похож на парня, с которым стала бы встречаться Марго. У него на правой щеке ямочка.

– Приятно встретиться с тобой лицом к лицу, Лара Джин, – говорит он, и меня сразу сбивает с ног его речь. Мое имя, произнесенное с английским акцентом, звучит намного красивее.

Я нервничаю, но потом замечаю, что на его футболке написано «Армия Дамблдора», и расслабляюсь. Он любит «Гарри Поттера», как и мы.

– Мне тоже очень приятно. Какой у тебя факультет в Хогвартсе?

Он загружает оба чемодана, свой и Марго, в багажник.

– Попробуй угадать. Твоя сестра не смогла.

– Только потому, что весь первый месяц нашего знакомства ты пытался произвести на меня впечатление, – говорит она.

Рави смеется и забирается на заднее сиденье. То, что он не садится автоматически на штурманское место, – хороший знак.

Марго смотрит на меня:

– Хочешь, я поведу?

Есть искушение согласиться, я всегда предпочитаю, чтобы вела Марго, но в конце концов качаю головой и встряхиваю ключами.

– Я сама.

– Молодец. – Марго выгибает брови и садится на пассажирское сиденье.

Я смотрю на Рави в зеркало заднего вида.

– Рави, до твоего отъезда я угадаю твой факультет.

Папа, Китти и мисс Ротшильд ждут нас в гостиной. Марго, похоже, удивлена тем, что та сидит на диване рядом с папой, а ее босые ноги лежат у него на коленях. Я так привыкла к тому, что она рядом, что для меня она уже как член семьи. Я и не представляла, что для Марго это будет шоком. Они мало виделись: Марго уже уехала учиться, когда папа и мисс Ротшильд начали встречаться, и с тех пор приезжала только на Рождество.

Едва увидев Марго, мисс Ротшильд вскакивает на ноги, обнимает ее и хвалит прическу. Рави она тоже обнимает.

– Ого, какая оглобля! – говорит она, и Рави смеется, но у Марго на лице натянутая улыбка.

Она оживает, когда видит Китти, сгребает ее в объятия и через секунду восклицает:

– Китти! Господи, ты теперь носишь лифчик?

Китти ахает и гневно сверкает на нее глазами, щеки у нее вспыхивают алым. Марго виновато шепчет:

– Извини.

Рави торопится пожать руку папе.

– Здравствуйте, доктор Кави. Я Рави. Спасибо за приглашение.

– Рад встрече, Рави! – говорит папа.

Потом Рави улыбается Китти, вскидывает руку в знак приветствия и говорит немного неловко:

– Привет, Китти.

Китти кивает, но не смотрит ему в глаза.

– Привет.

Марго все еще смотрит на нее, словно не верит своим глазам. Я все время была дома, так что мне менее заметно, насколько Китти выросла за прошедший год, но она и правда очень изменилась. Не столько в области груди – бюстгальтер пока чисто декоративный, – сколько в остальном.

– Рави, хочешь что-нибудь выпить? – жизнерадостно спрашивает мисс Ротшильд. – У нас есть сок, «Фреска»^[20], диетическая кола, вода...

– Что такое «Фреска»? – спрашивает Рави, хмурясь. У мисс Ротшильд загораются глаза.

– Это вкуснейшая газировка из грейпфрута. Ноль калорий! Тебе нужно ее попробовать!

Марго наблюдает за мисс Ротшильд, пока та уходит в кухню, достает стакан из шкафчика и наполняет льдом.

– А ты, Марго? Хочешь что-нибудь? – окликает она.

– Нет, спасибо, – отвечает Марго вполне вежливо, но я чувствую, что

ей не нравится, когда ей предлагает напиток в ее собственном доме человек, который здесь не живет.

Мисс Ротшильд возвращается с газировкой для Рави и вручает ее картинным жестом. Он благодарит и делает глоток.

– Очень освежает, – говорит он, и мисс Ротшильд широко улыбается.

Папа хлопает в ладоши.

– Ну что, давайте отнесем ваши вещи наверх, освежитесь перед ужином. Гостевая комната готова, – он тепло улыбается мне. – Лара Джин приготовила для тебя, Рави, новую пару тапочек и халат.

Прежде чем Рави успевает ответить, Марго говорит:

– Очень мило с вашей стороны. Но, думаю, Рави будет лучше в моей комнате, со мной.

В комнате словно взрывается граната. Мы с Китти широко раскрываем глаза и переглядываемся. Папа просто поражен и лишился дара речи. Когда я готовила гостевую комнату для Рави, складывала для него полотенца на краю кровати, халат и тапочки, мне не пришло в голову, что он может остановиться в комнате Марго. Папе – явно тоже.

И теперь папа с каждой секундой краснеет все сильнее.

– М-м-м, э-э-э... я не уверен...

Марго нервно поджимает губы и ждет, пока папа закончит предложение. Мы все ждем. Но он не знает, что сказать. Косится на мисс Ротшильд, словно просит помощи, и она обнимает его за талию в знак поддержки.

Бедному Рави явно неловко. Сначала я подумала, что он с факультета Когтевран, как Марго, но теперь думаю, что он с Пуффендуя, как я. Он тихо говорит:

– Я не против остановиться в гостевой комнате, правда. Я бы не хотел кого-то стеснять...

Папа начинает отвечать, но Марго успевает первой.

– Нет, все в порядке, – заявляет она. – Пойдем, достанем вещи из машины.

Как только они выходят, мы с Китти смотрим друг на друга и одновременно говорим:

– О господи.

– Зачем им спать в одной комнате? – недоумевает Китти. – Они что, так сильно хотят заниматься сексом?

– Хватит, Китти, – говорит папа.

Я никогда не слышала, чтобы он был с ней так резок. Он разворачивается и уходит, и я слышу, как закрывается дверь его кабинета.

Он уходит туда, когда по-настоящему рассержен. Мисс Ротшильд строго смотрит на Китти, а потом следует за ним.

Мы с Китти снова переглядываемся.

– Ой-ой-ой, – говорю я.

– Необязательно было на мне срываться, – дуется она. – Это не я кладу парня в свою постель.

– Он этого не хотел. – Я прижимаю ее к себе и обнимаю за костлявые плечи.

– У Гоу-Гоу тот еще характер, да?

Моя старшая сестра произвела впечатление. Папу мне просто жаль. Он не привык к такого рода ссорам и вообще к ссорам.

Конечно, я сразу же пишу Питеру и все рассказываю. Он отвечает цепочкой эмодзи с круглыми глазами. А потом пишет: «Как думаешь, твой папа разрешит мне ночевать в твоей комнате?». Это я игнорирую.

* * *

Когда Рави уходит наверх умыться и переодеваться, мисс Ротшильд говорит, что у нее назначен ужин с девочками и ей пора. Очевидно, что Марго выдыхает с облегчением. Китти ведет Джеймса Фокс-Пикла на прогулку, а мы с Марго отправляемся в кухню порезать салат к курице, которую жарит папа. Я очень хочу остаться с ней наедине и обсудить ситуацию, но не успеваю сказать ни слова, потому что, едва мы оказываемся в кухне, Марго шипит:

– Почему ты мне не сказала, что у папы с мисс Ротшильд все настолько серьезно?

– Я тебе говорила, что она почти каждый вечер с нами ужинает! – шепчу я в ответ и принимаюсь мыть помидоры черри, чтобы шум воды заглушил наш разговор.

– Она расхаживает по дому, как будто здесь живет! И откуда у нас «Фреска»? Мы никогда раньше не пили «Фреску»!

Я начинаю нарезать помидоры на половинки.

– Она ее любит, и я всегда покупаю упаковку. Очень освежает. Рави, кажется, понравилось.

– Речь не об этом!

– Почему ты внезапно взъелась на мисс Ротшильд? Вы прекрасно ладили, когда ты приезжала на Рождество... – я обрываю фразу, потому что на кухню входит папа.

– Марго, можно тебя на минуту?

Марго делает вид, что занята выбором приборов.

– Конечно, пап, что случилось?

Папа бросает взгляд на меня, а я – на помидоры. И я остаюсь для моральной поддержки.

– Я предпочел бы, чтобы Рави остановился в комнате для гостей.

Марго прикусывает губу.

– Почему?

После неловкого молчания папа говорит:

– Мне некомфортно...

– Папа, мы учимся в колледже. Ты же понимаешь, что мы уже не раз делили постель?

Он сухо отвечает:

– Я подозревал, но спасибо, что просветила меня.

– Мне скоро двадцать. Я живу вдали от дома, за тысячи миль, уже почти два года. – Марго косится на меня, и я сжимаюсь. Надо было уйти, когда была возможность. – Мы с Ларой Джин уже не маленькие девочки...

– Эй, не надо меня втягивать, – говорю я настолько шутливым тоном, насколько могу.

Папа вздыхает.

– Марго, если ты настаиваешь, я не стану тебя останавливать. Но хочу напомнить, что это пока мой дом.

– Я думала, что это наш дом. – Марго знает, что выиграла, поэтому тон у нее легкий, как безе.

– Вы, халявщицы, не платите ипотеку, поэтому это немного больше мой дом. – С этой типичной отцовской шуточкой он надевает кухонные рукавицы и достает шкворчащую курицу из духовки.

Когда мы садимся за стол, папа во главе стола нарезает курицу новым электрическим ножом, который подарила ему мисс Ротшильд на день рождения.

– Рави, ты предпочитаешь белое мясо или темное?

Рави откашливается.

– Э-э-э, прошу прощения, но я не ем мясо.

Папа в ужасе смотрит на Марго.

– Ты мне не сказала, что Рави вегетарианец!

– Извини, – с гримасой говорит она, – я совершенно забыла. Но он любит салат!

– Очень люблю, – подтверждает он.

– Я возьму его порцию, – вызываюсь я. – Мне два бедрышка.

Папа отрезает мне бедрашки.

– Рави, завтра утром я сделаю тебе отличную энчиладу^[21]. Без мяса!

Марго с улыбкой говорит:

– Завтра мы рано утром едем в Вашингтон. Может быть, в день его отъезда?

– Договорились, – говорит папа.

Китти ведет себя необычно тихо. Не знаю, почему: то ли нервничает из-за того, что незнакомый мальчик (вернее, парень – ему уже двадцать один) присоединился к нам за ужином, то ли потому, что она становится старше и меньше ребячится, когда знакомится с новыми людьми.

У Рави превосходные манеры – может, потому, что он англичанин, ведь у англичан манеры лучше, чем у американцев. Он часто говорит «простите». У него очаровательный акцент, я задаю ему вопросы, только чтобы он больше говорил. А сама пытаюсь задать беседе легкий тон. Я спрашиваю, почему в Англии частные школы называются публичными, похожа ли публичная школа, в которой он учился, на Хогвартс и видел ли он когда-нибудь королевскую семью. Он мне отвечает, что школы были открыты для платежеспособной публики, что в школе у них были префекты, но не было квиддича и что однажды он видел принца Уильяма на Уимблдоне, но только со спины.

После ужина я, Рави, Марго и Питер собираемся пойти в кино. Марго приглашает с нами и Китти, но она говорит, что у нее много уроков. Мне кажется, она просто стесняется Рави.

Я собираюсь у себя в комнате, наношу немного духов и блеска для губ, надеваю толстовку поверх майки и джинсов, потому что в кинотеатре бывает холодно. Вскоре я готова, но дверь Марго закрыта, и я слышу, как за ней разговаривают, тихо, но напряженно. Видеть ее дверь запертой странно. Я чувствую себя шпионом, подслушивающим на пороге; но что делать? Что если Рави не одет? Все это очень по-взрослому: закрытая дверь, приглушенные голоса.

Я откашливаюсь и говорю:

– Ребята, вы готовы? Мы с Питером договорились, что встретимся в восемь.

Марго открывает дверь.

– Готовы, – говорит она. Вид у нее недовольный.

Рави выходит следом с чемоданом в руке.

– Я оставлю это в комнате для гостей, и можно идти, – говорит он.

Когда он уходит, я шепотом спрашиваю у Марго:

– Что случилось?

– Рави не хочет производить плохое впечатление на папу тем, что мы спим в одной комнате. Я ему сказала, что все в порядке, но ему неловко.

– Как вежливо.

Я не стану говорить этого Марго, но, по-моему, это правильный подход. Рави еще больше поднимается в моих глазах.

Она неохотно говорит:

– Он очень вежливый.

– И очень красивый.

– Это точно. – Она расплывается в улыбке.

Питер уже ждет нас в кинотеатре – наверное, из-за Марго. На встречи со мной он опаздывает, не стесняясь, но не смеет опоздать к моей старшей сестре. Рави покупает все четыре билета и этим производит впечатление на Питера. «Как благородно», – шепчет он мне. Он устраивает так, чтобы мы сидели в таком порядке: я, Питер, Рави, Марго. Так он может продолжать говорить с Рави про соккер^[22], или футбол, как называет это Рави. Марго бросает мне насмешливый взгляд поверх их голов, и я вижу, что все недавнее напряжение забыто.

После кино Питер предлагает пойти поесть заварное мороженое.

– Ты когда-нибудь пробовал заварное мороженое? – спрашивает он у Рави.

– Никогда.

– Это очень вкусно, Рав, – сообщает Питер. – Они готовят его прямо здесь.

– Замечательно, – отвечает Рави.

Пока ребята стоят в очереди, Марго говорит мне:

– По-моему, Питер влюбился. В моего парня.

Мы обе хихикаем до тех пор, пока они не возвращаются за столик. Питер вручает мне заварное мороженое с пралине и сливками.

– Что вас так насмешило?

Я только мотаю головой и запускаю ложку в мороженое.

Марго говорит:

– Постойте! Надо отметить, что моя сестра поступила в университет Уильяма и Мэри!

Все стучаются своими вазочками с мороженым о мою. Я отвечаю натянутой улыбкой. Рави говорит:

– Поздравляю, Лара Джин. Кажется, там учился Джон Стюарт^[23]?

Я с удивлением отвечаю:

– Да, так и есть. Странно, что ты знаешь такие мелочи.

– Неожиданные мелочи – специальность Рави, – сообщает Марго, облизывая ложку. – Не давай ему рассказывать про брачные ритуалы бонобо^[24].

– Два слова, – говорит Рави, переводит взгляд с Питера на меня и шепотом продолжает, – фехтование пенисами.

Рядом с Рави Марго так оживляется. Когда-то я думала, что они с Джошем созданы друг для друга, но теперь не уверена. Они одинаково страстно обсуждают политику, спорят друг с другом, но не боятся отступить. Искрят, как два кремня. Если бы они снимались в телесериале, то были бы какими-нибудь конкурирующими врачами в больнице, которые сначала неохотно проникаются друг к другу уважением, а потом безумно влюбляются друг в друга. Или политиками в Белом доме, или журналистами... Рави изучает биомедицинскую технику, это мало связано с антропологией, которой занимается Марго, но из них получается отличная команда.

На следующий день Марго везет Рави в Вашингтон, смотреть музеи парка Мол, мемориал Линкольну и Белый дом. Они звали меня и Китти с собой, но я отказалась за нас обеих, потому что уверена, что они хотят провести время наедине, а я предпочту сидеть в уюте дома и заниматься альбомом для Питера. Когда они возвращаются, я спрашиваю у Рави, что ему понравилось больше всего, и он говорит, что лучше всего был Национальный музей афро-американской истории и культуры. Я жалею, что не поехала, потому что еще не была там.

Мы включаем на «Нетфликсе» сериал от «Би-Би-Си», который расхваливала Марго. Его снимали там, где вырос Рави, и он отмечает знакомые места: где была его первая работа, куда он ходил на первое свидание. Мы едим мороженое прямо из коробки. Я вижу, что Рави нравится папе, потому что папа настаивает, чтобы он ел больше. Уверена, он заметил, что Рави ночевал в комнате для гостей, и наверняка оценил это. Я надеюсь, что Марго будет встречаться с Рави и дальше, потому что его легко представить в нашей семье. Или, по крайней мере, пусть они пробудут вместе достаточно долго, чтобы я успела съездить в Лондон и пожить там!

На следующий день Рави уезжает в Техас, и хотя мне жаль прощаться, в то же время я рада, что смогу наконец пообщаться с Марго один на один, прежде чем она тоже уедет.

Во время прощания я указываю на него и говорю:

– Пуффендуй.

Он ухмыляется.

– Угадала с первой попытки. – А потом указывает на меня. – Пуффендуй?

Я улыбаюсь в ответ.

– Ты тоже с первой.

Вечером мы смотрим сериал с ноутбука в моей комнате, когда Марго заводит разговор о колледже. Я догадываюсь, что она тоже ждала, пока Рави уедет, чтобы поговорить со мной о важном. Прежде чем загрузить следующий эпизод, она смотрит на меня и говорит:

– Хочешь поговорить про университет Вирджинии? Как ты сейчас ко всему этому относишься?

– Мне было грустно, но теперь все в порядке. Я все равно буду там учиться. – Марго с недоумением смотрит на меня, и я объясняю. – Собираюсь перевестись после первого курса. Я разговаривала об этом с миссис Дюваль, она считает, что если в Уильяма и Мэри у меня будут хорошие оценки, то меня обязательно переведут.

Она хмурится.

– Почему ты планируешь переводиться из Уильяма и Мэри, хотя даже еще не начала там учиться? – Я не отвечаю сразу, и она добавляет: – Это из-за Питера?

– Нет! То есть отчасти да, но не только. – Я медлю, прежде чем озвучить то, что еще никому не говорила. – Знаешь, бывает такое ощущение, что тебе суждено где-то оказаться? Когда я ездила в Уильяма и Мэри, у меня не было такого ощущения. А в университете Вирджинии было.

– Может быть, никакой университет не вызовет у тебя таких ощущений, как университет Вирджинии.

– Возможно, и поэтому я собираюсь перевестись через год.

Она вздыхает.

– Я просто не хочу, чтобы ты упускала возможности Уильяма и Мэри только потому, что все время хочешь быть с Питером в Вирджинии. Первый курс – это важный опыт. Тебе нужно хотя бы попытаться погрузиться в атмосферу университета. Может, тебе там понравится. – Она весело смотрит на меня. – Помнишь, что мама говорила про колледж и парней?

Как я могу забыть? «Не будь одной из тех, кто выбирает колледж ради парня».

– Помню, помню, – говорю я.

Марго отбирает мой ноутбук и открывает сайт университета Уильяма и Мэри.

– У них такой красивый кампус. Посмотри на этот флюгер! Все выглядит как английская деревня.

Я оживляюсь.

– Да, и правда.

Красивее ли этот кампус, чем у университета Вирджинии? Не в моих глазах, но для меня ни одно место не будет красивее Шарлотсвилла.

– И вот, смотри, у них есть клуб гуакамоле^[25]. И клуб охотников за бурями. И – господи! – клуб магглов и волшебников! Самый большой клуб поклонников «Гарри Поттера» в университетах США!

– Ух ты! Это здорово. А клуб выпечки у них есть?

Она проверяет.

– Нет. Но ты можешь его организовать!

– Может быть... Будет интересно... – Может, мне и правда стоит вступить в какой-нибудь клуб.

Марго широко улыбается.

– Видишь, есть чему радоваться. И не забывай про «Сырную лавку»!

«Сырная лавка» – магазин деликатесов рядом с кампусом. В нем продают сыр, разумеется, а также варенье, хлеб, вино и пасту. Там делают очень вкусные сэндвичи с ростбифом и домашним соусом из горчицы и майонеза. Я пыталась повторить его дома, но ни разу не получилось так же вкусно, как в магазине, на их свежем хлебе. Папа любит ездить туда за новыми сортами горчицы и сэндвичами. Он будет рад поводу ездить чаще. И Китти – тоже: она обожает торговый центр в Уильямсбурге. Там продают особый попкорн, который вызывает зависимость. Его готовят прямо при тебе, и он настолько горячий, что пакет немного плавится.

– Может, я устроюсь на работу в колониальном Уильямсбурге^[26], – говорю я, пытаюсь разжечь собственный интерес. – Я могла бы взбивать масло в историческом платье, в ситцевом платье с фартуком, или что там носили в колониальной Америке. Я слышала, что работникам нельзя разговаривать на современном английском, и дети-посетители все время пытаются заставить их сбиться. Было бы весело. Хотя, конечно, я не уверена, что они берут на работу азиатов, это исторически неточно...

– Лара Джин, мы живем во времена «Гамильтона»! Филиппа Соо^[27] – наполовину китаянка! Если она может играть Элайзу Гамильтон, ты можешь взбивать масло. А если они откажутся тебя брать, мы напишем об

этом в социальных сетях, и им придется тебя взять все равно. – Марго смотрит на меня, склонив голову. – Видишь, тебе есть чему радоваться, надо только себе позволить.

Она кладет руки мне на плечи.

– Я стараюсь, – говорю я. – Правда.

– Просто дай университету Уильяма и Мэри шанс. Не отказывайся от него, не успев приехать. Ладно?

– Ладно, – киваю я.

Глава 12

СЛЕДУЮЩЕЕ УТРО ВЫДАЕТСЯ ПАСМУРНЫМ И ДОЖДЛИВЫМ. Мы остаемся дома втроем. Папа оставил на холодильнике записку, что его вызвали в больницу и мы увидимся за ужином. Марго все еще живет в британском часовом поясе, поэтому она встала рано и приготовила нам яйца всмятку с беконом. Я расслабленно распределяю яйца по тосту с маслом, слушаю стук дождя по крыше и внезапно говорю:

– Что если я сегодня не пойду в школу, и мы будем просто развлекаться?

– Чем? – оживляется Китти.

– Нет, тебе надо идти в школу. Я ее уже практически окончила. Никто не обратит внимания на мои прогулы.

– Папа обратит, – говорит Марго.

– Но представь, мы могли бы сделать что угодно.

– Что угодно? – Марго кусает бекон. – Мы бы сели на поезд в Нью-Йорк и сыграли в лотерею «Гамильтона»^[28]. И выиграли бы.

– Вы не можете пойти без меня, – говорит Китти.

– Тихо, «и Пегги»^[29], – хихикаю я. Она отвечает сердитым взглядом.

– Не зови меня «и Пегги».

– Ты даже не знаешь, о чем мы говорим, успокойся.

– Достаточно того, что ты хихикаешь как ведьма. И я знаю, что такое «Гамильтон». Ты слушаешь саундтрек целыми днями. «Говори меньше, улыбайся больше...» – поет она.

– К твоему сведению, это не саундтрек, а театральный альбом, – отвечаю я, и она очень выразительно закатывает глаза.

На самом деле из всех персонажей Китти похожа на Джефферсона: изворотливая, стильная, остроумная. Марго – конечно, Анжелика. Она плавает сама по себе с ранних лет. Она всегда знала, кто она и чего хочет. Я – вероятно, Элайза, хотя куда больше хотела бы быть Анжеликой. Но на самом деле я, наверное, «и Пегги». Но я не хочу быть «и Пегги» в своей собственной истории. Я хочу быть Гамильтоном.

Дождь идет целый день, и мы с Китти, едва вернувшись из школы, переодеваемся в пижамы. Марго свою вообще не снимала. Она в очках, волосы завязаны в узел на макушке (они слишком короткие и не держатся). Китти в большой футболке. А я радуюсь, что уже достаточно прохладно,

чтобы надеть красную фланель. Только папа все еще одет как днем.

Мы заказываем на ужин две большие пиццы: одну – только с сыром (для Китти), другую – «Суприм», со всеми добавками. Мы сидим на диване в гостиной и уплетаем истекающие сыром куски пиццы, когда папа внезапно говорит:

– Девочки, я должен с вами поговорить. – Он прокашливается, как обычно делает, когда нервничает. Мы с Китти обмениваемся любопытными взглядами. Наконец он говорит:

– Я хочу предложить Трине выйти за меня замуж.

Я зажимаю рот руками.

– О господи!

Китти таращит глаза и раскрывает рот, а потом отбрасывает пиццу и визжит так громко, что Джейми Фокс-Пикл подскакивает на месте. И бросается обнимать папу под его смех. Я вскакиваю и обнимаю его со спины.

Я не могу перестать улыбаться, пока не смотрю на Марго, у которой на лице нет никакого выражения. Папа тоже смотрит на нее, нервно и с надеждой.

– Марго, ты еще с нами? Что ты думаешь, милая?

– Я думаю, что это потрясающе.

– Правда?

– Абсолютно, – кивает она. – Трина замечательная. И Китти ее обожает, да, Китти?

Китти не отвечает, она визжит и прыгает по дивану вместе с Джейми. Марго мягко добавляет:

– Я рада за тебя, папа. Очень рада.

Ее выдает «абсолютно». Конечно, папа не замечает в своем облегчении, но я-то слышу. Конечно, для нее это странно. Она еще только привыкает к тому, что мисс Ротшильд хозяйничает на нашей кухне. Она не видела, насколько хорошо мисс Ротшильд и папа подходят друг другу. Для Марго мисс Ротшильд – все еще наша соседка, которая стрижет газон в откровенных шортах и бикини.

– Мне нужна ваша помощь в подготовке предложения, – говорит папа. – Лара Джин, уверен, что у тебя найдутся идеи.

Я уверенно говорю:

– Конечно. Сейчас сезон приглашений на выпускной, поэтому у меня много образцов для вдохновения.

Марго смеется, звучит это почти искренне.

– Папе нужно что-то более достойное, чем надпись «Выходи за меня»

кремом для бритья на капоте машины.

– Нынче приглашения на выпускной делают куда изысканнее, чем в твои времена, Гоу-Гоу, – говорю я, подыгрывая ее шутке, чтобы все казалось нормальным, словно папа не перевернул только что наш мир.

– В мои времена? Я всего на два года старше. – Она пытается поддерживать легкий тон, но я слышу напряжение в голосе.

– В школе каждый год считается за семь, как у собак. Правда, Китти? – я притягиваю ее к себе и крепко обнимаю. Она выворачивается из рук.

– Да вы обе уже старушки, – говорит она. – Можно я поучаствую в предложении, папа?

– Конечно. Без вас я не смогу жениться. – У него слезы на глазах. – Мы же команда, правильно?

Китти прыгает на месте, как ребенок.

– Ура! – кричит она, полная восторга. Марго тоже видит, насколько все это важно для нее.

– Когда ты собираешься делать предложение? – спрашивает Марго.

– Сегодня! – требует Китти.

Я сердито смотрю на нее.

– Нет! Времени на планирование недостаточно. Нужна как минимум неделя. И у папы даже нет кольца... Или есть?

Папа снимает очки и протирает глаза.

– Конечно, нет. Я хотел сначала поговорить с вами тремя. Я хочу, чтобы вы все присутствовали во время предложения, поэтому собираюсь подождать, пока Марго не приедет летом.

– Это слишком долго, – возражает Китти.

– Да, не нужно столько ждать, папа, – говорит Марго.

– По крайней мере, ты pomoжешь мне выбрать кольцо, – говорит папа.

– Лара Джин лучше разбирается в таких мелочах, – спокойно говорит Марго. – К тому же я едва знакома с мисс Ротшильд. Я не имею ни малейшего представления о том, какое кольцо ей может понравиться.

По папиному лицу пробегают тень, наверняка из-за «я едва знакома с мисс Ротшильд». Я тороплюсь вставить словечко, подражая Гермione:

– Ты «не имеешь ни малейшего представления»? Гоу-Гоу, ты еще не забыла, что американка? Мы здесь, в Америке, так высокопарно не разговариваем.

Она смеется. А потом Марго, которая, наверное, тоже заметила тень на лице отца, говорит:

– Снимите все, что будет происходить, я тоже хочу посмотреть.

Папа благодарно отвечает:

– Обязательно. Снимем на видео и на все, на что сможем. Господи, надеюсь, что она согласится.

– Конечно, согласится, не иначе, – хором убеждаем мы.

Мы с Марго заворачиваем куски пиццы в пластик, а потом в фольгу.

– Я говорила, что две пиццы – это слишком много, – говорит она.

– Китти доест после уроков, – отвечаю я. – И Питер тоже. – Я бросаю взгляд в сторону гостиной, где Китти и папа свернулись на диване и смотрят телевизор, а потом шепчу:

– Так что ты на самом деле думаешь по поводу этого предложения?

– Я думаю, что папа сошел с ума, – шепчет она в ответ. – Она живет через дорогу. Могли бы продолжать встречаться, как нормальные взрослые. Зачем им жениться?

– Может, они просто хотят сделать свои отношения официальными. Или ради Китти.

– Они не так давно встречаются! Сколько времени прошло, шесть месяцев?

– Немного дольше. Но они знакомы много лет, Гоу-Гоу.

Марго складывает завернутую пиццу стопкой и говорит:

– Представляешь, как странно будет жить с мисс Ротшильд в одном доме?

Я задумываюсь над ее вопросом. Мисс Ротшильд часто бывает в нашем доме, но все-таки не живет. Она привыкла к определенному устройству хозяйства, как и мы. Например, у себя дома она ходит в обуви, а мы разуваемся, и она здесь тоже разувается. И, как я теперь припоминаю, она никогда не оставалась ночевать; вечером она всегда уходит домой. А еще она хранит хлеб в холодильнике, чего я терпеть не могу. И, честно говоря, ее собака Симона все время линяет и иногда писает на ковер. Однако раз я буду учиться не в университете Вирджинии, то редко буду дома, потому что уеду в колледж.

– Мы не будем жить здесь постоянно, – говорю я наконец. – Только Китти, а она в восторге.

Марго отвечает не сразу.

– Да, они, кажется, близки.

Она расчищает в холодильнике место для пиццы. Не поворачиваясь ко мне, она говорит:

– Не забудь, нам нужно сходить поискать тебе платье на выпускной, прежде чем я уеду.

– О-о-о, ладно! – Кажется, что всего две секунды назад мы искали

платье для выпускного Марго, а теперь настала моя очередь.

Я не заметила, что папа вошел в кухню.

– Может, Трина тоже может пойти с вами? – Он смотрит на меня с надеждой. Но смотреть надо не на меня. Я уже люблю мисс Ротшильд. А вот сердце Марго ей еще предстоит завоевать. Марго смотрит на меня в панике.

– Э-э-э... – тяну я. – Думаю, в этот раз должны участвовать только девочки Сонг.

– А, понял, – кивает папа, а потом говорит Марго: – Мы с тобой сможем провести время наедине до твоего отъезда? Может, поедem кататься на велосипедах?

– Звучит отлично, – говорит она.

Когда он поворачивается спиной, Марго одними губами говорит «спасибо». Мне кажется, что я предаю мисс Ротшильд, но Марго – моя сестра. Я должна быть на ее стороне.

Марго, кажется, чувствует себя виноватой из-за того, что не включила мисс Ротшильд в поездку за платьем. Когда на следующий день после уроков мы приезжаем в торговый центр, она объявляет, что каждая из нас выберет по два платья, и я обязана примерить их все, несмотря ни на что, а потом мы поставим им оценки. Она даже распечатала картинки с пальцем вверх и пальцем вниз – одобрение и неодобрение – и приделала их на палки, чтобы можно было показывать.

В примерочной тесно и все завалено платьями. Марго поручает Китти организацию и развешивание нарядов, но та уже сдалась и вместо этого играет в «Кэнди краш» на телефоне Марго.

Первым Марго вручает мне одно из выбранных ею платьев – черное, летящее, с трепещущими рукавами-крылышками.

– С этим платьем волосы можно уложить наверх.

Не поднимая глаз от телефона, Китти говорит:

– Я бы уложила свободными волнами.

Марго корчит ей гримаску в зеркале.

– Но разве черный – мой цвет? – размышляю я.

– Тебе стоит носить его чаще, – говорит Марго. – Он тебе очень идет.

Китти чешет ссадину на ноге.

– На свой выпускной я пойду в облегающем кожаном платье, – говорит она.

– В мае в Вирджинии бывает жарко, – отвечаю я. – Но ты можешь надеть кожаное платье на осенний бал, в октябре.

Марго застегивает молнию у меня на спине, и мы рассматриваем мое отражение в зеркале. В груди платье велико, а черный цвет делает меня похожей на ведьму, но в плохо сидящем платье.

– Думаю, для этого платья нужна грудь побольше, – говорит Китти и поднимает палку с рукой пальцем вниз. Я неодобрительно смотрю на нее в зеркало. Но она права.

– У мамы была большая грудь? – внезапно спрашивает Китти.

– Хм. По-моему, небольшая, – отвечает Марго. – Первого размера.

– А какой размер носишь ты?

– Второй.

Китти косится на меня:

– А Лара Джин – первый, как у мамы.

– Эй, у меня почти второй размер! – возражаю я. – Расстегните на мне молнию.

– У Три большая грудь, – говорит Китти.

– Настоящая? – спрашивает Марго, помогая мне с платьем. Я снимаю его и вручаю Китти, чтобы она его повесила.

– Думаю, да.

– Настоящая. Я видела ее в белье. Когда она ложится, грудь сплющивается, так можно проверить. Искусственная грудь остается торчать, как шарики мороженого. – Китти снова берется за телефон Марго. – К тому же я ее спрашивала.

– Вряд ли она призналась бы, что у нее искусственная грудь, – говорит Марго.

Китти хмурится.

– Три меня не обманывает.

– Я не говорю, что она стала бы тебя обманывать, но она могла бы не захотеть рассказывать про пластическую операцию! Имеет на это полное право! – спокойно пожимает плечами Марго.

Я быстро надеваю следующее платье, чтобы перестать обсуждать грудь мисс Ротшильд.

– Что вы думаете об этом?

Они обе качают головами и одновременно тянутся за значком пальцем вниз. По крайней мере, в этом они сходятся.

– Где мои варианты? Примерь теперь один из них.

Китти выбрала облегающее белое платье с открытыми плечами, которое я не надела бы ни за что в жизни, и она об этом знает.

– Я просто хочу посмотреть, как ты в нем выглядишь.

Я примеряю платье, чтобы ей угодить. Китти настаивает, что это

самый лучший вариант, потому что она хочет, чтобы выиграло ее платье. В конечном счете ни одно из платьев не подходит мне по стилю, но меня это не беспокоит. До выпускного еще целый месяц, и я хочу пройтись по винтажным магазинам, прежде чем покупать что-то в обычном. Мне нравится мысль о платье, у которого есть история, которое кто-то уже носил. Может, такая девушка, как Сторми, надевала его на танцы.

На следующее утро Марго улетает в Шотландию и берет с меня обещание присылать ей фотографии всех вариантов платьев, чтобы она могла высказать свое мнение. О мисс Ротшильд она больше не говорит ни слова.

Глава 13

ЛУКАС ГОВОРИТ:

– Я считаю, что выпускной – это как Новый год.

Мы с ним и Крис сидим в кабинете медсестры. Она ушла обедать, так что мы можем поваляться на диване. Накануне выпуска все учителя нас балуют.

– Новый год для лохов, – фыркает Крис, которая чистит ногти.

– Ты мне дашь договорить? – вздыхает Лукас. – Как я уже сказал, выпускной не выдерживает ожиданий, которые на него возлагаются. Идеальный вечер, который должен случиться в жизни каждого американского школьника. Ты тратишь на него столько времени и денег, что считаешь, будто обязана – нет, что судьба тебе обязана сделать этот вечер непревзойденным. Что может выдержать такое давление?

Я считаю, что идеальный вечер в жизни школьника – это один из случайных и неважных моментов, которые никто не планирует и не ожидает, они просто складываются. У меня уже случилось с дюжину идеальных вечеров с Питером, поэтому выпускной не должен стать непревзойденным. Представляя выпускной вечер, я представляю Питера в смокинге, вежливо разговаривающего с папой, надевающего бутоньерку на Китти. То, как мы все фотографируемся у камина. Я делаю мысленную заметку – попросить Питера заказать для нее мини-букетик.

– Так что, ты не пойдешь? – спрашиваю я у Лукаса. Он снова вздыхает.

– Не знаю. В школе нет никого, с кем я бы хотел пойти.

– Если бы я не шла с Питером, то пошла бы с тобой, – говорю я, а потом смотрю на Крис. – Почему бы вам не пойти вместе?

– Я не иду на выпускной, – заявляет Крис. – Скорее всего, я пойду по клубам в Вашингтоне вместе с ребятами из «Эплбис».

– Крис, ты не можешь пропустить выпускной. Ходить по клубам с друзьями из «Эплбис» можно в любое время, а выпускной бывает один раз.

Следующий день после выпускного – мой день рождения. Крис, кажется, об этом забыла. Если она поедет по клубам в Вашингтоне, то останется на все выходные и ко мне не придет. Меня это задевает.

– Выпускной будет лажей. Не обижайся. Конечно, ты повеселишься, Лара Джин, ты же будешь с королем бала и с той девочкой, с которой ты теперь дружишь. Как ее зовут – Тэмми?

– Пэмми, – поправляю я. – Но без тебя веселья не будет.

Она обнимает меня.

– Оу.

– Мы всегда говорили, что пойдем на выпускной вместе и будем смотреть, как восходит солнце над игровой площадкой!

– Можешь посмотреть на рассвет с Кавински.

– Это не то же самое!

– Успокойся, – говорит Крис. – Ты все равно, наверное, потеряешь этой ночью невинность, так что обо мне думать будет некогда.

– Я не планирую заниматься сексом в ночь выпускного! – шиплю я и кошусь на Лукаса, который на меня таращится.

– Лара Джин, вы с Кавински до сих пор не занимались сексом?

Я проверяю, что в коридоре никто не подслушивает.

– Нет, но, пожалуйста, не рассказывай никому. Не то чтобы мне было стыдно, просто не хочу, чтобы другие лезли в мои дела.

– Я понимаю, конечно, но... удивительно, – говорит он, все еще в шоке. – Это... удивительно.

– Что тебя так удивляет? – спрашиваю я, чувствуя, как горят щеки.

– Он такой... горячий.

– Это правда, – смеюсь я.

– А вот то, что столько людей занимается сексом в ночь выпускного, совсем не удивительно, – говорит Крис. – Конечно, это традиция, но кроме этого все наряжаются, гуляют до утра... Большинство никогда не будет выглядеть так хорошо, как в эту ночь. Это жалко. Все делают маникюр, педикюр и укладку. Вот лохи.

– Разве ты не укладываешь волосы? – спрашивает Лукас.

Крис закатывает глаза.

– Конечно.

– Тогда почему ты осуждаешь других?.. – начинаю я.

– Слушай, я не об этом. Я о том, что... – Она хмурится. – Стой, о чем мы говорили?

– Об укладках, маникюре и лохах? – напоминает Лукас.

– Нет, до этого.

– О сексе? – вставляю я.

– Точно! Я о том, что потеря невинности на выпускном – это клише, но клише появляются не просто так. У них есть практическая сторона. Вы гуляете всю ночь, выглядите прекрасно и так далее, и тому подобное. Все логично.

– Крис, я не стану заниматься сексом в первый раз только потому, что ситуация удобная и у меня уложены волосы.

– Резонно.

Я не уверена, но думаю, что впервые займусь сексом в колледже, в своей комнате, уже взрослой. Трудно представить, как это происходит, сейчас, дома, пока я еще Лара Джин – чья-то сестра и дочь. В колледже я буду просто Ларой Джин.

Глава 14

МЫ РЕШАЕМ, ЧТО ПАПА СДЕЛАЕТ ПРЕДЛОЖЕНИЕ мисс Ротшильд в субботу, после прогулки по одному из их любимых маршрутов. Прямо возле водопада. По плану, Питер, Китти и я должны спрятаться за деревьями и все снять, а потом выскочить оттуда и организовать им романтический пикник. Папа нервничал из-за видео: что будет, если мисс Ротшильд откажется? – но Китти его упростила.

– Это для Марго, – повторяла она, хотя на самом деле ее просто мучило любопытство и она хотела увидеть, как все будет происходить. Конечно, я тоже хотела. Питер с нами просто потому, что он нас туда отвезет.

Утром в субботу, прежде чем пойти на встречу с мисс Ротшильд, папа говорит:

– Ребята, если станет понятно, что она откажет, перестаньте снимать, ладно?

Я заворачиваю сэндвичи с ростбифом в вощеную бумагу и поднимаю на него взгляд, чтобы сказать:

– Она согласится.

– Просто пообещайте, что тихо уйдете, – говорит он и выразительно смотрит на Китти.

– Конечно, доктор Кави, – говорит Питер и вскидывает руку для подтверждающего хлопка. Папа хлопает его по ладони, закрепляя договор. Я напоминаю:

– Папа, ты взял с собой кольцо?

– Ага! – отвечает он и тут же хмурится. – Постой... – Он хлопает себя по бокам и расстегивает внутренний карман ветровки. – Черт, забыл! – Он бросается вверх.

Мы с Питером переглядываемся.

– Никогда не видела твоего папу в таком стрессе, – говорит он, забрасывая в рот виноградину. – Обычно он спокойный как слон.

Я шлепаю Питера по руке, чтобы не тянулся к винограду. Китти тоже крадет ягоду.

– Он всю неделю такой.

Папа сбегает по лестнице с кольцом в руке. Мы с Китти помогали его выбирать. Белое золото, огранка «принцесса», ободок из бриллиантов. Я была уверена в огранке, а Китти – в ободке.

Папа отправляется за мисс Ротшильд, а я заканчиваю собирать корзину для пикника. Я рада, что нашелся повод ее использовать. Я купила ее на распродаже давным-давно и ни разу не доставала. Теперь я кладу в нее бутылку шампанского, идеальную гроздь винограда, сэндвичи, кусок сыра бри, крекеры.

– Положи еще бутылку воды, – говорит Питер. – После прогулки у них будет обезвоживание.

– Да, от слез после того, как она согласится, – говорит Китти.

– Может, включим им какую-нибудь музыку, когда он опустится на колени? – предлагает Питер.

– Мы это не обсуждали с папой, а он и так нервничает, – возражаю я. – Ему нельзя думать о том, что мы прячемся в кустах и подгадываем, когда бы включить музыку.

– К тому же музыку можно добавить в видео при обработке, – говорит Китти. – Нужно, чтобы был слышен диалог.

Я награждаю ее взглядом.

– Кэтрин, мы не кино снимаем. Это настоящая жизнь.

Я иду в туалет на первом этаже. Вымыв руки и выключив воду, я слышу голос Китти:

– Питер, когда Лара Джин уедет, ты будешь меня навещать?

– Конечно, буду.

– Даже если вы расстанетесь?

Повисает пауза.

– Мы не расстанемся.

– Но если все-таки? – настаивает она.

– Не будет этого.

Китти игнорирует его слова.

– Вот Джош больше не появляется, хотя тоже обещал, что будет заходить.

Питер фыркает.

– Ты шутишь? Думаешь, я такой же, как Сандерсон? Я совершенно другого уровня. Ты меня оскорбляешь одним сравнением.

Китти издает облегченный смешок, больше похожий на вздох.

– Да, ты прав.

– Верь мне, ребенок. У нас с тобой свои отношения.

Я так сильно его люблю, что чуть не плачу. Он присмотрит за Китти, я уверена.

Папа сказал, что они доберутся до водопада к полудню, поэтому нам

надо приехать без четверти двенадцать и занять свои места. Мы приезжаем еще раньше, чтобы подстраховаться, – Китти на этом настаивает.

Мы выбираем место достаточно далеко, чтобы мисс Ротшильд нас не заметила, но достаточно близко, чтобы все видеть. Мы с Китти прячемся за одним деревом, а Питер сидит на корточках за соседним, с телефоном в руке и наготове. Снимать хотела Китти, но я решила, что это должен делать Питер, потому что он не так заинтересован в происходящем и у него не будут дрожать руки.

Они появляются на тропе вскоре после двенадцати. Мисс Ротшильд смеется над чем-то, а папа отвечает механическим смехом, с тем же нервным выражением на лице. Забавно наблюдать за ними, когда она не знает, что мы их видим. Китти права: немного похоже на кино. Рядом с ней папа выглядит как будто моложе. Может, потому, что влюблен.

Они подходят к водопаду, и мисс Ротшильд счастливо вздыхает.

– Господи, как же здесь красиво, – говорит она.

– Я почти ничего не слышу, – шепчет мне Китти. – Водопад слишком шумит.

– Ш-ш. Это ты шумишь.

– Давай сфотографируемся, – говорит папа и роется во внутреннем кармане ветровки.

– Я думала, что ты принципиально против селфи! – смеется она. – Пстой, дай я поправлю прическу ради такого повода. – Она распускает хвост и пытается распушить волосы. А потом забрасывает в рот конфету.

Папа так долго возится, что я боюсь, как бы он не потерял кольцо или уверенность. Наконец он опускается на одно колено и откашливается. Все происходит по-настоящему! Я сжимаю руку Китти. У нее блещт глаза. У меня сердце вот-вот разорвется.

– Трина, я не думал, что смогу снова полюбить. Я считал, что у меня уже была любовь в жизни, и смирился с этим, потому что она оставила мне девочек. Я не понимал, что мне чего-то не хватает. А потом появилась ты.

Мисс Ротшильд закрывает рот руками. У нее слезы на глазах.

– Я хочу провести с тобой остаток жизни, Трина.

Мисс Ротшильд давится конфетой. Папа вскакивает на ноги и принимается стучать ее по спине. Она заходится кашлем.

Питер шепчет от своего дерева:

– Может, пойти помочь? Я знаю, как делать прием Геймлиха^[30].

– Папа – врач! – шепчу я в ответ. – Он знает, что делать.

Кашель проходит, мисс Ротшильд выпрямляется и вытирает глаза.

– Пстой. Ты просил меня выйти за тебя замуж?

– Я пытался, – отвечает папа. – Ты в порядке?

– Да! – она прижимает ладони к щекам.

– Да, в порядке? Или да, ты за меня выйдешь? – спрашивает папа. Он шутит, но только наполовину.

– Да, я за тебя выйду! – восклицает она. Папа протягивает к ней руки, и они целуются.

– Это очень личный момент, – шепчу я Китти.

– Часть шоу, – шепотом отвечает она.

Папа вручает мисс Ротшильд шкатулку с кольцом. Я не могу разобрать, что он говорит, но она сгибается пополам от смеха.

– Что он сказал? – спрашивает Китти, и Питер тоже шепчет: – Что он сказал?

– Я не слышу! Вы оба, молчите! Вы испортите видео!

В этот момент мисс Ротшильд смотрит в нашу сторону. Ой.

Папа зовет:

– Можно выходить, ребята. Она согласилась!

Мы выбегаем из-за деревьев. Китти бросается обниматься с мисс Ротшильд. Они сваливаются на траву, и мисс Ротшильд смеется так, что дух захватывает, а по лесу разносится эхо. Я обнимаю папу, а Питер тем временем все еще работает оператором и фиксирует этот момент для будущего, как положено хорошему парню.

– Ты счастлив? – спрашиваю я у папы.

С глазами, полными слез, он кивает и обнимает меня крепче.

Вот так наша семья становится больше.

Глава 15

МЫ СОБИРАЕМСЯ НА УЖИН В ПЕРВЫЙ РАЗ после предложения. Папа режет салат в кухне, а мы, девочки, просто ждем в гостиной. Китти делает уроки, мисс Ротшильд потягивает белое вино. Все очень мирно, идеальный момент для того, чтобы обсудить свадьбу. Всю прошлую неделю я работала над доской настроений для папиной свадьбы: фильм «Гордость и предубеждение», целая стена роз для фотографий, «Девственницы-самоубийцы», букеты в винных бутылках как отсылка к винограду Шарлотсвилла.

Когда я показываю все это мисс Ротшильд на своем ноутбуке, она выглядит слегка встревоженной. Отставляет бокал и всматривается в экран.

– Это очень красиво, Лара Джин. Очень. Ты столько времени потратила!

Да, я даже пропустила игру Питера и киноужин у Пэмми. Но свадьба важнее. Конечно, я не говорю это вслух, только блаженно улыбаюсь.

– Насколько это совпадает с вашими идеями?

– Ну... честно говоря, мы думали просто сходить расписаться. Хватит и того, что мне нужно продавать дом и думать, как уместить весь свой хлам здесь. Это само по себе головная боль.

Папа входит с деревянной миской салата в руках и с усмешкой говорит:

– Говоришь, выходить за меня замуж – головная боль?

Она закатывает глаза.

– Ты знаешь, о чем я говорю, Дэн! У тебя тоже нет времени планировать большую свадьбу. – Она отпивает вина и поворачивается ко мне. – И ваш папа, и я уже были женаты, поэтому мы оба не хотим большого праздника. Я, наверное, надену одно из платьев из своего шкафа.

– Конечно, надо устроить большой праздник. Знаете, сколько времени папа не мог найти женщину, которая будет есть то, что он готовит, и смотреть с ним документальные фильмы? – качаю я головой. – Мисс Ротшильд, вы – чудо. И мы должны это отпраздновать. Слышишь, папа? – кричу я вслед папе, который снова скрылся в кухне. – Мисс Ротшильд хочет просто расписаться. Отговори ее, пожалуйста.

– Ты не могла бы перестать звать меня «мисс Ротшильд»? Теперь, когда я становлюсь вашей злой мачехой, ты должна называть меня Триной или Три – как тебе больше нравится.

– А может, мачехой? – очень невинно предлагаю я. – Звучит хорошо.
Она машет на меня рукой.

– Я тебе устрою!

Я хихикаю и отстраняюсь.

– Вернемся к свадьбе. Не знаю, насколько это чувствительная тема, но... у вас сохранились старые свадебные фото? Я хочу оценить ваш стиль.

Мисс Ротшильд делает ужасную гримаску.

– Мне кажется, я все выбросила. Может, в каком-нибудь альбоме что-то осталось. Как хорошо, что я вышла замуж до того, как появились социальные сети. Представляешь, каково это, когда после развода приходится удалять все свадебные фото?

– Разве говорить о разводе во время планирования свадьбы – не плохая примета?

Она смеется.

– Тогда мы уже обречены! – Наверное, я выгляжу встревоженной, потому что она добавляет: – Шучу, шучу! Я поищу старые свадебные фото, если хочешь, но, честно говоря, гордиться там нечем. Тогда был в моде макияж «смоки айс», и я с ним переборщила. И добавила ту фишку из ранних двухтысячных – шоколадный контур для губ и «иней на губах».

Я пытаюсь ничего не выдать выражением лица.

– Ну ладно. А платье?

– На одно плечо, юбка «русалочий хвост». Моя задница в нем выглядела потрясающе.

Понятно.

– Хватит меня осуждать!

Папа кладет руку ей на плечо.

– Может, проведем свадьбу дома?

– На заднем дворе? – задумывается она. – Может получится хорошо. Барбекю для семьи и друзей?

– У папы нет друзей, – говорит Китти с другого конца гостиной, не отрываясь от учебника по математике.

Папа хмурится.

– У меня есть друзья. Доктор Канг из больницы, Марджори и тетя Ди. Но... да, с моей стороны гостей будет немного.

– Еще бабушка Нана, – добавляет Китти.

Папа и мисс Ротшильд явно напрягаются: у папиной мамы не самый дружелюбный характер.

– Не забудьте про бабушку Сонг, – напоминаю я.

Бабушка Сонг познакомилась с мисс Ротшильд в День благодарения.

Хотя папа не представлял мисс Ротшильд как свою девушку, бабушка проницательная и ничего не упускает. Она устроила настоящий допрос: есть ли у мисс Ротшильд дети, как давно она развелась, есть ли у нее долг за образование. Мисс Ротшильд хорошо справилась, и когда я потом провожала бабушку к машине, она сказала, что мисс Ротшильд «неплоха». Мол, она одевается не по возрасту, но у нее много энергии и позитива.

– Я уже пережила одну большую свадьбу, – говорит мисс Ротшильд. – Мой список тоже будет небольшим. Шелли с работы, моя сестра Джини, друзья по велотренажерному клубу.

– Можно мы будем подружками невесты? – спрашивает Китти. Мисс Ротшильд смеется.

– Китти, нельзя так напрашиваться! – Но я поворачиваюсь к мисс Ротшильд и жду ее решения.

– Конечно, – говорит она. – Лара Джин, ты не против?

– Это будет честью для меня, – отвечаю я.

– Значит, подружками будете вы трое и моя подруга Кристен – она меня убьет, если я ее не приглашу.

Я хлопаю в ладоши.

– Это решено. Теперь вернемся к платью. Если свадьба будет во дворе дома, платье должно соответствовать.

– Главное – чтобы у него были рукава и мой жирок на руках не болтался, – говорит она.

– Мисс Рот... то есть Трина, у вас нет никакого жирка, – говорю я. От постоянного пилатеса и велотренажеров она в отличной форме.

– Разве жирок может болтаться? Звучит ужасно, – с горящими глазами говорит Китти.

– Иди сюда, я тебе покажу.

Китти подходит, мисс Ротшильд вытягивает руку, но в последнюю секунду хватает Китти и принимается щекотать. Китти умирает от смеха, и мисс Ротшильд тоже. Не в силах перевести дыхание, она выдавливает:

– Звучит ужасно? Будешь знать, как говорить такое своей мачехе!

Я никогда не видела папу таким счастливым.

Позже тем же вечером в ванной Китти чистит зубы, а я очищаю лицо новым эксфолиантом^[31], с грецким орехом и голубикой, который заказала на корейском сайте.

– Стеклянные банки и скатерти в полоску, но элегантные, – размышляю я вслух.

– Стеклянные банки уже надоели, – говорит Китти. – Посмотри на

Pinterest, все подряд используют стеклянные банки.

В ее словах есть доля правды.

– Но я все равно надену венки, даже если все так делают.

– Никакого венка, – весело говорит она.

– Почему нет?

Китти сплевывает пасту.

– Тебе не по возрасту. Они для маленьких девочек.

– Нет, ты не о том думаешь. Ты представляешь гипсофилу^[32], а я говорю про маленькие розовые и персиковые розы и много листьев. Бледно-зеленые листья, представляешь?

Она настойчиво мотает головой.

– Мы не феечки в лесу, это слишком миленько. И Гоу-Гоу со мной согласится.

К своему огорчению, я подозреваю, что она права. Пока я решаю отложить этот спор. Сегодня мне не победить.

– Наши платья могут быть винтажными. Не чистый белый, а желтоватый. В стиле ночной сорочки. Очень воздушно...

– Я буду в смокинге.

Я чуть не даплюсь.

– Что?

– В смокинге. С кедами.

– Только через мой труп!

Китти пожимает плечами.

– Китти, у нас не парадная свадьба. Смокингу не место на свадьбе во дворе! Мы трое должны быть одеты в одном стиле – три девочки Сонг!

– Я уже сказала Три и папе, они в восторге от идеи смокинга, так что смились. – У нее упрямое выражение лица, какое бывает, когда ее не сдвинуть с места.

– По крайней мере, замени смокинг на льняной костюм. Летом для смокинга слишком жарко. – Я считаю, что пошла на уступку, и она должна сделать шаг навстречу. Но нет.

– Ты не можешь все решать, Лара Джин. Это не твоя свадьба.

– Я знаю!

– Вот и не забывай.

Я тянусь к ней, но она ускользает прочь и через плечо бросает:

– Занимайся своей жизнью!

Глава 16

В ШКОЛЕ КОРОТКИЙ ДЕНЬ, и я спешу встретиться с Питером у шкафчика, когда меня останавливает миссис Дюваль:

– Лара Джин! Ты придешь сегодня вечером на встречу?

– Э-э-э... – Я не помню ни о какой встрече. Она качает головой.

– Я отправила тебе имейл на прошлой неделе! Собираются местные студенты, которых приняли в университет Уильяма и Мэри. Несколько человек из нашей школы и много – из других. Хорошая возможность познакомиться с будущими одноклассниками.

– О... – Я видела имейл, но совсем о нем забыла. – Я бы очень хотела пойти, но не могу. У меня, э-э-э... семейные обязательства.

Технически это правда. Мы с Питером едем на распродажу имущества в Ричмонде: он должен забрать приставные столики для маминого антикварного магазина, а я ищу стол для торта на свадьбу.

Миссис Дюваль награждает меня долгим взглядом и говорит:

– Ну что ж, уверена, это не последняя встреча. Многие убили бы за то, чтобы оказаться на твоём месте, Лара Джин. Но ты это и так знаешь.

– Знаю, – уверяю ее я и сбегаю на встречу к Питеру.

Распродажа заканчивается для меня неудачей. Питер забирает свои столики, но я не нахожу ничего подходящего для изысканной домашней свадьбы. Один комод мог бы подойти, если я его покрашу или распишу розами, но он стоит триста долларов, и мне кажется, что папа и Трина не согласятся на такую цену. Я все равно его фотографирую на всякий случай.

Мы с Питером заезжаем в заведение «Крокерс Спот», о котором я читала в Интернете, и едим жареную рыбу и масляный кукурузный хлеб в сладком соусе.

– В Ричмонде круто, – говорит он, вытирая соус с губ. – Жаль, что Уильяма и Мэри не в Ричмонде. И к университету Вирджинии ближе.

– Всего на тридцать минут, – говорю я. – Но я об этом думала... Пройдет даже меньше года, прежде чем я переведусь в Вирджинию. – Я отсчитываю на пальцах. – Всего девять месяцев. И я приеду домой на зимние каникулы, а потом на весенние.

– Точно, – отвечает он.

Домой я возвращаюсь уже в темноте. Папа, Трина и Китти заканчивают ужинать. Папа встает мне навстречу.

– Садись, я тебе положу, – говорит он и подмигивает. – Трина приготовила курицу с лимоном.

Это просто куриная грудка с лимонной приправой в масле, но Трина умеет ее готовить, и получается вкусно. Я сажусь за стол, но отказываюсь:

– Спасибо, не надо, я только что наелась.

– На встрече Уильяма и Мэри была еда? – спрашивает папа, опускаясь на место. – Как прошло?

– Откуда ты знаешь про встречу? – спрашиваю я, наклоняясь погладить Симону, собаку Трины, которая пришла на кухню за мной следом и теперь сидит у моих ног, надеясь, что я что-то уроню.

– Приглашение пришло по почте. Я повесил его на холодильник!

– О, я не ходила туда. Я ездила с Питером в Ричмонд искать стол для торта на свадьбу.

Папа хмурится.

– Ты поехала так далеко в будний день? Ради стола для торта?

Ой. Я быстро достаю телефон, чтобы показать фото.

– Получается дороговато, но можно приоткрыть ящики, и из них будут как бы вырываться розы. Даже если этот купить не удастся, я наверняка найду что-то похожее, если вам нравится идея.

Папа наклоняется посмотреть.

– Ящики, полные роз? Это дорого и с экологической точки зрения не слишком ответственно.

– Конечно, мы можем купить маргаритки, но эффект будет не таким. – Я кошусь на Китти и добавляю: – Я хотела вернуться к вопросу платьев для подружек невесты...

– Постой-ка, – перебивает папа. – Я хочу вернуться к вопросу о том, что ты пропустила встречу, касающуюся колледжа, чтобы поехать в Ричмонд.

– Не волнуйся. Уверена, до осени таких встреч будет еще много, – говорю я. – Китти, про платья...

Она даже не поднимает глаз и говорит:

– Ночную рубашку надевай сама.

Я решаю игнорировать «ночную рубашку» и говорю:

– На мне одной это будет выглядеть неправильно. Красота – в сочетании. Все трое в воздушных платьях, как ангелы. Тогда получается изысканный образ, красота момента. Если так буду одета только я, эффекта не будет. Должны быть все трое. – Не знаю, сколько еще раз мне нужно повторить «изысканный» и «воздушный», чтобы все поняли, каким должен быть стиль этой свадьбы.

Китти говорит:

– Если хочешь, чтобы мы все были одеты одинаково, надень смокинг. Я не возражаю.

Я делаю глубокий вздох, чтобы не закричать.

– Ну ладно, посмотрим, что скажет Марго.

– Марго будет все равно. – Китти встает, чтобы поставить тарелку в раковину. Пока она ко мне спиной, я протягиваю руки, словно пытаюсь ее задушить.

– Я это видела, – говорит она. Честное слово, у нее глаза на затылке.

– Трина, что вы думаете? – спрашиваю я.

– Должна признаться, мне беспринципально, что на вас будет, но спроси у Марго и Кристен. У них могут быть свои соображения.

Я осторожно говорю:

– Вернее будет «непринципально», а не «беспринципально».

Трина закатывает глаза, а Китти сползает на стуле и говорит:

– Почему ты такая, Лара Джин?

Я толкаю ее в бок, а Трине говорю:

– Кристен – взрослая женщина, наверняка ее устроит все, что мы придумаем.

Трина не так уверена.

– Она не захочет надевать ничего, что открывает руки. Будет уговаривать вас подобрать кардиганы.

– Ну уж нет.

Трина вскидывает руки.

– Обсуди все с Кристен. Как я уже сказала, мне беспринципально. – Она корчит гримаску, и мы с Китти смеемся.

– Постой, нам надо поговорить о встрече, на которую ты не пошла! – Папа все еще хмурится. – Мне казалось, что это очень приятное мероприятие.

– Я пойду на следующую, – обещаю я, хотя и не собираюсь.

Незачем ходить на встречи и привязываться к людям, когда я не собираюсь задерживаться в этом колледже дольше девяти месяцев.

Я беру миску с мороженым, поднимаюсь к себе и пишу Марго. Она не спит, и я сразу ей звоню, чтобы заручиться ее поддержкой по поводу платьев. Китти права, Марго все равно.

– Я сделаю так, как вы решите, – говорит она.

– Самые жаркие места в аду предназначены людям, сохраняющим нейтралитет во время кризиса, – говорю я, облизывая ложку. Она смеется.

– Я думала, что самые жаркие места в аду предназначены женщинам, которые не помогают другим женщинам.

– Наверное, в аду много комнат. Скажи честно, ты же понимаешь, что Китти будет глупо выглядеть в смокинге? Это свадьба во дворе дома. Стиль должен быть воздушный и изысканный!

– Я думаю, что она будет выглядеть не глупее, чем ты, если будешь стоять одна в венке. Пусть она идет в смокинге, а ты пойдешь в венке, а я – в чем-то нейтральном. Честно говоря, я даже не знаю, почему оказалась подружкой невесты, когда мы с мисс Ротшильд едва знакомы. Конечно, она делает это из вежливости, но это слишком.

Теперь я жалею, что завела разговор насчет смокинга и венка. Мне совершенно не хочется, чтобы Марго решила не участвовать в свадьбе. Она весьма прохладно относится к Трине. Я торопливо говорю:

– Необязательно всем надевать венки. Мы с тобой можем надеть простые платья, Китти будет в смокинге, и вместе получится хорошо.

– Как прошла встреча Уильяма и Мэри? Познакомилась с кем-нибудь интересным?

– Почему про эту встречу знают все, кроме меня?

– Приглашение было на холодильнике.

– О, я не пошла.

Повисает пауза.

– Лара Джин, ты уже оплатила депозит за колледж?

– Вот-вот оплачу! Крайний срок – 1 мая.

– Ты можешь передумать?

– Нет! Я просто еще не собралась. Это все подготовка к свадьбе папы и Трины.

– Я думала, что они хотят простую свадьбу.

– Мы взвешиваем варианты. Все будет просто. Но я считаю, что это должен быть особенный день.

После разговора я спускаюсь поставить миску из-под мороженого в раковину и на обратном пути останавливаюсь в гостиной, где над камином висит свадебный портрет мамы и папы. Она одета в кружевное платье с короткими рукавами и летящей юбкой. Волосы подобраны в пучок сбоку, несколько прядей выпущены. В ушах серьги с бриллиантами, которые я никогда не видела на ней. Мама редко носила украшения или делала макияж. Папа в сером костюме, но в волосах еще нет седины. Щеки у него гладкие, без щетины. Мама такая же, какой я ее помню, а папа выглядит намного моложе.

Я вдруг осознаю, что портрет придется перевесить: Трине будет

неловко каждый день на него смотреть. Сейчас ее это не беспокоит, но когда она переедет после того, как они поженятся, ее чувства изменятся. Я могла бы повесить его в своей комнате, хотя Марго может захотеть взять его себе. Нужно будет спросить ее, когда она приедет.

Кристен, подруга Трины, приходит через несколько дней после ужина, вооруженная бутылкой розового вина и стопкой свадебных журналов. Трина так про нее рассказывает, что я представляла внушительную, высокую женщину; но Кристен одного со мной роста. У нее короткие каштановые волосы и смуглая кожа. Она приносит впечатляющую коллекцию «Свадеб от Марты Стюарт» за много лет.

– Пожалуйста, не забывай уголки, – говорит она, и я хмурюсь: разве я стала бы так делать?

– Давайте начнем с презентации подарков, – говорит она.

Она гладит Джейми Фокс-Пикла. Песик положил золотистую голову ей на колени. Он никогда так быстро не привязывался к новым людям, и я считаю это хорошим знаком.

– Мы могли бы устроить чаепитие, – говорю я. – Я приготовлю маленькие сэндвичи без корочки, маленькие лепешки, топлёные сливки...

– Я думала про сбор «Соул-сайкл», – заявляет Кристен. – Сделаем одинаковые неоновые майки с надписью «Команда Трины». Можем снять весь зал!

Я пытаюсь не выдать разочарования и просто киваю.

– Девочки, это отличные идеи, но я не хочу устраивать презентацию подарков, – перебивает Трина. Кристен ахает, и я тоже. Без тени извинений Трина поясняет: – У нас и так много вещей. Девичник нужен для того, чтобы осыпать невесту подарками, а я не могу назвать ни одной вещи, которая нам нужна.

– У нас нет мороженицы, – говорю я. Я уже давно хотела поэкспериментировать с мороженым, но машина, которую я хочу, стоит больше четырехсот долларов. – А папа всегда говорит про машину для пасты.

– Все это мы можем купить сами. Мы взрослые люди. – Кристен открывает рот, но Трина перебивает: – Крис, я не отступлю. Никаких подарков. Мне уже за сорок, я все это проходила.

Кристен напряженно говорит:

– Не понимаю, как одно связано с другим. Презентация подарков нужна для того, чтобы невеста почувствовала себя особенной, любимой. Ну ладно. Если ты настаиваешь, то мы не будем ее проводить.

– Спасибо, – говорит Трина и обнимает Кристен, которая отвечает ей строгим взглядом.

– Но от девичника я не дам тебе отказаться. Девичник будет, и точка.

Трина с улыбкой говорит:

– Я и не стану отказываться. Может, и правда сделаем встречу «Соул-сайкл» на девичник?

– Ну уж нет. Это должно быть большое событие. Поедем в Вегас? Ты любишь Вегас. Я напишу сегодня девочкам, чтобы муж Сары снял нам апартаменты в «Белладжио»...

– Вегаса не будет, – говорит Трина. – Девичник должен быть в городе и очень приличный, чтобы могли прийти девочки.

– Какие девочки? – восклицает Кристен. Трина указывает на меня.

– Мои девочки. – Она застенчиво улыбается мне, и я отвечаю тем же. Внутри у меня теплеет.

– Может, пойдем в караоке? – предлагаю я. Трина восторженно хлопает в ладоши.

Кристен роняет челюсть.

– Не обижайся, Лара Джин, но... что происходит, Трина? Нельзя звать будущих падчериц на девичник! Это неправильно. Мы не сможем отметить его как положено. Как в старые времена – напиться и танцевать голыми, чтобы отметить последние моменты холостяцкой жизни.

Трина смотрит на меня и качает головой.

– Мы никогда не напивались так, чтобы танцевать голыми, имей в виду. – А Кристен она говорит: – Крис, я думаю о них не как о будущих падчерицах, а просто как о... девочках. Но не волнуйся, всем будет весело. Марго уже в колледже, а Лара Джин вот-вот туда пойдет. Они могут попробовать немного сангрии и шардоне^[33].

– Любите вы белое вино, – говорю я, и Трина шлепает меня по плечу.

Кристен громко выдыхает.

– А как же младшая?

– Китти очень зрелая для своих лет, – говорит Трина. Кристен скрещивает руки.

– Нет, я не соглашусь. Нельзя приводить ребенка на девичник. Это неправильно.

– Крис!

Мне приходится встрять:

– В этом я соглашусь с Кристен. Мы не сможем привести Китти в караоке, она еще маленькая. В одиннадцать лет туда не пускают.

– Она будет ужасно разочарована.

– Переживет, – говорю я.

Кристен отпивает розового и сообщает:

– Разочарование полезно детям, оно готовит их к реальной жизни, где не все устроено так, чтобы не ранить их чувства.

Трина закатывает глаза.

– Если ты отказываешься пускать на девичник Китти, то я отказываюсь от пенисов. Seriously, Крис. Никакого торта в виде пениса, трубочек с пенисом, пасты из пенисов. Никаких пенисов, и точка.

Я краснею. Бывает паста из пенисов?

– Ладно. – Кристен выпячивает нижнюю губу.

– Вот и хорошо. Давайте теперь перейдем к свадьбе.

Я приношу свой ноутбук и открываю свою доску настроений. В этот момент Китти соизволила к нам присоединиться. До этого она смотрела телевизор в гостиной.

– Что мы сейчас обсуждаем? – интересуется она.

Кристен измеряет ее взглядом и говорит:

– Давайте обсудим еду.

– Может, закажем фургон-киоск? – предлагаю я. – Например, с вафлями?

Кристен поджимает губы.

– Я думала про барбекю. Трина любит барбекю.

– Хм, – говорю я. – Так много свадеб устраивают барбекю. Это немного...

– Затаскано? – вставляет Китти.

– Я собиралась сказать – банально. Но да.

– Но Трина любит барбекю!

– Хватит говорить обо мне так, словно меня тут нет, – говорит Трина. – Я люблю барбекю. И, может, используем стеклянные банки в качестве посуды?

Я жду, что Китти снова не одобрит стеклянные банки, но она не говорит о них ни слова и вместо этого предлагает:

– Как насчет съедобных цветов в напитках?

Уверена, что это моя идея, которую она только что украла.

Трина подпрыгивает на сиденье.

– Да! Мне нравится!

Я тороплюсь добавить:

– Мы можем сделать пунш и пустить цветы по поверхности чаши.

Кристен смотрит на меня с одобрением. Осмелев, я продолжаю:

– Что касается тортов – нам нужен свадебный торт и торт для жениха.

– Нам действительно нужны два торта? – спрашивает Трина, прикусывая ноготь. – Гостей будет не так много.

– Мы – южане, торт для жениха необходим. В качестве твоего я предлагаю желтый торт с ванильным сливочным кремом. – Трина широко улыбается. Это ее любимый торт – простой, не очень интересный в работе, но ей нравится. – А в качестве папиного... торт с мятно-шоколадным печеньем! Шоколадный торт с мятной глазурью и крошками мятно-шоколадного печенья сверху.

На этот раз одобрительно кивает Китти. Я много недель не чувствовала себя настолько на своем месте.

Глава 17

КИТТИ СМЕШИВАЕТ РАЗНОЦВЕТНЫЕ ЛАКИ для ногтей на бумажной тарелке, а я ищу высокие прически Трине на свадьбу. Я лежу на диване, опираясь на подушки, а она – на полу, обложившись флакончиками с лаками. Внезапно она спрашивает:

– Ты когда-нибудь думала, что будет, если у папы и Трины родится ребенок и он будет похож на папу?

Китти часто приходят в голову мысли, которые мне бы не пришли никогда. Я ни разу не задумывалась о том, что у них может быть ребенок или что этот воображаемый ребенок будет не похож на нас. Он будет таким же, как папа и Трина. Никто не станет гадать, чей он. Будут принимать его родство автоматически.

– Но они оба уже старые, – говорю я.

– Трине сорок три. В сорок три можно родить. Маме Мэдди сорок три, и она недавно родила.

– Правда?

– Что если это будет мальчик?

Наш папа – и сын? Поразительная мысль. Папа не особо спортивный, без традиционной мужественности. Конечно, ему нравится ездить на велосипеде и играть в парный теннис весной. Но он наверняка захочет делать с сыном что-то, чего не делал с нами, потому что нам было неинтересно. Ловить рыбу, например. Футбол он не любит. Футболом больше увлекается Трина.

Когда наша мама была беременна Китти, Марго хотела еще одну сестру, а я – брата. Девочки Сонг и их братишка. Было бы здорово наконец получить младшего брата. Особенно если мне не придется жить дома и слушать плач младенца по ночам. Я буду покупать ему маленькие валяные ботиночки и свитера с лисами и зайцами.

У Китти на щеках расцветают красные пятна. В этот момент она очень похожа на маленькую девочку.

– Я не хочу еще одного ребенка. Тогда я окажусь средней сестрой, никакой.

– Эй! – возмущаюсь я. – Сейчас средняя сестра я!

– Марго старшая и самая умная, а ты самая красивая.

Я самая красивая? Китти так про меня думает? Я стараюсь не показывать своего удовольствия.

– Я просто младшая. Если у них появится ребенок, мне и этого не останется.

Я откладываю ноутбук.

– Китти, ты не просто младшая девочка Сонг! Ты самая дикая, язвительная, колючая.

Китти поджимает губы, но не может удержаться от улыбки.

Я добавляю:

– И, что бы ни случилось, Трина тебя любит. Всегда будет любить, даже если у нее родится свой ребенок, в чем я сомневаюсь. Постой, – останавливаюсь я, – ты правда считаешь, что я самая красивая?

– Нет, беру свои слова обратно! Я наверняка буду самой красивой к старшим классам. Ты можешь быть самой милой.

Я спрыгиваю с дивана и ловлю ее, словно хочу потрясти. Она хихикает.

– Я не хочу быть самой милой, – говорю я.

– Но так уж получается. – Она говорит это не для того, чтобы обидеть, но на комплимент непохоже. – А какие мои черты ты бы хотела иметь?

– Твое упрямство.

– А что еще?

– Твой нос. Маленький хорошенький носик, – я его трогаю пальцем. – А ты – из моих?

Китти пожимает плечами:

– Не знаю.

Потом она начинает смеяться, и я трясую ее за плечи.

Весь вечер я продолжаю размышлять о ее словах. Я не думала о том, что у папы и Трины может быть ребенок. Но у Трины детей нет, только золотистый ретривер Симона, с которой она обращается как с ребенком. Может, она захочет завести собственного ребенка? А папа никогда об этом не говорил, но вдруг он захочет завести сына? Этот ребенок будет на восемнадцать лет младше меня. Какая странная мысль. Еще более странно думать, что я уже могла бы иметь собственного ребенка.

Что бы сделал Питер, если бы я забеременела? Я не могу этого представить. Моей фантазии хватает только на выражение лица папы от такой новости.

На следующее утро, когда мы с Питером едем в школу, я украдкой смотрю на него.

– Мне нравятся твои гладкие щеки, – говорю я, – как у ребенка.

– Я мог бы вырастить бороду, если бы захотел, – говорит он, трогая

свой подбородок. – Густую.

Я с любовью говорю:

– Нет, ты бы не смог. Но однажды сможешь. Когда станешь мужчиной.

– Я мужчина, – хмурится он. – Мне восемнадцать!

Я фыркаю:

– Ты даже обед сам себе не готовишь. Ты умеешь стирать белье?

– По всем важным признакам я мужчина, – хвастается он, и я закатываю глаза.

– Что бы ты сделал, если бы тебя призвали служить в армии?

– Э-э-э... разве студентов колледжа не освобождают от службы? И разве призыв еще существует?

Я не знаю ответов на эти вопросы, поэтому перехожу к следующему:

– Что бы ты сделал, если бы я сейчас забеременела?

– Лара Джин, мы не занимаемся сексом. Это было бы непорочное зачатие.

– А если бы занимались? – настаиваю я. Он стонет.

– Ну и вопросы! Я не знаю. Откуда я знаю, что бы я сделал?

– Что ты думаешь?

Питер не колеблется.

– Я бы сделал то, что ты скажешь.

– Ты не хотел бы обсудить и решить вместе?

Я его проверяю, хотя не знаю, зачем.

– Не мне придется носить ребенка. Твое тело, тебе и решать.

Его ответ меня устраивает, но я не останавливаюсь.

– Что если бы я сказала... давай оставим ребенка и поженимся?

Питер снова не задерживается с ответом.

– Я бы сказал – да, конечно!

Теперь я хмурюсь.

– «Конечно»? Вот так просто? Самое важное решение в жизни, а ты просто говоришь «конечно»?

– Да, потому что я уверен.

Я наклоняюсь к нему и прижимаю ладони к гладким щекам.

– Вот поэтому ты все еще мальчик. Ты слишком уверен.

Он хмурится:

– Почему ты так говоришь, словно это плохо?

Я отпускаю его.

– Ты всегда так во всем уверен. Никогда не сомневаешься.

– Ну, в этом я точно уверен, – говорит он, глядя прямо перед собой. – Я не стану таким отцом, как мой, сколько бы лет мне ни было.

Я затихаю и чувствую себя виноватой, оттого что напредила о неприятном. Я хочу спросить, пытался ли его отец извиниться, но закрытое выражение лица Питера мне не дает. Только хочется, чтобы они разобрались в своих отношениях, прежде чем Питер поидет в колледж. Потому что прямо сейчас Питер еще мальчик, и я думаю, что в глубине души все мальчики хотят знать своего отца, как бы он себя ни вел.

После уроков мы заезжаем за сэндвичами. Питер вгрызается в сэндвич с жареной курицей прежде, чем мы выедем с парковки. Прожевывая очередной кусок, он говорит:

– Ты правда не можешь представить себя замужем за мной?

– Я этого не говорила!

– В некотором смысле сказала. Ты сказала, что я еще мальчик и что ты не вышла бы замуж за мальчика.

Ну вот, я задела его чувства.

– Я не это имела в виду. Я говорила о том, что не представляю, как могла бы сейчас выйти замуж. Мы оба еще дети. Как мы можем растить ребенка? – Не подумав, я добавляю: – Хотя папа мне выдал полный набор контрацепции для колледжа, так что волноваться не о чем.

Питер чуть не давится сэндвичем.

– Набор контрацепции?

– Ну да, презервативы и... Питер, ты знаешь, что такое защитные зубные прокладки?

– Что? Их стоматологи используют, чтобы держать рот пациента открытым?

Я хихикаю.

– Нет. Это для орального секса. А я-то думала, что ты эксперт и всему меня научишь, когда мы поидем в колледж!

У меня учащается сердцебиение. Я жду, что он пошутит про то, что в колледже мы наконец займемся сексом, но вместо этого он хмурится и говорит:

– Мне не нравится, что твой папа считает, что мы занимаемся сексом, хотя это не так.

– Он просто хочет, чтобы мы были осторожными. Это профессиональное. – Я глажу его по колену. – В любом случае беременность мне не грозит, так что все в порядке.

Он сминает салфетку и бросает в пакет, не отводя глаз от дороги.

– Твои родители познакомились в колледже?

Я удивлена, что он помнит. А я не помню, когда ему рассказывала.

– Ага.

– Сколько им было? Восемнадцать? Деятнадцать?

Эти вопросы не просто так.

– Мне кажется, двадцать.

Он едва заметно мрачнеет.

– Ладно, двадцать. Мне восемнадцать, тебе будет восемнадцать через месяц. Двадцать – это всего на два года больше. Что меняют два года, если посмотреть на картину мира в целом? – Он широко улыбается. – Твои родители познакомились в двадцать, а мы – в...

– Двенадцать, – вставляю я.

Питер дуется, из-за того что я нарушаю его аргументацию.

– Ну ладно, мы познакомились, когда были еще детьми, но встречаться начали только в семнадцать...

– Мне было шестнадцать.

– По-настоящему мы сошлись, когда семнадцать было нам обоим. Это то же самое, что восемнадцать, а по сути все равно что двадцать. – У него самодовольный вид юриста, закончившего триумфальное выступление в суде.

– Это очень длинная и запутанная логическая цепочка, – говорю я. – Ты не думал о том, чтобы стать юристом?

– Нет, но теперь думаю, можно попробовать!

– В университете Вирджинии прекрасная школа права, – говорю я и испытываю мгновенный укол в сердце. Одно дело – колледж, но школа права! До нее еще далеко, и кто знает, что произойдет? Мы будем совсем другими людьми. Представляя Питера в двадцать, я как будто тоскую по мужчине, которого могу никогда не встретить. Сегодня он еще мальчик, и я знаю его лучше всех, но что если так будет не всегда? Наши пути уже расходятся день ото дня, и чем ближе август – тем больше.

Глава 18

ТРИНА ВЫСТАВЛЯЕТ СВОЙ ДОМ НА ПРОДАЖУ через пару недель после помолвки. Кристен – риелтор, и она сказала, что сейчас самое время продавать, потому что весной больше покупателей. Она оказывается права: ей делают предложение на той же неделе. Трина и папа думали, что дом останется на рынке хотя бы месяц. А теперь грузчики вносят коробки в наш дом, и все меняется со скоростью света.

Мы не обсуждали всерьез, кто куда переезжает. Подразумевалось, что Трина переедет к нам. Во-первых, наш дом больше. Во-вторых, проще перевезти одного человека, чем четверых. По крайней мере, так может показаться. Для одного человека у Трины очень много вещей. Коробки с одеждой и обувью, тренажеры, какая-то мебель, большое изголовье для кровати, обитое бархатом, которое приводит папу в ужас.

– Я бы на ее месте не захотела переезжать в дом другой женщины, – говорит Крис.

Она стоит у моего окна и наблюдает, как Трина командует грузчиками. Она заехала по пути на работу, чтобы одолжить у меня пару туфель.

– Какой другой женщины? – переспрашиваю я.

– Твоей матери! Мне бы всегда казалось, что я в ее доме. Это она выбирала мебель, обои...

– Большую часть выбирали мы с Марго, – говорю я. – Я выбрала обои в гостиной, она – цвет стен для ванной на втором этаже.

Я помню, как мы с Марго и мамой сидели на полу в гостиной с буклетами обоев, образцами ковров и краски. Целый день мы просматривали каждый образец. Я ссорилась с Марго по поводу того, какой оттенок голубого лучше подойдет для нашей общей ванной. Я считала, что бледно-голубой, а она – что небесно-голубой. В конце концов мама заставила нас сыграть в «камень, ножницы, бумага», и Марго выиграла. Я дулась, пока не обошла ее в выборе обоев.

– Суть в том, что на месте Трины я бы предпочла начать с чистого листа, – говорит Крис.

– Это трудно сделать, когда у твоего будущего мужа уже трое детей.

– Ты знаешь, о чем я. Насколько возможно чистого.

– По крайней мере, они купили новую кровать. Ее привезут завтра.

Крис оживает и плюхается на край моей кровати.

– Фу, тебе не странно думать, как твой папа занимается сексом?

Я шлепаю ее по ноге.

– Я вообще об этом не думаю! Так что не заставляй меня.

Теребя нитки, торчащие по краям обрезанных джинсовых шортов, она говорит:

– У Трины ведь отличная фигура.

– Не начинай, Крис!

– Я о том, что хотела бы иметь такую фигуру в ее возрасте.

– Она не такая уж и старая.

– Все равно. – Крис прихорашивается. – Если я открою окно, можно здесь покурить?

– Ты знаешь ответ на свой вопрос, Кристина.

Она дуется, но только для вида: знала, что я не разрешу.

– Фу, отношение к курильщикам в Америке бесит. Это тупо.

С тех пор как Крис собралась в Коста-Рику, ей нравится ругать все американское. Я до сих пор не могу поверить, что она уезжает.

– Ты правда не пойдешь на выпускной? – спрашиваю я.

– Правда не пойду.

– Ты будешь об этом жалеть, – предупреждаю я. – Будешь работать на ферме в Коста-Рике, внезапно вспомнишь, что не пошла на выпускной, и ощутишь бесконечное сожаление, а винить будет некого.

Смеясь, она говорит:

– Я очень в этом сомневаюсь!

Крис уходит на работу, а я перебираюсь на кухню с ноутбуком, смотреть на платья для подружек невесты и для выпускного. Папа и Трина возвращаются с улицы, где руководили разгрузкой. Я изображаю, что делаю уроки, чтобы меня не попросили помочь. Хитрая Китти уже пару дней не попадает на глаза, и я жалею, что не последовала ее примеру.

Папа наливает себе стакан воды и вытирает пот со лба.

– Тебе действительно нужна эта беговая дорожка? – спрашивает он у Трины. – Она даже не работает как следует.

– Она нормально работает.

– Ни разу не видел, чтобы ты ею пользовалась, – говорит папа и залпом допивает остатки воды. Трина хмурится.

– Это не значит, что я ею не пользуюсь. Просто не при тебе.

– Ладно. Когда ты это делала в последний раз?

Она прищуривается.

– Не твое дело.

– Трина!

– Дэн!

Папа пикируется и немного теряет терпение, я не видела его раньше с этой стороны. Это в нем будит Трина. Хотя это может показаться странным, но я рада. Я не замечала, как эта сторона исчезла. Одно дело – жить приятной жизнью, мирно и спокойно, без подъемов и спадов, а другое – переживать напряжение и огонь, которые приносит влюбленность в другого человека. Трина собирается целую вечность, что выводит папу из себя, и подшучивает над его хобби: наблюдением за птицами и документальными фильмами. Но они подходят друг другу.

Глава 19

НА СЕГОДНЯШНИЙ МАТЧ ПО ЛАКРОССУ Пэмми не может прийти из-за работы, а Крис никогда не удостоит игру своим присутствием, поэтому я беру с собой Китти. Она притворяется, что ей не особо это интересно, но когда я говорю: «Ладно, как хочешь», то быстро соглашается.

На трибуне мы натыкаемся на маму Питера и его младшего брата Оуэна и садимся с ними вместе. Оуэн и Китти делают вид, что не замечают друг друга: он играет на своем телефоне, она – на своем. Оуэн высокий, но сутулится, и волосы падают ему на глаза.

Мы с мамой Питера обсуждаем помолвку, я делюсь своими идеями о свадьбе. Она кивает, а потом внезапно говорит:

- Я слышала, что тебя тоже стоит поздравить!
- С чем? – недоуменно уточняю я.
- С поступлением в университет Уильяма и Мэри!
- О, спасибо!

– Я знаю, что ты надеялась на университет Вирджинии, но это, может быть, к лучшему? – Она сочувственно улыбается. Я улыбаюсь в ответ, хотя не уверена, что именно тут «к лучшему». Она рада, что я не буду учиться вместе с Питером? Считает, что мы из-за этого расстанемся? Мне остается только сказать:

- Уильямсбург не так уж далеко от Шарлотсвилла.

Она отвечает:

- Хм, это правда.

Потом Питер забивает гол, и мы вскакиваем на ноги и кричим. Когда я сажусь на место, Китти спрашивает:

- Можно мне попкорн?

– Конечно, – отвечаю я, радуясь поводу размяться. Спрашиваю у мамы и брата Питера, хотят ли они чего-нибудь. Оуэн, не поднимая глаз, говорит: «Попкорн».

- Можете поделить один на всех, – говорит его мама.

Спускаясь с трибуны к киоску, я замечаю мужчину, который стоит в стороне со скрещенными руками и следит за игрой. Он высокий, с русыми волосами. Красивый. Когда он поворачивается в профиль, я узнаю его, потому что это лицо, этот подбородок, эти глаза – все мне знакомо. Это отец Питера. Я останавливаюсь как вкопанная, словно увидела дух грядущего Рождества.

Он замечает, что я на него смотрю, и отвечает дружелюбной улыбкой. У меня не остается выбора, как подойти на шаг и спросить:

– Извините, вы... отец Питера?

Он удивленно кивает.

– Вы с ним друзья?

– Я его... э-э-э... девушка. Лара Джин Кави.

Он замирает, а потом протягивает мне руку. Я крепко пожимаю ее в ответ, пытаюсь произвести хорошее впечатление.

– Вы так на него похожи.

Он смеется, и я заново удивляюсь тому, сколько в нем от Питера.

– Это он похож на меня.

Я тоже смеюсь.

– Точно. Вы оригинальная версия.

Неловкое молчание, а потом он прокашливается и спрашивает:

– Как у него дела?

– О, хорошо. Отлично. Вы слышали, что он поступил в университет Вирджинии со стипендией за лакросс?

Он с улыбкой кивает.

– Я слышал от его мамы. Я им горжусь. Не то чтобы я как-то на него повлиял, но все равно горжусь им. – Он бросает взгляд на поле, на Питера. – Просто хотел еще раз посмотреть, как он играет. Мне этого не хватало. – После колебания он добавляет: – Пожалуйста, не говори Питеру, что я здесь был.

Просьба застаёт меня врасплох, и я могу выдать только:

– О... хорошо.

– Спасибо. Приятно было познакомиться, Лара Джин.

– И мне, мистер Кавински.

С этими словами я возвращаюсь на трибуны и только на полпути вспоминаю, что шла за попкорном, так что приходится возвращаться. Отца Питера нигде не видно.

Наша команда проигрывает, но Питер набирает три очка, так что для него игра удачная. Я рада, что его отец это видел, но жалею, что согласилась сохранить его присутствие в секрете от Питера. От этого у меня болит живот.

В машине я продолжаю думать про его отца, но потом Китти говорит:

– Странно, что мама Питера сказала, мол, то, что ты не попала в Вирджинию, – к лучшему.

– Да! Тебе тоже так показалось? – Я проверяю вид в боковом зеркале, прежде чем свернуть со школьной парковки налево. – Я не думаю, что она

хотела меня обидеть. Просто не хочет, чтобы Питеру было больно.

Я тоже этого не хочу, так что, наверное, лучше не рассказывать Питеру про отца. Что если он обрадуется, а отец опять его подведет?

Внезапно я предлагаю:

– Хочешь остановиться и купить замороженный йогурт?

Конечно, она соглашается.

Питер приезжает к нам, после того как заехал домой и принял душ. Едва увидев, какой он радостный, я решаю ничего не рассказывать.

Мы валяемся на полу в гостиной в масках для лица. Если бы его таким увидели в школе! Он спрашивает сквозь стиснутые зубы:

– Что должна делать эта маска?

– Делать тусклую кожу ярче.

Он поворачивается ко мне и хрипит:

– Здравствуй, Кларисса.

– О чем ты?

– Это из «Молчания ягнят»!

– О, я его не смотрела. Выглядит слишком страшно.

Питер садится. Он не умеет сидеть на одном месте.

– Мы должны посмотреть прямо сейчас. Иначе никак. Я не могу встречаться с девушкой, которая не видела «Молчание ягнят».

– М-м, я уверена, что сейчас моя очередь выбирать фильм.

– Ну же, Кави! Это же классика, – говорит Питер, и тут у него жужжит телефон. Я слышу голос его мамы на другом конце линии. – Привет, мам. Я у Лары Джин. Скоро буду дома... Я тебя тоже люблю.

Когда он вешает трубку, я говорю:

– Послушай, я забыла тебе сказать... Во время игры твоя мама сказала, что то, что я не поступила в Вирджинию, – к лучшему.

– Что? – Он снова садится и снимает маску.

– То есть она не совсем так сказала, но, по-моему, имела в виду именно это.

– А что она сказала точно?

Я тоже снимаю маску.

– Она поздравила меня с поступлением в Уильяма и Мэри, а потом, по-моему, сказала: «Знаю, что ты надеялась на университет Вирджинии, но это, может быть, к лучшему».

Питер расслабляется.

– О, она все время так разговаривает. Ищет во всем хорошее, как и ты.

Мне так не кажется, но я не даю, потому что Питер всегда

заступается за маму. Это, наверное, неудивительно, раз отца у них нет. Но что если бы был? Если бы у Питера был шанс на нормальные отношения с ним? Я осторожно интересуюсь:

– Сколько оповещений о выпускном ты заказал?

– Десять. У меня маленькая семья. А что?

– Просто спрашиваю. Я заказала пятьдесят, чтобы бабушка могла отправить несколько родственникам в Корею. – Поколебавшись, я спрашиваю: – Собираешься послать оповещение отцу?

– Нет, – хмурится он. – Зачем? – Он берет за телефон. – Давай посмотрим, какие фильмы у нас остались. Если мы не смотрим «Молчание ягнят», то есть еще «На игле» и «Крепкий орешек».

Я секунду молчу, а потом выхватываю у него телефон.

– Моя очередь выбирать! И я выбираю... «Амели»!

Питер ужасно сопротивлялся в свое время романтическим комедиям и иностранным фильмам, а теперь ему так нравится «Амели». Это фильм про француженку, которая боится жить в настоящем мире, поэтому придумывает себе прихотливые фантазии про говорящие лампы, движущиеся картины и блинчики, которые выглядят как пластинки. После этого фильма мне хочется жить в Париже.

– Интересно, как бы ты выглядела с челкой, – размышляет Питер. – Наверняка мило.

В конце фильма, когда Амели печет пирог со сливами, он поворачивается ко мне и спрашивает:

– Ты умеешь печь пирог со сливами? Выглядит очень вкусно.

– Знаешь, мини-пироги со сливами могут подойти для десертного стола... – Я принимаюсь искать рецепты в телефоне.

– Главное – сделай сначала пробный вариант, – говорит Питер и зевает.

Глава 20

МЫ С ТРИНОЙ ПЬЕМ ЧАЙ НА ДИВАНЕ, и я показываю ей фотографии цветов для свадеб, когда в дом входит папа и падает на диван рядом с нами.

– Долгий день? – спрашивает Трина.

– Бесконечный, – отвечает он, закрывая глаза.

– Вопрос, – говорю я.

– Да, мое среднее дитя.

– Под какую музыку вы хотите танцевать первый танец?

Он стонет.

– Я слишком устал, чтобы думать про танцы.

– Ну пожалуйста, это же твоя свадьба! Поучаствуй, папа.

Трина смеется и тыкает его в бок ногой.

– Поучаствуй, Дэн!

– Ладно, ладно. Трина большая поклонница Шанайи Твейн. – Они обмениваются улыбками. – Может, «From This Moment on»?

– Ах, – говорит она, – ты действительно меня знаешь.

– Шанайя Твейн? – переспрашиваю я. – Она поет песню «Man! I Feel Like a Woman»?

Трина поднимает кружку как микрофон и склоняет голову:

– С этого момента я буду любить тебя, – фальшиво поет она.

– Не уверена, что слышала эту песню, – говорю я, стараясь не выдавать эмоций.

– Включи ей на телефоне, – говорит Трина папе.

– Не вздумай осуждать, – предупреждает он и включает песню.

Эта песня совсем на него не похожа. Но он глупо улыбается все время, особенно когда Трина обнимает его за плечи и заставляет покачиваться в такт вместе с ней.

– Идеально, – говорю я. На глазах внезапно наворачиваются слезы. Я прокашливаюсь. – Хорошо, с песней решили, можно переходить к остальному. Я переписываюсь с пекарней «Десерты Тилли» по поводу банановых мини-пудингов в маленьких консервных баночках, но они говорят, что не могут сделать дешевле, чем по семь долларов за штуку.

Папа встревожен и хмурится.

– Это дороговато?

– Не беспокойся, я позвоню в пекарню в Ричмонде, и если доставка

получится не слишком дорогой, закажу у них. – Я листаю папку с планами. – Из-за десертов у меня не было возможности посмотреть на группу, с которой я переписывалась. В эти выходные они играют в Кесвике, я хочу сходить и послушать.

Во взгляде папы читается озабоченность.

– Милая, мне кажется, ты теперь используешь подготовку свадьбы как способ снятия стресса вместо выпечки. Все это немного торжественно.

– Это на самом деле не совсем группа, – быстро говорю я. – Певец и гитарист. Они только начинают, так что все очень скромно. Я буду знать больше, когда на них посмотрю.

– Разве у них нет видеозаписей? – спрашивает Трина.

– Конечно, но вживую все иначе.

– Не думаю, что нам нужна группа, – говорит папа, переглянувшись с Триной. – Достаточно включить музыку на компьютере.

– Хорошо, но нужно арендовать звуковое оборудование... – Я начинаю листать папку. Трина кладет ладонь мне на руку.

– Милая, я рада, что ты хочешь нам помочь, и очень благодарна. Но, честное слово, не стоит так переживать. Нам с твоим папой не так важны все эти мелочи. Мы просто хотим пожениться. Нам не нужны фургончики и банановые мини-пудинги. Мы с тем же успехом можем заказать барбекю у «Бибикию Эксчейндж». – Я начинаю говорить, но она меня останавливает. – Выпускной класс бывает раз в жизни, и я хочу, чтобы ты получила от него все. У тебя горячий парень, ты поступила в отличный колледж. Скоро твой день рождения. Сейчас самое время быть молодыми, радоваться и наслаждаться друг другом!

– В разумных пределах, конечно, – торопливо добавляет папа.

– Но я правда не переживаю, – возражаю я. – Подготовка к свадьбе меня успокаивает!

– И ты нам очень помогаешь, но есть другие дела, заслуживающие твоего времени. Окончание учебного года, подготовка к колледжу. – У папы на лице твердое, неприступное выражение, которое я редко вижу.

– Вы что, больше не хотите, чтобы я помогала со свадьбой? – хмурюсь я. Трина отвечает:

– Я по-прежнему хочу, чтобы ты занималась платьями для подружек невесты, и было бы замечательно, если бы ты испекла свадебный торт...

– И торт для жениха?

– Конечно. Но с остальным мы разберемся сами. Честное слово, я говорю это для твоего же блага, Лара Джин. Хватит торговаться с кондитерскими.

– И никаких поездок в Ричмонд за столами для десерта.
Я с неохотой вздыхаю.
– Если вы настаиваете...
Трина кивает.
– Наслаждайся молодостью. Сосредоточься на платье для выпускного.
Ты уже начала его искать?
– Понемногу. – До меня доходит, что выпускной уже через месяц, а платья у меня еще нет. – Если вы точно уверены...
– Мы уверены, – говорит папа, и Трина кивает.
Поднимаясь по лестнице, я слышу, как папа шепчет:
– Зачем ты советуешь ей наслаждаться ее горячим парнем?
Я едва сдерживаю смех.
– Я не это имела в виду! – говорит Трина. Папа возмущенно фыркает.
– Прозвучало именно так.
– Господи, Дэн, не воспринимай все так буквально. К тому же парень у нее действительно горячий.

Я просматриваю на ноутбуке платья для выпускного и смеюсь каждый раз, когда думаю про папу и «горячего парня». Через час я почти уверена, что нашла платье. Оно в стиле «балерины», с корсажем из металлической сетки и юбкой из тюля. Цвет на сайте называется «пыльно-розовый». Сторми понравится.

Покончив с этим, я захожу на сайт университета Уильяма и Мэри и оплачиваю регистрационный взнос, как следовало сделать много недель назад.

* * *

Через несколько дней по дороге в школу Питер говорит, что должен доставить что-то для мамы и может съездить со мной посмотреть на группу в Кесвике. Я мрачно отвечаю:

– Оказывается, папа и Трина не хотят приглашать группу. И все остальное устраивать – тоже. Они хотят очень простую свадьбу. Одолжат колонки и включают музыку на компьютере. Знаешь, какую песню они выбрали для первого танца?
– Какую?
– «From This Moment on» Шанайи Твейн.
– Никогда ее не слышал.

– Она очень сладкая, но им нравится. Ты знаешь, что у нас с тобой нет своей песни?

– Давай выберем!

– Так не делают. Нельзя просто выбрать свою песню. Она должна выбрать нас. Как сортировочная шляпа.

Питер глубокомысленно кивает. Он наконец дочитал все семь книг «Гарри Поттера» и всегда готов продемонстрировать, что понимает мои отсылки.

– Это происходит... само собой. Возникает момент, и песня превосходит его, понимаешь? Песней моих родителей была «Wonderful Tonight» Эрика Клэптона. Они танцевали под нее на свадьбе.

– Как же она стала их песней?

– Под нее они впервые танцевали медленный танец на вечеринке в колледже, вскоре после того, как начали встречаться. Я видела фотографии с того вечера. На папе костюм, который ему велик, а у мамы волосы собраны во французский пучок.

– Что если сделать так: песня, которая следующей заиграет на радио, будет нашей песней? Пусть решит судьба.

– Нельзя взять и заставить судьбу решать.

– Конечно, можно. – Питер тянется включить радио.

– Постой! На любой станции? А если это окажется не медленная песня?

– Хорошо, давай включим «Лайт 101». – Питер нажимает кнопку.

– «Винни-Пух не знает, что делать, нос застрял в медовом горшке», – мурлыкает женщина.

– Что за черт? – говорит Питер.

– Это не может быть нашей песней, – говорю я.

– Лучший вариант из трех?

– Давай не будем заставлять судьбу. Мы узнаем эту песню, когда услышим.

– Может, услышим на выпускном, – говорит Питер. – О, кстати! Какого цвета твое платье? Мама попросит свою подругу-флориста сделать для тебя браслет из цветов.

– Оно пыльно-розового цвета. – Платье пришло вчера, и когда я его примерила и показала остальным, Трина сказала, что оно просто создано для Лары Джин. Я отправила фотографию Сторми, она прислала в ответ «О-ла-ла!» и эмодзи с танцующей женщиной.

– Что это за цвет такой? – уточняет Питер.

– Он похож на розовое золото. – Питер все еще в недоумении, и я

вздыхаю. – Просто скажи маме, как он называется. Она поймет. Кстати, может быть, ты принесешь цветочный браслет и для Китти, но сделаешь вид, что это твоя идея?

– Ладно, но я мог бы сам это придумать, – ворчит он. – А ты могла хотя бы дать мне возможность что-то придумывать самому.

Я глажу его по коленке.

– Главное – не забудь.

Глава 21

УЖЕ ПОЗДНО. Я лежу в кровати и листаю вводный пакет документов от колледжа Уильяма и Мэри. Оказывается, что первокурсникам не разрешают держать машину в кампусе. Я собираюсь позвонить Питеру и рассказать, когда получаю сообщение от Джона Амброуза Макларена. От его имени на экране по мне пробегает электрическая искра изумления: мы так давно не разговаривали. А потом я читаю сообщение:

Прошлой ночью Сторми умерла во сне. Похороны будут в Род-Айленде в среду. Я подумал, что ты захочешь узнать.

Я сижу как громом пораженная. Как это могло случиться? Я недавно ее видела, и она была в порядке. Все было отлично. Она вела себя как обычно. Она не может умереть. Не моя Сторми. Сторми, которая жила как вихрь, которая учила меня наносить красную помаду так, «чтобы держалась даже после ночи поцелуев и шампанского». Я начинаю плакать и не могу остановиться. Не могу набрать воздуха в легкие. Ничего не вижу вокруг. Слезы падают на телефон, и я вытираю их тыльной стороной руки, снова и снова.

Что сказать Джону? Сторми была его бабушкой, а он – любимым внуком. Они были очень близки.

Сначала я набираю: «Мне так жаль. Могу я что-то сделать?». Но стираю, потому что чем я могу помочь?

Мне так жаль. Она была самой яркой душой, какую я знала. Мне ее будет очень не хватать.

Спасибо. Я знаю, что она тебя тоже любила.

От его сообщения у меня из глаз снова льются слезы.

Сторми говорила, что, по ее ощущениям, ей не больше двадцати. Что иногда ей снится, будто она снова девушка и встречается со своими бывшими мужьями, они старые, а она все еще Сторми. Что, просыпаясь утром, она удивляется своему старому телу, старым костям.

– Но ножки у меня все те же, – говорила она. Чистая правда.

Раз похороны будут в Род-Айленде, это слишком далеко, чтобы мне

поехать, отчего я чувствую облегчение. Я не была на похоронах с тех пор, как умерла мама. Мне было девять, Марго – одиннадцать, Китти – всего два. Самое отчетливое воспоминание того дня – то, как я сижу рядом с папой, который держит Китти, и чувствую, как его тело дрожит от беззвучного плача. Щечки Китти были мокрыми от его слез. Она не понимала ничего, кроме того, что ему грустно, и повторяла: «Не плачь, папочка». Он пытался ей улыбнуться, но улыбка все время таяла. Я никогда до того не испытывала таких чувств: словно мир уже никогда не будет безопасным.

А теперь я снова плачу. По Сторми, по маме, по всему.

Сторми хотела, чтобы я переписала ее мемуары. Она собиралась назвать их «Штормы Сторми». Мы так за это и не взялись. Как теперь люди узнают ее историю?

Звонит Питер, но мне очень грустно, чтобы разговаривать, поэтому я не отвечаю. Мне кажется, что надо позвонить Джону, но на самом деле у меня нет на это права. Он внук Сторми, а я – всего лишь девочка-волонтер в доме престарелых. Единственная, с кем я хочу поговорить, – Марго, потому что она тоже знала Сторми и потому что она знает, как меня успокоить; но в Шотландии сейчас глухая ночь.

Я звоню Марго на следующий день, как только просыпаюсь. Рассказывая новости, я плачу снова, и она тоже. Марго подает идею провести мемориальную службу в Бельвью.

– Ты можешь сказать несколько слов, угостить всех печеньем, а гости поделятся своими воспоминаниями. Уверена, что ее друзьям понравится: они ведь тоже не могут попасть на похороны.

Я сморкаюсь.

– Сторми бы тоже понравилось.

– Я бы хотела быть на службе.

– Я бы хотела, чтобы ты там была, – говорю я, и голос дрожит. Рядом с Марго я сильнее.

– По крайней мере, там будет Питер, – говорит она.

Перед выходом в школу я звоню своей бывшей начальнице Джанетт в Бельвью и предлагаю устроить мемориальную службу. Она сразу же соглашается и говорит, что можно провести ее в четверг, перед бинго.

Но когда в школе я рассказываю об этом Питеру, он мрачнеет.

– Черт. Я должен идти на «Дни на лужайке» с мамой. – «Дни на лужайке» – открытое мероприятие для абитуриентов университета Вирджинии. Они посещают университет вместе с родителями, сидят на занятиях, осматривают общежития. Это большое событие. Когда я думала,

что поступлю, то очень их ждала.

- Я могу не ходить, – предлагает Питер.
- Не можешь. Мама тебя убьет.
- Я переживу, – говорит он, и я ему верю.
- Все в порядке. Ты не знал Сторми.
- Да, но я хотел бы тебя поддержать.
- Главное – намерение, – говорю я.

Вместо черного я надеваю сарафан, который нравился Сторми. Он белый, с голубыми незабудками на подоле, короткими пышными рукавами, приоткрывающими плечи, и складками на талии. Я купила его в конце лета и надевала всего раз, когда заезжала в Бельвью по дороге в кино. Сторми сказала, что я выгляжу как девушка из итальянских фильмов. Поэтому я надеваю платье, белые сандалии, которые купила для выпускного, и кружевные белые перчатки, которые она бы наверняка оценила. Я нашла их в винтажном магазине «Былое» в Ричмонде и легко могу представить, как Сторми была в таких же в одном из котильонов^[34] или на субботних танцах. Кольцо с розовым бриллиантом я оставляю дома. Я надену его на выпускной, как хотела бы Сторми.

Я приношу с собой чашу для пунша, хрустальную чашу с орешками, стопку коктейльных салфеток с вышитыми вишнями, которые нашла на распродаже имущества, и скатерть, которую мы достаем на День благодарения. Кладу несколько роз на пианино, где любила сидеть Сторми. Пунш приготовлен из имбирного эля и фруктового сока, без алкоголя. Сторми бы возмутилась, но не все в доме престарелых могут пить алкоголь из-за лекарств. Однако я ставлю рядом с пуншем бутылку шампанского для тех, кто хочет добавить огонька. И наконец я включаю Фрэнка Синатру. Сторми всегда говорила, что он должен был бы стать ее вторым мужем.

Джон обещал прийти, если успеет вернуться из Род-Айленда. Я немного нервничаю, потому что в последний раз видела его почти год назад, в свой день рождения. Мы никогда по-настоящему не встречались, но почти начали, и для меня это имеет значение.

Постепенно появляются люди. Одна из медсестер привозит в кресле миссис Армбрустер, которая поддалась старческому маразму, но до того была со Сторми в дружеских отношениях. Мистер Перелли, Алисия, Шанис из приемной, Джанетт. Небольшая группа приятных людей. По правде говоря, в Бельвью остается все меньше людей, которых я знаю. Одни переехали к детям, другие умерли. Среди персонала тоже не так много знакомых лиц. Я и не заметила, как это место изменилось.

Я встаю посреди комнаты, сердце колотится в груди. Я ужасно нервничаю перед речью. Боюсь, что стану запинаться, что речь окажется недостойной Сторми. Я бы хотела, чтобы она мной гордилась. Все выжидающе смотрят на меня, кроме миссис Армбрустер, которая вяжет, глядя в пространство. У меня дрожат колени. Я делаю глубокий вдох и уже готова начать, когда входит Джон Амброуз Макларен в отглаженной рубашке и брюках хаки. Он садится на диван рядом с Алисией. Я машу ему рукой, он одобрительно улыбается в ответ.

Я снова делаю вдох.

– На дворе было лето 1952 года. – Кашлянув, я смотрю на листок. – По радио звучал Фрэнк Синатра. Лана Тернер и Ава Гарднер были звездами сезона. Сторми было восемнадцать. Она участвовала в марширующем ансамбле, ее ноги выбрали лучшими в конкурсе, и каждую субботу она ходила на свидания. В этот раз она шла с юношей по имени Уолт. Она на спор пошла купаться нагишом в городском озере. Сторми никогда не отступала перед вызовом.

Мистер Перелли смеется:

– Это правда.

Другие согласно ему вторят.

– Фермер вызвал полицию, и когда они направили фары на озеро, Сторми велела им отвернуться. В тот вечер домой она ехала в полицейской машине.

– Не в первый раз и не в последний, – выкрикивает кто-то, и все смеются, а у меня расслабляются плечи.

– Сторми за одну жизнь прожила больше, чем большинство за все свои годы. Она была как стихия. Она научила меня тому, что любовь... – у меня затуманиваются глаза, и я начинаю сначала. – Сторми научила меня тому, что любовь – это смелые решения каждый день. Так поступала Сторми. Она всегда выбирала любовь и приключения. Для нее они были неразделимы. А теперь ее ждет новое приключение, и мы желаем ей всего наилучшего.

Джон вытирает глаза рукавом. Я киваю Джанетт, она поднимается и включает стерео. Комнату заполняют звуки песни «Stormy Weather»: «Не знаю, почему нет солнца в небе...».

После речи Джон подходит ко мне с двумя пластиковыми стаканчиками с пуншем и с сожалением говорит:

– Она наверняка велела бы подлить ей спиртного, но... – Он вручает мне стакан, и мы чокаемся. – За Эдит Синклея Макларен Шиэн, более известную как Сторми.

– Настоящее имя Сторми – Эдит? Оно такое серьезное. Женщина с таким именем должна носить шерстяные юбки и толстые колготки и пить по вечерам ромашковый чай. Сторми пила коктейли!

Джон смеется.

– Да, верно!

– Тогда откуда взялось имя Сторми? Почему не Эди?

– Кто знает? – с усмешкой говорит Джон. – Ей бы понравилась твоя речь. – Он смотрит на меня с теплом и одобрением. – Ты такая славная, Лара Джин.

Я смущаюсь и не знаю, что сказать. Хотя мы никогда не встречались, чувства у меня такие же, как при встрече с бывшим парнем, по крайней мере, мне так кажется. С долей сожаления. Привычно, но немного неловко, потому что так много осталось между нами невысказанным.

Потом он говорит:

– Сторми все просила меня привезти мою девушку познакомиться, а я так и не успел. Теперь чувствую себя виноватым.

Как можно более легким тоном я говорю:

– О, так ты с кем-то встречаешься?

Он всего секунду колеблется, а потом кивает.

– Ее зовут Дипти. Мы познакомились на «Модели ООН» в университете Вирджинии. Она меня обошла и стала главой нашего комитета.

– Ого, – говорю я.

– Да, она замечательная.

Мы оба начинаем говорить одновременно:

– Ты уже знаешь, где будешь учиться?

– Ты уже решил?..

Мы смеемся и достигаем некоего взаимопонимания. Он говорит:

– Я еще не решил. Выбираю между Колледж-Парком и Уильяма и Мэри. В Колледж-Парке хорошая школа бизнеса, и он совсем близко к Вашингтону. У Уильяма и Мэри выше рейтинг, но Уильямсбург – это глушь. Так что пока не знаю. Отец расстроен, потому что он хотел, чтобы я учился в университете Северной Каролины, но туда меня не приняли.

– Сочувствую, – я решаю не упоминать, что меня там внесли в список ожидания. Джон пожимает плечами.

– Может, я переведусь на втором курсе. Посмотрим. А ты? Пойдешь в университет Вирджинии?

– Туда меня не приняли, – признаюсь я.

– Ох, беда! Я слышал, что в этом году они очень разборчивые. Девочка

со вторым высшим баллом во всей моей школе туда не попала, а у нее заявка была потрясающая. Уверен, что и у тебя тоже.

Я застенчиво говорю:

– Спасибо, Джон.

– Так где ты будешь учиться, если не в Вирджинии?

– В Уильяма и Мэри.

Он расплывается в улыбке.

– Серьезно? Это замечательно! А Кавински?

– В Вирджинии.

Джон кивает.

– За лакросс, конечно.

– А твоя... Дипти? – Я делаю вид, что забыла имя, хотя слышала его всего две минуты назад. – Где она будет учиться?

– Ее еще осенью приняли в университет Мичигана.

– Ого, так далеко!

– Намного дальше, чем Вирджиния от Уильяма и Мэри.

– Но вы собираетесь... продолжать встречаться?

– Такой план, – говорит Джон. – По крайней мере, мы попробуем отношения на расстоянии. А вы с Питером?

– У нас такой же план, во всяком случае, на первый курс. На втором я попытаюсь перевестись в Вирджинию.

Джон чокается со мной стаканчиками.

– Удачи, Лара Джин.

– И тебе, Джон Амброуз Макларен.

– Если я выберу Уильяма и Мэри, то позвоню тебе.

– Не забудь, – говорю я.

Я остаюсь в Бельвю куда дольше, чем планировала. Кто-то достает старые пластинки, и начинаются танцы. Мистер Перелли настаивает на том, чтобы научить меня танцевать румбу, несмотря на больное бедро. Когда Джанетт ставит «In the Mood» Глена Миллера, я встречаюсь взглядом с Джоном, и мы обмениваемся секретной улыбкой, вспоминая вечеринку сороковых. Тот вечер был как в кино. И кажется, что он был очень давно.

Странно испытывать счастье на поминках человека, которого ты любил, но я счастлива. Рада, что день удался и Сторми проводили достойно. Хорошо, когда есть такая возможность.

Когда я приезжаю из Бельвю, Питер сидит на крыльце моего дома со стаканом из «Старбакса».

– Дома никого нет? – спрашиваю я, торопясь подняться. – Давно

ждешь?

– Нет. – Не поднимаясь, он ловит меня за талию и притягивает в объятия. – Посиди со мной минутку, – говорит он, прижимаясь лицом к моему животу. Я сажусь рядом.

– Как прошли поминки Сторми? Как твоя речь?

– Хорошо. Но сначала расскажи мне про «Дни на лужайке». – Я забираю у него стакан и делаю глоток. Кофе холодный.

– Ну так. Я посидел на занятии. Познакомился кое с кем. Ничего особенного. – Он берет меня за руку и обводит пальцем кружево перчаток. – Какие классные.

Его что-то беспокоит, но он не говорит, что.

– В чем дело? Что-то случилось?

Он отводит глаза.

– Сегодня утром явился мой отец и хотел поехать с нами.

Я шире раскрываю глаза.

– И... ты ему разрешил?

– Нет. – Питер не вдаётся в детали. Просто «нет».

Я неуверенно говорю:

– Мне кажется, он хочет восстановить отношения с тобой.

– У него было для этого много возможностей, а теперь уже поздно. Поезд ушел. Я уже не ребенок. – Он вскидывает голову. – Я мужчина, и он не сыграл в этом никакой роли. А теперь хочет получить награду. Хочет хвастаться перед друзьями по гольфу, что его сын играет в лакросс за университет Вирджинии.

Я колеблюсь, но потом вспоминаю, с каким лицом его отец наблюдал за игрой Питера. В его глазах было столько гордости и любви.

– Питер... что если... ты дашь ему шанс?

Питер мотает головой.

– Лара Джин, ты не понимаешь. И тебе повезло, что не понимаешь. Твой папа замечательный. Он на все для вас готов. Мой не такой. Его интересует только он сам. Если я подпущу его близко, он опять все испортит. Это того не стоит.

– Но вдруг это будет того стоить? Никогда не знаешь, сколько времени вам осталось.

Питер морщится. Я никогда не говорила ему ничего подобного, не напоминала про маму, но после поминок Сторми я не могу остановиться. Я должна это сказать, потому что это правда и потому что иначе я буду жалеть.

– Дело не в твоём отце, а в тебе. Я хочу, чтобы потом у тебя не было

причин для сожалений. Не стоит причинять себе боль назло ему.

– Я больше не хочу о нем говорить. Я пришел поддержать тебя, а не разговаривать про моего отца.

– Ладно. Но сначала обещай, что ты подумаешь, не нужно ли пригласить его на вручение аттестатов. – Питер начинает говорить, но я перебиваю: – Просто подумаешь. И все. До выпускного месяц, сейчас тебе не нужно ничего решать.

Питер вздыхает. Я уверена, что он откажется, но вместо этого он спрашивает:

– Как прошла твоя речь?

– Вроде бы хорошо. Думаю, Сторми она понравилась бы. Я рассказала, как она купалась голой, явилась полиция и ей пришлось ехать домой с ними. О, и Джон успел приехать.

Питер дипломатично кивает. Я говорила, что Джон может приехать, и он ответил на это только «хорошо». А что еще он мог сказать? В конце концов, Джон – внук Сторми.

– Куда Макларен поступил?

– Он еще не решил, выбирает между Мэрилендом и Уильяма и Мэри.

У Питера брови взлетают на лоб.

– Правда? Замечательно. – По его тону ясно, что ничего хорошего он в этом не видит. Я вопросительно кошусь на него.

– Что?

– Ничего. Он уже слышал, что ты туда поступила?

– Я только сегодня ему рассказала. Одно с другим не связано. Ты очень странно себя ведешь, Питер.

– Как бы ты реагировала, если бы я сказал, что Джен будет учиться в Вирджинии?

– Не знаю. Спокойно. – Я говорю правду. Все мои переживания по поводу Питера и Женевиэвы остались в давнем прошлом. С тех пор все так изменилось. – К тому же ситуация совсем другая. Мы с Джоном никогда не встречались. И много месяцев не разговаривали. И у него есть девушка. И он еще не решил, где будет учиться.

– А куда идет его девушка?

– В университет Энн Арбор.

Питер снисходительно фыркает.

– Они долго не протянут.

Я тихо говорю:

– Возможно, про нас с тобой тоже так думают.

– У нас все вообще по-другому! Мы будем всего в паре часов друг от

друга, а потом ты переведешься. Ждать максимум год. И я буду приезжать по выходным. Вообще никаких проблем.

– Ты два раза сказал «вообще», – говорю я, чтобы вызвать у него улыбку. Но ее нет, и я добавляю: – У тебя будут тренировки и матчи. Ты не сможешь приезжать в Уильяма и Мэри каждые выходные. – Я впервые об этом подумала.

Питер секунду выглядит уязвленным, но потом пожимает плечами и говорит:

– Ладно, но ты тоже можешь приезжать. Ты привыкнешь водить машину. Тут практически прямой маршрут по одному шоссе.

– В Уильяма и Мэри первокурсникам нельзя держать машину. И в Вирджинии – тоже, я проверяла.

Питер отмахивается.

– Значит, я попрошу маму пригонять мне машину, когда поеду тебя навещать. Тут недалеко. А ты можешь доехать на автобусе. Мы все придумаем. Не о чем беспокоиться.

Я немного беспокоюсь, но не говорю об этом, потому что Питер, похоже, не хочет обсуждать практические вопросы. Я тоже не хочу на самом деле.

Он придвигается ближе и спрашивает:

– Хочешь, чтобы я остался на ночь? Я могу вернуться после того, как мама ляжет спать. И отвлекать тебя от печальных мыслей.

– Хорошая попытка, – я щиплю его за щеку.

– Джош никогда не оставался на ночь у твоей сестры?

– Я такого не припоминаю. И очень в этом сомневаюсь. Это же моя сестра и Джош.

– Да, они не такие, – говорит Питер, низко опускает голову и трется щекой о мою щеку. Ему нравится, какие мягкие у меня щеки, он все время об этом говорит. – Мы совсем другие.

– Ты первый о них заговорил, – начинаю я, но тут он меня целует, и я не могу закончить ни мысль, ни тем более фразу.

Глава 22

В УТРО ВЫПУСКНОГО КИТТИ ЗАХОДИТ ко мне в комнату, когда я крашу ногти на ногах.

– Как думаешь, подойдет этот цвет к моему платью? – спрашиваю я.

– Ты как будто окунула ноги в «Пепто-Бисмол»^[35].

Я смотрю на свои ноги. Действительно похоже. Может, лучше покрасить в бежевый?

Решено, что к этому платью нужна высокая прическа.

– Чтобы продемонстрировать ключицы, – говорит Трина. Я никогда не думала, что мои ключицы стоит демонстрировать. Я вообще о них не думала.

После обеда Китти идет со мной в салон проконтролировать укладку. Она говорит стилисту:

– Не нужно укладывать слишком строго, понимаете, о чем я?

Стилист нервно поглядывает на меня в зеркало.

– Наверное. Хотите, чтобы выглядело естественно? – Она разговаривает с Китти, потому что очевидно, кто тут главный. – Как бы естественный шиньон?

– Но не слишком естественный. Как у Грейс Келли. – Китти открывает и показывает фото на телефоне. – Вот примерно так, но пучок сбоку.

– Главное – не надо слишком много лака, – жалобно прошу я, пока стилист скручивает мои волосы в узел на затылке и показывает Китти.

– Отлично, – говорит ей Китти, а потом добавляет уже мне: – Лара Джин, лак нужен, чтобы прическа держалась.

Я начинаю сомневаться в нашем плане.

– Мы уверены, что нужно укладывать волосы наверх?

– Да, – говорит Китти и повторяет, уже обращаясь к стилисту: – Мы укладываем наверх.

Прическа получается более гладкой, чем я привыкла. Волосы собраны в пучок сбоку, макушка гладкая, как у балерины. Выглядит красиво, но я не узнаю себя в зеркале. Девушка в зеркале старше, элегантнее, она идет в оперу или на симфонический концерт.

Стилист в салоне потратила на меня массу времени, но, вернувшись домой, я распускаю волосы. Китти кричит на меня, но помогает расчесать. Сегодня я хочу быть собой.

– Как мы обставим твоё торжественное появление? – спрашивает Китти, в последний раз проводя по волосам щёткой.

– О чём ты?

– Когда Питер за тобой приедет, как ты собираешься входить?

Трина, которая ест фруктовый лёд, лежа на моей кровати, вставляет:

– Когда я шла на выпускной, было принято, чтобы папа помогал девушке спуститься по лестнице, а потом кто-нибудь объявлял её имя.

Я смотрю на них обеих как на сумасшедших.

– Трина, я не выхожу замуж, просто иду на выпускной.

– Мы можем выключить свет и поставить музыку, и ты выйдешь и примешь позу наверху лестницы...

– Я не хочу, – перебиваю я. Она хмурится.

– Чего не хочешь?

– Всего этого.

– Но должен быть момент, когда все смотрят на тебя и только на тебя, – говорит Китти.

– Это называется «первый взгляд», – поясняет Трина. – Не волнуйся, я все сниму на видео.

– Если бы мы об этом подумали заранее, то могли бы придумать что-то крутое, и видео разошлось бы по Интернету. – Китти неодобрительно качает головой и смотрит на меня так, словно это я виновата.

– Последнее, чего я хочу, – чтобы видео со мной снова разошлось по Интернету, – говорю я и с напором добавляю: – Помнишь видео в джакузи?

Ей хватает совести смутиться на секунду.

– Не будем думать о прошлом, – говорит она, взбивая мои волосы.

– Эй, именинница, – окликает меня Трина, – мы ещё собираемся завтра пойти есть барбекю?

– Ага, – отвечаю я.

Смерть Сторми, свадьба, выпускной, всё остальное – я не успела всерьёз подумать про свой день рождения. Трина хотела устроить мне большую вечеринку, но я сказала, что лучше просто поужинать где-нибудь с семьёй, а потом дома будут торт и мороженое. Трина и Китти собираются печь торт, пока я буду на выпускном. Посмотрим, что у них получится!

Я все бегаю и доделываю последние мелочи, когда папа кричит снизу:

– Девочки, Питер с мамой приехали!

– Духи! – шиплю я на Китти, и она меня обрызгивает. – Где мой клатч? – Трина бросает его мне.

– Ты положила помаду?

Я открываю клатч и проверяю.

– Да! Где мои туфли?

– Вот они. – Китти поднимает их с пола. – Надевай пошустрее. Я пойду вниз, скажу, что ты уже спускаешься.

– А я открою бутылку шампанского для взрослых, – добавляет Трина, уходя за ней следом.

Не знаю, почему я так нервничаю. Это же просто Питер. Наверное, у выпускного есть своя магия. Последнее, что я делаю, – надеваю кольцо Сторми и думаю, что она, наверное, смотрит на меня сейчас. Радует, что я буду носить ее кольцо на выпускном в ее честь и в память обо всех танцах, которые она исполняла.

Когда я спускаюсь по лестнице, Питер сидит на диване вместе с мамой и трясет коленкой. Значит, он тоже нервничает. Заметив меня, он сразу же встает. И приподнимает брови.

– Ты выглядишь о-го-го!

Всю последнюю неделю он выпрашивал детали про мое платье, а я ничего не говорила, чтобы устроить сюрприз. Это стоило выражения его лица.

– Ты тоже выглядишь о-го-го как. – Смокинг так хорошо на нем сидит, что можно подумать, он сшит на заказ, но нет – он взят напрокат. Может быть, миссис Кавински его немного подогнала. Она волшебным образом управляет с иглой. Я бы хотела, чтобы мужчины чаще носили смокинги, хотя это было бы не так интересно.

Питер надевает браслет мне на руку: в нем белые лютики и гипсофилы, и именно такой браслет я выбрала бы сама. Я уже представляю, как повешу его над кроватью, чтобы высушить на память.

Китти надела свое любимое платье, чтобы хорошо выглядеть на фото. Когда Питер прикалывает ей на грудь бутоньерку из маргариток, она розовеет от удовольствия, и он мне подмигивает. Сначала я фотографируюсь вдвоем с Китти, потом с ней и с Питером, а потом она говорит начальственным тоном:

– Теперь только я и Питер.

Мне приходится отойти в сторону к Трине, которая смеется:

– Ее ровесникам придется тяжело, – говорит она мне и улыбающейся маме Питера.

– Почему меня нет на фотографиях? – спрашивает папа, и, разумеется, мы фотографируемся еще с ним, Триной и миссис Кавински.

Потом мы переходим на улицу и фотографируемся на фоне кизила, перед машиной Питера, на крыльце, пока Питер наконец не говорит:

«Хватит! Мы пропустим выпускной».

Он галантно открывает передо мной дверцу машины. По дороге в школу он все время бросает на меня взгляды. Я смотрю прямо перед собой, но краем глаза вижу его. Мной никогда так не восхищались. Наверное, Сторми все время так себя чувствовала.

Я сразу же заставляю Питера встать в очередь к профессиональному фотографу. Он говорит, что нужно подождать, пока очередь закончится, но я настаиваю, чтобы снимок был сделан до того, как у меня растреплются волосы. Это фото пойдет в альбом для Питера. Мы принимаем традиционную позу: Питер у меня за спиной, придерживает меня за бедра. Фотограф дает посмотреть на снимок, и Питер настаивает на том, чтобы переснять его, потому что ему не нравится, как выглядят его волосы.

После съемки мы находим на танцплощадке всех своих друзей. Дэррил подобрал галстук в тон сиреневого платья Пэмми. На Крис облегающее черное платье, похожее на то, которое примеряли на меня Китти и Марго в магазине. Лукас выглядит как английский денди, его костюм идеально сидит по фигуре. Я уговорила их обоих прийти, сказав, что они могут просто «заглянуть». Крис говорит, что потом все равно поедет в клуб с друзьями с работы, но незаметно, чтобы она куда-то собиралась в ближайшее время. Ее платье привлекает много внимания.

Начинает играть «Style», и мы все сходим с ума, кричим и прыгаем, особенно Питер. Он все время спрашивает, весело ли мне. Вслух он задает этот вопрос всего один раз, но взглядом повторяет его снова и снова. У него яркие глаза, полные надежды и предвкушения. Я отвечаю ему тоже взглядом: да, да, да, мне весело.

У нас начинают получаться медленные танцы. Может, когда я переведусь в университет Вирджинии, нам стоит пойти на балльные танцы и научиться танцевать по-настоящему? Я предлагаю это Питеру, и он с нежностью говорит:

– Ты всегда хочешь довести все до совершенства. Лучшее шоколадное печенье...

– Я перестала им заниматься.

– Лучшие костюмы на Хэллоуин.

– Мне нравится, чтобы все было на уровне.

Питер улыбается. Я говорю:

– Жаль только, что мы никогда не будем танцевать щека к щеке.

– Можно заказать тебе танцевальные ходули.

– То есть высокие каблуки?

Он хихикает.

– Не думаю, что делают каблуки высотой в десять дюймов.

Я его игнорирую.

– Жаль, что у тебя руки слишком тонкие и слабые, чтобы меня поднять.

Питер ревет как раненый лев, подхватывает меня и кружит, как я и ожидала. Как редко мы знаем человека настолько хорошо, чтобы угадать, куда он свернет – налево или направо. Мне кажется, его я знаю лучше всех, кроме своей семьи.

Конечно, Питер выигрывает титул короля выпускного. Королевой становится Ашанти Диксон. Какое облегчение, что не Женестьева. С коронами на головах они танцуют медленный танец. Ашанти почти одного роста с Питером, так что у них получилось бы «щекой к щеке», хотя они этого не делают. Питер ловит мой взгляд и подмигивает. Я стою в стороне с Маршоном Хопкинсом, пришедшим с Ашанти. Он наклоняется ко мне и говорит:

– Когда они к нам вернутся, надо просто не обращать на них внимания и танцевать вдвоем.

Я смеюсь.

Я горжусь Питером, тем, как прямо он держит спину, как двигается. В финале песни он запрокидывает Ашанти на руку, и все кричат, хлопают и топают. Этим я тоже горжусь. Люди так искренне выражают свою симпатию к нему. Они восхищаются Питером, потому что он хороший и всем хорошо рядом с ним. Он делает вечер немного ярче, и все этому радуются, я в том числе. Как славно, что он так прощается со школой.

Последний танец. Мы оба молчим. Ничего еще не закончилось, впереди целое лето. Но школа и то, какими мы были в школе, Лара Джин и Питер, – это закончилось. Мы никогда больше не будем такими, как сейчас.

Я задумываюсь, грустно ли Питеру, но он шепчет:

– Смотри, как Гейб пытается незаметно положить руку Кеише на задницу.

Он немного меня разворачивает, и я вижу, что рука Гейба действительно сползает Кеише Вуд пониже спины, словно нерешительная бабочка, которая ищет, куда бы приземлиться. Я хихикаю. Вот что еще мне так нравится в Питере. Он видит то, чего я не замечаю.

– Я знаю, что должно быть нашей песней, – говорит он.

– Что?

И словно по волшебству голос Эла Грина наполняет зал. «Let's Stay Together».

– Это ты ее заказал, – обвинительно говорю я. На глазах у меня слезы.

Питер ухмыляется.

– Это судьба.

«Все, что ты хочешь сделать... мне подходит».

Питер берет мою руку и кладет себе на сердце.

– Давай, давай останемся вместе, – поет он. Голос у него чистый и верный, как он сам.

По дороге на вечеринку после официальной части Питер говорит, что хочет есть, и предлагает заехать в закусочную.

– На вечеринке будет пицца, – говорю я. – Давай поедим там.

– Но я хочу блинчики, – ноет он.

Мы паркуемся перед закусочной, и он бегом обходит машину, чтобы открыть передо мной дверь.

– Сегодня ты настоящий джентльмен.

Он улыбается и потом торжественным жестом открывает передо мной дверь закусочной.

– Я могу привыкнуть к такому обращению, – говорю я.

– Эй, я всегда открываю перед тобой двери! – возражает он.

Мы заходим внутрь, и я застываю. Вокруг кабинки, где мы обычно сидим, привязаны бледно-розовые воздушные шарик. Посреди стола красуется круглый торт – множество свечей, розовая глазурь с обсыпкой, надпись белой глазурью «С днем рождения, Лара Джин!». Внезапно из кабинок начинают выглядывать люди – наши друзья, все в одежде для выпускного: Лукас, Гейб, девушка Гейба Кеиша, Дэррил, Пэмми, Крис.

– Сюрприз! – кричат все.

– Господи, Питер! – оборачиваюсь я к нему. Он не перестает улыбаться. Бросив взгляд на часы, он говорит:

– Уже полночь. С днем рождения, Лара Джин.

Я подпрыгиваю и обнимаю его.

– Именно такой день рождения в ночь выпускного я и хотела, хотя этого не осознавала!

А потом я бегу к кабинке. Все встают и обнимают меня.

– Я даже не думала, что про мой день рождения вспомнят! – говорю я.

– Конечно, мы помнили, – говорит Лукас.

А Дэррил добавляет:

– Питер много недель все планировал.

– Это было так мило, – говорит Пэмми. – Он мне позвонил и спросил, какой противень использовать для торта.

– Мне он тоже позвонил, – вставляет Крис. – И я ему: откуда мне-то знать?

– Ты! – я шлепаю ее по руке. – Я думала, что ты поедешь по клубам!

– Может, и поеду, только поем картошки. Моя ночь еще только началась, детка. – Она притягивает меня в объятия и целует в щеку. – С днем рождения, подруга.

Я оборачиваюсь к Питеру.

– Поверить не могу, что ты это сделал.

– Я сам испек торт, – хвастается он. – Из готовой смеси, но все-таки.

Он снимает пиджак, достает зажигалку и зажигает свечи. Гейб вытягивает одну горящую и помогает. А потом Питер садится на стол, свесив ноги, и зовет меня к себе. Я оглядываюсь по сторонам.

– Э-э-э...

И тут раздаются первые ноты «Если бы ты была здесь» группы «Томпсон Твинс».

Я прижимаю ладони к щекам. Не могу поверить. Питер воссоздает финальную сцену из «Шестнадцати свеч», где Молли Рингвальд и Джейк Райан сидят на столе, а именинный торт стоит между ними. Когда мы смотрели этот фильм несколько месяцев назад, я сказала, что никогда не видела ничего романтичнее. И теперь он повторяет эту сцену для меня.

– Не тяни, Лара Джин, а то свечи сгорят, – восклицает Крис.

Дэррил и Гейб помогают мне аккуратно забраться на стол, чтобы не поджечь платье. Питер говорит:

– А теперь ты должна смотреть на меня с обожанием, а я наклонюсь вот так.

Крис пышнее раскладывает мою юбку.

– Закатай рукава повыше, – говорит она Питеру, сверяясь с экраном телефона. Он подчиняется, и Крис кивает. – Выглядит отлично.

Потом она возвращается на место и принимается снимать.

Мне не приходится прикладывать усилий, чтобы смотреть на Питера с обожанием.

Задувая свечи, я загадываю желание: всегда любить Питера так, как люблю сейчас.

Глава 23

БАССЕЙН В НАШЕМ РАЙОНЕ ВСЕГДА ОТКРЫВАЕТСЯ в выходные перед Днем поминовения. В детстве мы с Марго считали дни. Мама упаковывала с собой сэндвичи с сыром и ветчиной в воощенной бумаге, морковные палочки, большой кувшин яблочной воды (сильно разведенный яблочный сок без сахара). Я выпрашивала газировку из автомата или фруктовый пунш, но не получала их. Мама обмазывала нас кремом от солнца, как индейку маслом. Китти всегда кричала и сопротивлялась. Терпением она никогда не отличалась. Удивительно, как много остается в нас с младенчества, когда мы вырастаем. Если бы не Китти, я бы этого не знала. Она до сих пор корчит такие же гримасы.

В этом году Китти не участвует в команде по плаванию. Она говорит, что с тех пор, как ее друзья перестали ходить, ей уже неинтересно. Но я замечаю, как грустно она смотрит на расписание занятий. Наверное, это тоже часть взросления: ты прощаешься с тем, что любил.

Все газоны недавно подстрижены, и воздух пахнет клевером и зеленью. Стрекогут первые летние сверчки. Под эту музыку проходит каждое мое лето.

Мы с Питером занимаем шезлонги подальше от детского бассейна, потому что там тише. Я готовлюсь к экзамену по французскому, во всяком случае, пытаюсь.

– Подойди поближе, я намажу тебе плечи, – зову я Китти, которая болтает у бассейна со своей подругой Бриэль.

– Ты же знаешь, я не сгораю, – отвечает она, и это правда. Ее плечи уже золотистые, как запеченные булочки. К концу лета они будут темными, как корочка на зерновом хлебе. Волосы у нее зачесаны назад, на плечах полотенце. У нее фигура подростка: одни ноги да руки.

– Просто подойди сюда, – говорю я.

Китти шлепает сланцами по полу, направляясь к нам с Питером. Я поливаю ее кремом от солнца и втираю в плечи.

– Сгораешь ты или нет – неважно. Нужно защищать кожу, чтобы не выглядеть как старая сумка. – Это говорила мне Сторми. Китти хихикает над сравнением.

– Как миссис Летти. У нее кожа цвета хот-дога. – Миссис Летти наша соседка, и кожа у нее как поверхность тонкого блинчика.

– Я не имела в виду кого-то конкретного. Но да. Ей стоило

пользоваться кремом от солнца в молодости. Пусть это будет тебе уроком, сестра моя.

Питер надевает солнцезащитные очки.

– Вы злые, девочки.

– Это говорит парень, который однажды забросал ее газон туалетной бумагой!

Китти хихикает и отпивает колу из моей бутылки.

– Это был ты?

– Ложь и пропаганда! – невозмутимо отвечает Питер.

Становится жарче, и Питер уговаривает меня отложить учебник французского и прыгнуть вместе с ним в бассейн. Там плещутся только дети, нет никого старше нас. У Стива Бледела есть бассейн дома, но я хотела прийти сюда в память о былых днях.

– Даже не думай меня топить, – предупреждаю я. Питер начинает кружить, как акула, подплывая все ближе. – Я серьезно!

Он ныряет и обхватывает меня за талию, но не топит, а целует. Кожа у него прохладная и гладкая и губы – тоже.

Я отодвигаю его и шепчу:

– Не целуйся, вокруг дети!

– И что?

– Никто не хочет видеть, как подростки целуются в том же бассейне, в котором играют дети. Так не делают.

Я понимаю, что это ханжество, но мне не все равно. Когда я была маленькой, мне было неловко заходить в бассейн, пока там плескались подростки, потому что казалось, что бассейн принадлежит им.

– Смешная ты, Кави, – хохочет Питер.

Отплыв в сторону, он повторяет: «Так не делают!» – и снова заходится хохотом.

Спасатель дует в свисток, сообщая, что настала очередь взрослых, и дети выбираются на берег, включая меня и Питера. Мы возвращаемся на шезлонги, Питер сдвигает их поближе.

Я поворачиваюсь на бок, щурясь от солнца, и спрашиваю:

– Как думаешь, сколько должно быть лет, чтобы было разрешено плавать со взрослыми: восемнадцать или двадцать один?

– Не знаю. Двадцать один? – Он читает что-то с телефона.

– Может, восемнадцать. Нужно спросить. – Я надеваю очки и начинаю петь «Шестнадцать, скоро семнадцать» из «Звуков музыки». – Тебе нужен кто-то старше и мудрее, чтобы говорил, как жить. – Я щелкаю Питера пальцем по носу.

– Эй, я старше тебя, – возмущается он. Я глажу его по щеке и пою дальше:

– Мне семнадцать, скоро восемнадцать, за тобой я присмотрю.

– Обещаешь?

– Спой для меня, всего разочек, – прошу я. Питер отвечает выразительным взглядом. – Пожалуйста! Мне нравится, как ты поешь. У тебя такой чистый голос.

Он не может не улыбнуться. Питер не может устоять перед комплиментами.

– Я не знаю слов, – отговаривается он.

– Знаешь! – Я изображаю, что машу над ним волшебной палочкой. – Империи! Постой, ты помнишь, что это значит?

– Это... непростительное заклинание?

– Да, очень хорошо, Питер К. И что оно делает?

– Заставляет делать то, чего ты делать не хочешь.

– Превосходно, юный волшебник. Еще не все потеряно. А теперь пойте!

– Маленькая ведьма. – Он осматривается, проверяя, не слушает ли кто-нибудь, а потом тихо поет: – Мне нужен кто-то старше и мудрее, чтобы говорил, как жить... Тебе семнадцать, скоро восемнадцать, можешь меня научить.

Я восторженно хлопаю в ладоши. Что может быть приятнее, чем заставить мальчика подчиниться твоей воле? Я придвигаюсь к нему ближе и обвиваю его шею руками.

– Теперь *ты* ко мне пристаешь на публике! – говорит он.

– У тебя правда очень красивый голос, Питер. Не стоило тебе бросать хор.

– Я ходил в хор только потому, что туда ходили все девчонки.

– Тогда и не думай вступать в хор в университете. И никаких групп а капелла. – Я шучу, но Питер напрягается. – Шутка! Вступай в хоры и а капелла сколько хочешь! Хотя «Хуллабаху», хор а капелла в университете Вирджинии, все равно мужской.

– Я не хочу петь а капелла. И не собираюсь смотреть на других девчонок.

Ох.

– Конечно, ты будешь на них смотреть. У тебя же есть глаза. Честное слово, это такая же глупость, как когда говорят, что не замечают цвет кожи, хотя все это видят.

– Но я не об этом!

– Знаю, знаю. – Я сажусь и снова достаю учебник французского. – Ты правда не собираешься готовиться к экзамену по истории?

– На этом этапе мне достаточно получить зачет, – напоминает он.

– Должно быть славно, должно быть славно... – пою я.

– Можно подумать, из Уильяма и Мэри тебя выгонят, если ты получишь тройку по французскому, – говорит Питер.

– Французский меня не волнует. А вот экзамен по алгебре в пятницу...

– Ну и что? За тройку по алгебре тебя тоже не выгонят.

– Может, и нет, но я все равно хочу окончить с хорошими оценками, – говорю я.

Май почти закончился, и начался финальный отсчет. Последняя неделя школы. Я вытягиваю руки и ноги, щурюсь от солнца и счастливо вздыхаю.

– Давай в следующие выходные ходить сюда каждый день?

– Не могу. Я еду в тренировочный лагерь, помнишь?

– Уже?

– Да. Так странно, что сезон закончился и я больше не буду играть с командой.

Команда нашей школы по лакроссу не прошла в чемпионат штата. Ребята знали, что шансов мало. Как любит говорить Питер, «я в команде один». Ха! В следующие выходные он поедет в тренировочный лагерь со своей новой командой от университета Вирджинии.

– Предвкушаешь встречу с новой командой? – спрашиваю я.

– Некоторых я уже знаю, но да. Должно быть круто. – Он принимается заплетать прядку моих волос. – Кажется, у меня стало лучше получаться.

– У тебя все лето практики впереди, – говорю я, наклоняясь, чтобы ему было удобнее. Он ничего не отвечает.

Глава 24

В КОНЦЕ УЧЕБНОГО ГОДА ВСЕГДА ВОЗНИКАЕТ ОСОБЕННОЕ ОЩУЩЕНИЕ, но в этом году оно сильнее, потому что следующего не будет. Атмосфера завершения. Учителя приходят на уроки в шортах и футболках и вместо занятий показывают нам фильмы, пока разбирают свои письменные столы. Ни у кого больше нет энергии на учебу. Мы просто считаем дни до окончания. Все знают, куда пойдут дальше, и школа уже как будто осталась позади. Жизнь движется и быстро, и медленно, и ты вроде бы находишься одновременно в двух местах.

Выпускные экзамены проходят хорошо, даже алгебра дается легко. И все – для меня школа подходит к концу. Питер уезжает в тренировочный лагерь. Проходит всего один день, а я уже по нему тоскую, как по Рождеству в июле. Питер – мой горячий шоколад, мои красные митенки, мое рождественское утро.

Он сказал, что позвонит, как только вернется с тренировки, поэтому я держу телефон под рукой с включенным звуком. Утром он звонил, пока я была в душе, а когда я увидела звонок, уже было поздно. Это ждет нас в будущем? Все будет иначе, когда у меня будет свое расписание и занятия, но сейчас я как будто стою на вершине маяка и жду, когда вернется корабль моего возлюбленного. Для романтической натуры это чувство приятное, по крайней мере, пока. Будет не так приятно, когда новизна развеется и я привыкну к тому, что не могу видеть Питера каждый день, но пока в тоске есть свое извращенное удовольствие.

Вечером я спускаюсь вниз в длинной белой ночной рубашке, в которой, по словам Марго, похожа на героиню «Маленького домика в прерии», а по словам Китти – на привидение. Сев за стол, я открываю банку с персиками и ем их вилкой прямо из банки. Когда прокусываешь пропитанный сиропом персик, это доставляет необычайное удовольствие.

Я вздыхаю, и Китти поднимает глаза от компьютера и спрашивает:

– О чем ты так громко вздыхаешь?

– Скучаю... по Рождеству. – Я опять откусываю персик. Она вскидывает голову:

– Я тоже! Этой зимой нужно будет поставить во дворе оленей. Не дешевых, а красивых, проволоочных, с фонариками.

Я снова вздыхаю и отставляю банку.

– Конечно.

От сиропа становится тяжело в желудке.

– Хватит вздыхать!

– Почему вздыхать так приятно? – размышляю я. Китти тоже вздыхает, но тяжело.

– Это, в сущности, то же самое, что дышать. А дышать приятно. Воздух восхитителен.

– И правда. – Я накалываю на вилку ломтик персика. – Интересно, где продаются такие олени? В «Таргете», наверное.

– Нужно съездить в тот магазин – «Рождественская мышь» – и запастись всем необходимым. В Уильямсбурге такой есть?

– Да, по дороге к торговым аутлетам. Новый венок нам тоже нужен. И сиреневые гирлянды, если у них есть. От них ощущение зимней сказки. Может, все дерево нарядим в пастельные тона?

– Давай не будем увлекаться, – сухо говорит Китти. Я не обращаю на нее внимания.

– Стоит помнить, что у Трины много своих рождественских украшений. У нее была целая рождественская деревня. Она до сих пор в тех коробках в гараже. – Деревня Трины – это не маленькая сценка Рождества Христова, а серьезная конструкция, включающая парикмахерскую, пекарню и магазин игрушек. – Я даже не знаю, куда ее ставить.

Китти пожимает плечами.

– Придется выкинуть что-то из старого. – Господи, у Китти нет ни капли сентиментальности! Тем же практичным тоном она добавляет: – Все равно не все, что у нас лежит, такое уж хорошее. Коврик под елку потертый и помятый. Зачем хранить вещи только потому, что они старые? Новое почти всегда лучше старого.

Я отвожу глаза. Мама купила этот коврик на рождественской ярмарке в начальной школе. Мама одного из одноклассников любила вязать. Мы с Марго поссорились из-за того, какой выбрать: ей нравился красный с каймой в клетку, а мне – белый, потому что тогда наше дерево выглядело бы так, словно стоит в снегу. Мама остановилась на красном, потому что белый быстро запачкается. Красный выдержал много лет, но Китти права: пора отправить его на пенсию. Однако я не позволю его выкинуть, и Марго – тоже. По крайней мере, я вырежу квадратик и уберу в шляпную коробку на память.

– У Трины красивый коврик, – говорю я. – Из белого меха. Джейми Фокс-Пиклу понравится на нем валяться.

Жужжит телефон, и я хватаю его, но это не Питер, а папа: пишет, что

купит тайскую еду на ужин, и спрашивает, что мы хотим – «пад тай» или «пад си ю»^[36]. Я снова вздыхаю.

– Хватит уже вздыхать, Лара Джин! – возмущается Китти и пристально смотрит на меня. – Знаю, ты тоскуешь не по Рождеству. Питера всего день нет, а ты ведешь себя так, словно он ушел на войну.

Я ее игнорирую и пишу папе, что хочу «пад си ю». Назло Китти, которая предпочитает «пад тай».

И в этот момент приходит имейл. Оповещение от приемной комиссии университета Северной Каролины. Моя заявка обновилась. Я щелкаю по ссылке. «Поздравляем...»

Меня перевели из списка ожидания в список принятых абитуриентов. Что... как...

Я сижу в полном шоке и читаю письмо снова и снова. Меня, Лару Джин Сонг Кави, приняли в университет Северной Каролины в Чапел-Хилл. Не могу поверить. Я не думала, что попаду. Но попала.

– Лара Джин, эй...

Я вздрагиваю и поднимаю взгляд.

– Я тебя уже три раза спросила. Что с тобой?

– Э-э-э... кажется, меня только что приняли в университет Северной Каролины.

Китти раскрывает рот.

– Ух ты!

– Странно, да? – Я недоуменно качаю головой. Кто бы мог подумать? Не я. Я практически забыла про Северную Каролину после того, как оказалась в списке ожидания.

– В университет Северной Каролины очень трудно попасть!

– Я знаю.

Все как в тумане. После того, как меня не приняли в Вирджинию, я была подавлена, словно недостаточно хороша для этого университета. Но Северная Каролина! В Северную Каролину намного труднее попасть, если ты из другого штата, чем в Вирджинию – из своего.

Улыбка Китти немного тускнеет.

– Но ты же идешь в университет Уильяма и Мэри? Ты уже отправила им взнос? И через год все равно переводишься в Вирджинию?

Перевод. На несколько секунд я совершенно забыла про перевод в Вирджинию и радовалась Северной Каролине.

– План такой, – говорю я.

У меня жужжит телефон, и сердце сжимается: вдруг это Питер? Но это сообщение от Крис:

Хочешь в «Старбакс»?

Я пишу в ответ:

ЗНАЕШЬ, ЧТО СЛУЧИЛОСЬ?! Меня приняли в Северную Каролину!

Боже мой! Я тебе звоню!

Через секунду звонит телефон, и Крис кричит в трубку:

– Зашибись!

– Спасибо! То есть... ух ты. Это просто... такой хороший университет.

Я думала...

– Что ты собираешься делать? – спрашивает она требовательно.

– Ой. – Я кошусь на Китти, которая смотрит орлиным взором. –
Ничего. Я все равно пойду в Уильяма и Мэри.

– Но разве Северная Каролина не лучше?

– Выше в рейтинге... Не знаю, я там не была.

– Поехали, – говорит она.

– Осматривать колледж? Когда?

– Прямо сейчас! Спонтанное путешествие!

– Ты с ума сошла? До нее четыре часа!

– Нет, всего три часа двадцать пять минут. Я только что проверила.

– Пока мы доедем, будет...

– Шесть часов. Ерунда. Прогуляемся, поужинаем и поедем обратно.

Почему нет? Мы молоды. Тебе надо знать, от чего ты отказываешься. –
Раньше, чем я успеваю возразить, она говорит: – Я за тобой заеду через
десять минут. Захвати перекусить. – И вешает трубку.

Китти смотрит на меня в упор.

– Ты едешь в Северную Каролину? Прямо сейчас?

В полной эйфории я смеюсь:

– Похоже на то!

– Значит, ты будешь учиться там, а не в Уильяма и Мэри?

– Нет, просто... я просто хочу посмотреть. Ничего не изменилось.

Только не говори папе.

– Почему нет?

– Просто... потому что. Можешь сказать, что я с Крис и к ужину не
приду, но про Северную Каролину не говори.

А потом я одеваюсь и бегаю по дому как банши, бросая в сумку что

попало. Сушеный горох васоби, соломку в шоколаде, бутылки с водой. Мы с Крис никуда не ездили вдвоем, а мне всегда хотелось. И если я взгляну на Чапел-Хилл, кому это повредит? Я не буду там учиться, но посмотреть было бы интересно.

Мы с Крис уже на полпути к Чапел-Хилл, когда я понимаю, что у меня разряжается телефон, а зарядку я не взяла.

– У тебя есть зарядка в машине? – спрашиваю я. Крис подпевает радио.

– Нет.

– Черт!

Большую часть заряда ее телефона мы потратили на навигатор. Мне немного некомфортно выезжать из штата без полной зарядки в телефоне. К тому же я велела Китти не говорить папе, куда еду. Вдруг что-нибудь случится?

– Как думаешь, во сколько мы вернемся?

– Хватит волноваться, бабушка Лара Джин. Все будет в порядке. – Она открывает окна и тянется за сумкой. Я помогаю достать ее с заднего сиденья и вынимаю сигареты, пока она не разбила машину. Остановившись на светофоре, она прикуривает сигарету и глубоко затягивается.

– Мы как первопроходцы. У наших предков не было сотовых телефонов. Настоящее приключение.

– Но помни, что мы едем просто посмотреть. Учиться я все равно буду в Уильяма и Мэри.

– А ты помни, что наличие альтернативы – это хорошо, – отвечает Крис.

Марго тоже так говорит. У них вдвоем куда больше общего, чем им кажется.

В продолжение пути мы переключаем радиостанции, подпеваем и обсуждаем, стоит ли Крис красить волосы в розовый. Удивительно, как быстро летит время. Мы добираемся до Чапел-Хилл за три с половиной часа, как Крис и обещала. Находим место для парковки прямо на Фрэнклин-стрит – это, видимо, центральная улица. Первое, что бросается мне в глаза, – то, насколько кампус Северной Каролины похож на кампус университета Вирджинии. Много кленов, зелени и кирпичных зданий.

– Так красиво, правда? – я останавливаюсь полюбоваться цветущим розовым кизилом. – Удивительно, что здесь столько кизила. Это цветок штата Вирджиния. А какой цветок у штата Северная Каролина?

– Понятия не имею. Пойдем есть? Я умираю от голода. – У Крис внимание как у золотой рыбки, а когда она голодна, лучше прятаться.

Я обнимаю ее за талию в приступе нежности за то, что она меня сюда привезла посмотреть, что могло бы случиться.

– Давай тогда тебя покормим. Что хочешь? Пиццу? Сэндвич? Лапшу?

Она обхватывает меня за плечи. От перечисления еды у нее поднимается настроение.

– Выбирай сама. Что угодно, кроме китайского. Или пиццы. Знаешь что? Давай поедем суши.

Мимо проходят двое парней, и Крис окликает их:

– Эй!

Они оборачиваются.

– Чем могу помочь? – говорит один, чернокожий, красивый, высокий, с мускулистыми руками и в футболке «Борцы Каролины».

– Где здесь самые вкусные суши? – спрашивает Крис.

– Я не ем суши. – Он косится на своего рыжего приятеля, не такого симпатичного, но тоже милого. – Куда ты ходишь?

– «Спайси Найн», – отвечает он, разглядывая Крис. – Идите по Фрэнклин в ту сторону и увидите. – Он подмигивает, и парни отправляются куда шли.

– Может, пойдем с ними? – говорит Крис, провожая их взглядом. – Узнаем, какие у них планы на вечер.

Я тяну ее туда, куда они показали, и напоминаю:

– Ты хотела есть.

– Ах да, – говорит она. – Вот одно очко в пользу Северной Каролины: парни здесь намного симпатичнее.

– Уверена, что в Уильяма и Мэри тоже есть красивые парни. – И сразу добавляю: – Конечно, мне это неважно, потому что у меня есть парень.

Который до сих пор не позвонил. У моего телефона осталось пять процентов заряда, так что уже поздно.

После суши мы прогуливаемся по Фрэнклин-стрит и заглядываем в магазины. Я подумываю, не купить ли Питеру кепку баскетбольной команды Северной Каролины «Тар Хиллз», но он не станет ее носить, потому что будет болеть за «Ваху».

Мы проходим столб с указателями, и Крис останавливается. Одна из стрелок показывает на музыкальный клуб «Кошачья колыбелька». Сегодня играет группа «Мяу Микс».

– Пойдем! – говорит Крис.

– Ты раньше слышала про эту группу? – спрашиваю я. – Какую музыку они играют?

– Какая разница? Давай просто пойдем! – она хватается за руку.

Смеясь, мы вместе бежим по улице.

Перед входом очередь, концерт уже начался: обрывки танцевальной музыки просачиваются через открытую дверь. Перед нами стоит пара девчонок, и Крис обнимает меня и сообщает им:

– Мою лучшую подругу только что приняли в университет Северной Каролины.

У меня внутри теплеет, оттого что Крис назвала меня лучшей подругой. Мы друг другу по-прежнему дороги, хотя у нее есть друзья на работе, а у меня – Питер. Это вселяет уверенность, что, даже когда она будет в Коста-Рике, или в Испании, или где угодно еще, мы останемся близки.

Одна из девушек обнимает меня и говорит:

– Поздравляю! Тебе здесь понравится.

На ней футболка «Хиллари – мой президент», волосы заплетены в две косички. Ее подруга, поправляя заколку в виде леденца, говорит:

– Выбирай общежитие Ихаус или Крейж, там веселее всего.

Мне неловко, но я признаюсь:

– Вообще-то, я не буду здесь учиться, мы просто приехали посмотреть. Просто так.

– О! Куда ты пойдешь? – спрашивает она, слегка хмурясь.

– В Уильяма и Мэри.

– Но это еще не точно, – вставляет Крис.

– Совершенно точно.

– Я выбрала этот университет вместо Принстона, – говорит девочка с косичками. – Настолько мне здесь понравилось. Кстати, меня зовут Холлис.

Мы знакомимся. Девочки рассказывают про факультет английского языка, про баскетбольные игры в «Дин Доум», про магазины на Фрэнклин-стрит, где продают алкоголь, не спрашивая документы. Крис, которая отвлеклась, пока мы обсуждали факультет, немедленно наостряет уши. Перед дверями клуба Холлис дает мне свой номер телефона:

– На случай если ты приедешь учиться, – говорит она.

Клуб почти полон, многие стоят у сцены, пьют пиво и танцуют под музыку. В группе два парня с гитарами и ноутбуком, которые играют электронный поп. Аудитория разнообразная: есть мужчины возраста моего папы в рокерских футболках и с бородами, но больше всего студентов. Крис пытается стереть печать с руки, чтобы добыть нам пиво, но ей не удается. Я не жалею: я не люблю пиво, а ей еще везти нас обратно. Я спрашиваю у окружающих, нет ли у кого-нибудь зарядки, но Крис шлепает меня по руке:

– У нас приключение! – кричит она. – Во время приключения телефон не нужен!

А потом хватает меня за руку и тащит к сцене. Мы танцуем посреди толпы и прыгаем под музыку, хотя не знаем слов.

Один из музыкантов учился в университете и в середине выступления начинает петь боевой гимн «Тар Хилз»: «Я рожден «Тар Хилз», я вскормлен «Тар Хилз». И когда умру, я умру в «Тар Хилз»!». Толпа сходит с ума, вся комната дрожит. Мы с Крис не знаем слов, но кричим со всеми «К черту «Дьюк»!^[37]». Пот течет у меня по спине, волосы хлещут в лицо, и я неожиданно понимаю, как мне хорошо.

– Как весело! – кричу я Крис в лицо.

– Мне тоже! – кричит она в ответ.

После второго сета она заявляет, что хочет есть, и мы выходим из клуба. Прошатавшись по улице целую вечность, мы находим заведение под названием «Космический бар». Это маленький мексиканский бар с длинной очередью. Крис говорит, что еда у них либо очень вкусная, либо очень дешевая. Мы торопливо уминаем буррито, полные риса, бобов и домашнего пико де галло. На вкус они довольно никакие, если не считать соус, который настолько острый, что обжигает губы. Если бы наши телефоны не разрядились, я бы поискала в Интернете лучшие буррито в Чапел-Хилл. Но тогда мы бы не нашли это место. Почему-то этот буррито кажется лучшим в моей жизни.

Потом я говорю:

– Сколько времени? Нам пора ехать домой, чтобы успеть до часа.

– Но ты почти не видела кампус, – говорит Крис. – Есть что-то, что ты особенно хочешь увидеть? Какую-нибудь скучную библиотеку?

– Никто меня не знает так, как ты, Крис, – говорю я, и она хлопает ресницами. – Есть одно место... оно есть во всех брошюрах. Старый колодец.

– Так пойдем, – говорит она.

По пути я спрашиваю:

– Тебе не кажется, что Чапел-Хилл похож на Шарлотсвилл?

– Нет, он лучше.

– Ты как Китти. Считаешь, что все новое лучше.

– А ты считаешь, что лучше все старое.

Она права. Остаток пути проходит в дружеском молчании. Я думаю о том, чем университет Северной Каролины похож и не похож на университет Вирджинии. В кампусе тихо: большинство студентов уже разъехались на летние каникулы. Но все равно вокруг нас ходят девушки в

сарафанах и сандалиях и парни в шортах и университетских кепках.

Мы пересекаем зеленый газон, и вот он, Старый колодец. Он расположен между двумя кирпичными общежитиями. Это маленькая ротонда^[38], как уменьшенная копия ротонды в Вирджинии, а в центре питьевой фонтан. Прямо рядом с ним растет большой белый дуб, а вокруг кусты азалии, ярко-розовые, как помада, которой красилась Сторми. Завораживающий пейзаж.

– Здесь нужно загадывать желание или что? – спрашивает Крис, подходя к фонтану.

– По-моему, в первый день занятий студенты делают глоток из фонтана на удачу, – говорю я. – Или для пятерок.

– Пятерки мне не понадобятся, а вот удача пригодится. – Крис наклоняется сделать глоток, но две проходящие мимо девушки предупреждают:

– Парни из братства все время в него писают, не пейте!

Она отшатывается от фонтана.

– Фу!

Спрыгнув, она предлагает сделать селфи.

– Не получится, у нас телефоны разряжены. Придется носить воспоминание в сердце, как в былые времена.

– Придется, – соглашается Крис. – Поехали?

Не знаю, почему, но я пока не готова уезжать. Что если я никогда не вернусь? Заметив скамью перед одним из общежитий, я сажусь и прижимаю колени к груди.

– Давай еще немного задержимся.

Крис садится рядом. Играя браслетами на руке, она говорит:

– Я бы хотела учиться вместе с тобой.

– В колледже? Или здесь?

– И то, и другое. Не пойми меня неправильно, я очень хочу в Коста-Рику. Просто... не знаю. Вдруг я что-то упускаю, потому что не иду в колледж одновременно со всеми? – она вопросительно смотрит на меня.

– Колледж тебя дождется, Крис. В следующем году, через год. Когда захочешь.

– Может быть, – Крис оборачивается и смотрит на лужайку. – Посмотрим. Я могу тебя здесь представить, Лара Джин. А ты?

Я сглатываю.

– У меня план. Год в Уильяма и Мэри, потом университет Вирджинии.

– Это план для тебя и Питера. Это тебя удерживает.

– Ладно, для меня и Питера. Но это не единственная причина.

– Но главная.

Я не могу ей возразить. Где бы я ни училась – в Уильяма и Мэри или здесь, – Питера рядом не будет.

– Так почему не поучиться год здесь? – говорит Крис. – Какая разница, здесь или в Уильяма и Мэри? Час езды. Ты все равно не в университете Вирджинии. Так почему не здесь?

Не дожидаясь моего ответа, она вскакивает, выбегает на лужайку, сбрасывает обувь и делает колесо.

Что если я начну здесь учиться, мне понравится и я не захочу переводиться через год? Что тогда? Но если понравится – разве это плохо? Не это ли главное?

Я ложусь на скамью и смотрю в небо. Высоко надо мной сходятся ветви двух деревьев. Они тянутся через дорожку и встречаются посередине. А вдруг мы с Питером сможем быть как эти деревья: далеко друг от друга, но все равно вместе? Потому что, похоже, мне здесь может понравиться. Я могу представить себя здесь.

Что сказала Сторми в последнюю нашу встречу, когда подарила мне кольцо? Никогда не говори «нет», если хочешь сказать «да».

Крис подвозит меня к дому в три. Все окна горят. Черт. Я поворачиваюсь к ней и умоляю:

– Зайдешь со мной вместе?

– Ни за что. Разбейся сама. Я поеду домой разбираться со своей мамой.

Я обнимаю ее на прощанье, выхожу из машины и поднимаюсь по ступеням. Дверь распаивается, пока я роюсь в сумке в поисках ключей. Это Китти в длинной футболке для сна.

– У тебя неприятности, – шепчет она.

Я вхожу внутрь, и прямо за ней оказывается папа в той же одежде, в которой он ходит на работу. Трина сидит на диване и смотрит на меня с выражением: «Ты попала, и мне тебя жаль, но можно было хоть позвонить».

– Где ты была всю ночь?! – кричит папа. – И почему ты не берешь трубку?!

Я съеживаюсь.

– Телефон сел. Извини. Я не заметила, что уже так поздно. – Я думаю, не разрядить ли обстановку шуткой, но, похоже, это сейчас не поможет.

Папа начинает мерить гостиную шагами.

– Почему ты не позвонила с телефона Крис?

– У нее тоже разрядился...

– Мы чуть с ума не сошли! Китти сказала, что ты уехала с Крис, но не сказала, куда... – Китти выразительно смотрит на меня. – Я был готов звонить в полицию, Лара Джин! Если бы ты не появилась в этот момент...

– Прости, – начинаю я. – Прости, пожалуйста...

– Это полная безответственность, – бормочет себе под нос папа, даже не слушая меня. – Лара Джин, тебе, конечно, восемнадцать, но...

– Дэн, – вставляет Трина, – пожалуйста, не говори «ты пока живешь под моей крышей» – это такое клише.

Папа разворачивается и отвечает:

– Неудивительно, что это клише! Фраза хорошая! Очень хорошая фраза!

– Лара Джин, просто скажи, где ты была, – нетерпеливо говорит Китти.

Папа бросает на нее обвинительный взгляд.

– Китти, ты знала, куда она поехала?

– Я поклялась не говорить!

Прежде чем он успевает ответить, я говорю:

– Я была в Северной Каролине.

Папа всплескивает руками.

– В Северной Каролине! Что... зачем? Ты поехала в другой штат и даже мне не сказала? С разряженным телефоном!

Меня тошнит из-за того, что он так за меня волновался. Не знаю, почему я не позвонила. Можно было одолжить телефон. Но меня увлекли этот вечер и это место. Я не хотела думать о доме.

– Прости, – шепчу я. – Пожалуйста, пожалуйста. Мне следовало позвонить.

Он качает головой.

– Что ты делала в Северной Каролине?

– Я поехала посмотреть, потому что... – Я медлю. Скажу – и это станет реальностью. – Меня приняли в университет Северной Каролины.

У папы расширяются глаза.

– Что? Это... это замечательно. Но как же Уильяма и Мэри?

Я с улыбкой пожимаю плечами.

Трина с возгласом вскакивает с дивана, роняя фланелевый плед и чуть не падая. Папа сгребает меня в объятия, и Трина к нам присоединяется.

– Господи, Лара Джин! – говорит она, хлопая меня по спине. – Ты будешь «Тар Хилз»!

– Я рад, что ты довольна, – говорит папа, стирая слезинку с глаз. –

Пока еще сержусь, что не позвонила. Но очень рад.

– Значит, ты пойдешь туда? – спрашивает Китти, сидящая на лестнице. Я оглядываюсь и с неуверенной улыбкой отвечаю:

– Да, пойду.

Мы с Питером что-нибудь придумаем.

Я рассказываю все подробности: про концерт в «Кошачьей колыбельке», про буррито в «Космическом баре», про Старый колодец. Трина делает попкорн, и мы ложимся спать почти на рассвете. Когда папа уходит в спальню, Трина шепчет:

– Твой папа за одну ночь состарился на десять лет. Посмотри на него. Ему трость нужна. Из-за тебя я выхожу замуж за старика.

Мы обе смеемся и не можем остановиться. Наверное, сходим с ума из-за бессонной ночи. Трина переворачивается на спину и дергает ногами в воздухе от смеха. Китти, заснувшая на диване, просыпается и спрашивает: «Что смешного?», отчего мы смеемся еще сильнее. Папа останавливается на лестнице и качает головой.

– Вы объединяетесь против меня, – говорит он.

– Признайся, папа, ты всегда жил при матриархате. – Я посылаю ему воздушный поцелуй.

– Не надейся, что я забуду, что ты прогуляла всю ночь, не позвонив домой.

Упс. Возможно, я рано радуюсь.

– Мне правда очень жаль! – кричу я ему в спину.

Мне жаль, что я не позвонила, но совсем не жаль, что поехала.

Глава 25

ПРОСНУВШИСЬ, Я НЕКОТОРОЕ ВРЕМЯ ВАЛЯЮСЬ В КРОВАТИ, раскинув руки и ноги буквой «Х» и потягиваясь. Вчерашний день кажется сном. Это правда? Я действительно буду учиться в Северной Каролине?

Да, да, буду! Как безумно прекрасно, что вся жизнь может измениться всего за день. Я всегда боялась перемен, но сейчас я в восторге. Теперь я вижу, какое это удовольствие – радоваться тому, в каком университете ты будешь учиться. Питер, Крис и Лукас будут учиться там, где хотели. Мое будущее казалось мне запасным вариантом, потому что так и было, хотя Уильяма и Мэри – хороший колледж. Чапел-Хилл – словно волшебная дверь, дорога за которой может привести куда угодно.

Закончив предаваться размышлениям, я смотрю на часы и обнаруживаю, что проспала весь день. Включаю телефон и вижу вчерашние пропущенные звонки и голосовые сообщения от папы и Китти. Их я удаляю, не слушая сердитый папин голос. Среди них оказывается сообщение от Питера. При виде его имени на экране у меня замирает сердце. Он присылал сообщения, спрашивал, где я. Я перезваниваю, но он не отвечает. Наверное, на тренировке. Я оставляю сообщение, приглашаю зайти, когда он вернется. Сегодня мы собирались пойти на вечеринку к Стиву Бледелу.

Я боюсь сообщать Питеру новости. Мы все спланировали, а теперь я поменяла планы. Но я же не знала, что у меня появится такая возможность. Он поймет, я уверена.

Снова развалившись на кровати, я звоню Марго по «Фейстайму»^[39]. Она идет куда-то по улице.

– Как дела? – спрашивает она.

– Знаешь, что случилось?

– Что?

– Меня взяли в университет Северной Каролины!

Она кричит и роняет телефон. К счастью, на траву. Подняв его, Марго все еще кричит.

– О господи! Это потрясающе! Лучше не бывает! Когда ты узнала?

Я перекатываюсь на живот.

– Вчера! Мы с Крис съездили туда прошлой ночью. Гоу-Гоу, это было так весело! Мы сходили на выступление группы, танцевали и кричали до хрипа. У меня до сих пор горло болит!

– Постой. Значит, ты пойдешь туда?

– Да!

Марго снова кричит, а я смеюсь.

– Какой у них кампус? – спрашивает она.

– Ну очень похож на кампус Вирджинии.

– Я слышала, что они похожи. И города – тоже. Оба либеральные, хотя Чапел-Хилл даже больше. Много великих умов. Жду не дождусь, когда можно будет посмотреть вместе с тобой на курсы! – она снова шагает куда-то. – Тебе там понравится. Мэгги Коэн, она училась на год старше меня, в восторге. Тебе стоит с ней поговорить. – Марго широко улыбается. – Вот так все и начинается, Лара Джин. Вот увидишь.

Договорив с Марго, я принимаю ванну с пеной и провожу все обычные ритуалы: маска для лица, пемза, скраб из коричневого сахара и лаванды. В ванной я думаю о том, что сказать Питеру. Там растут два дерева по разные стороны дорожки, и их ветви встречаются посередине...

Я сижу в ванне так долго, что Китти кричит, чтобы я вылезала. Потом я сушу и завиваю волосы, переделываю маникюр и даже смазываю кутикулу лимонным кремом, который давно купила, но все время забываю им пользоваться.

Папа, Трина и Китти пошли в кино, и я сижу одна дома, когда около восьми приходит Питер. На нем новая спортивная форма университета Вирджинии, волосы свежeweымытые и еще влажные. Он пахнет мылом «Дав», мне нравится этот запах. Он обнимает меня и слегка наваливается.

– У меня все болит, – говорит он, падая на диван в гостиной. – Может, не пойдем к Стиву? Я хочу просто посидеть с тобой, а не разговаривать с людьми. У меня нет никаких сил.

– Конечно, – говорю я и набираю воздуха в грудь, чтобы поделиться новостями. Но тут он устало смотрит на меня.

– Парни в команде в потрясающей форме. За ними трудно угнаться.

– Эй, ты тоже в отличной форме!

– Не настолько. Мне нужно собраться. – Он трет затылок. – Так что, расскажешь мне наконец, где была вчера?

Я сажусь на диван лицом к нему, подобрав под себя ноги. Касаюсь щек тыльной стороной ладони – они горят, – а потом опускаю руки на колени.

– Ну ладно. – Пауза. – Ты готов?

– Да, готов, – смеется он.

– Ладно. Прозвучит странно, но я была в Северной Каролине вместе с Крис.

Питер приподнимает брови.

– Странно. Ладно. Продолжай.

– И я ездила туда потому, что... меня приняли в университет Северной Каролины!

Он моргает.

– Ого. Это... потрясающе. Потрясающе.

Я делаю еще один глубокий вдох.

– Я не думала, что захочу там учиться, но когда мы с Крис туда приехали, город оказался очаровательным. Люди очень милые, и там есть скамья возле старого колодца, где можно лечь и посмотреть на небо. И там два дерева по обе стороны дорожки, а их ветки встречаются в середине. Касаются вот так, – я показываю руками, но останавливаюсь, потому что замечаю, что Питер меня не слушает. Он смотрит в пространство. – О чем ты думаешь?

– Ты что, хочешь теперь пойти туда, а не в Уильяма и Мэри?

Поколебавшись, я отвечаю:

– Да.

Он кивает.

– Я очень рад за тебя, правда. Просто... плохо, что ты будешь так далеко. Если бы мне пришлось ехать в Чапел-Хилл в такой день, как сегодня, я бы заснул за рулем. Сколько туда от Шарлотсвилла? Четыре часа?

У меня в животе все сжимается.

– Три часа двадцать пять минут. Понимаю, это долго, но на самом деле доезжаешь быстро!

– Это вдвое больше, чем до Уильяма и Мэри. И это если не будет пробок. – Он роняет голову на спинку дивана.

– Не вдвое, – тихо говорю я. – Всего на полтора часа больше.

Питер смотрит на меня с сожалением в глазах.

– Извини. Я просто ужасно устал. Все будет намного труднее, чем я думал. Не между нами, а... колледж. У меня будут тренировки с утра до ночи, а в остальное время – занятия или я буду спать. Будет тяжело. Не так, как в школе. Напряжение серьезное. И... я не думал, что ты окажешься так далеко.

Я никогда не видела его таким. Он выглядит потерянным. Во всем, что касается лакросса или учебы, он всегда ведет себя уверенно. Ему все дается легко.

– Питер, ты отлично справишься. Ты только начал. Когда освоишься, все станет как обычно. – Смутившись, я добавляю: – И... между нами тоже.

Он внезапно садится прямо.

– Знаешь что? Пойдем на вечеринку.

– Ты уверен?

– Уверен. Ты уже нарядилась, не зря же это было. – Он притягивает меня к себе. – Давай отпразднуем твое поступление.

Я обнимаю его покрепче. Плечи и спина у него напряжены. Большинство парней не заметили бы, что я завила волосы и надела блузку. Я стараюсь думать об этом, а не о том, что он не поздравил меня по-настоящему.

Глава 26

В ДОМЕ СТИВА БЛЕДЕЛА КОМПАНИЯ В ГОСТИНОЙ курит травку и смотрит футбол на большом плазменном экране. Лукас тоже здесь. Когда я делюсь с ним своей новостью, он подхватывает меня и кружит.

– Ты тоже уезжаешь из этого города! – кричит он.

– Всего лишь в соседний штат, в Северную Каролину, – говорю я, смеясь. От этих слов, произнесенных вслух, меня охватывает неожиданный восторг. – Совсем недалеко.

– Но за пределами штата. – Лукас ставит меня на пол и обнимает мое лицо ладонями. – Тебе там будет очень хорошо, Лара Джин.

– Думаешь?

– Знаю.

Я захожу в кухню за колой, и там появляется Женевьева, босая, в толстовке Политехнического университета Вирджинии и с пивом в чехле того же университета. Пошатываясь, она говорит:

– Слышала, тебя взяли в Чапел-Хилл. Поздравляю.

Я жду продолжения или подколки, но ее нет. Женевьева просто стоит передо мной, слегка покачиваясь.

– Спасибо, – говорю я. – И поздравляю с поступлением в Политех. Ты всегда этого хотела. Твоя мама, наверное, очень рада.

– Ага. Ты слышала, что Крисси уезжает в Коста-Рику? Везучая какая. – Женевьева отпивает пиво. – Чапел-Хилл довольно далеко отсюда.

– Не особенно. Всего три часа, – вру я.

– Ну, удачи с этим. Надеюсь, он останется тебе так же предан, как сейчас. Но, зная его, я очень сомневаюсь. – Потом она громко рыгает, и выражение изумления у нее на лице такое смешное, что я едва сдерживаю хохот. Секунду кажется, что она тоже, но вместо этого она бросает на меня сердитый взгляд и уходит.

Весь вечер я вижу Питера только издалека. Он разговаривает с другими людьми и глотает пиво банками. Настроение у него получше. Он улыбается, лицо разрумянилось от пива. Он пьет больше, чем я когда-либо видела.

Ближе к часу я иду его искать и нахожу в гараже, где он играет в стаканчики на столе для пинг-понга. Вся компания смеется над тем, что он только что сказал. Он замечает меня на лестнице и манит к себе.

– Иди играть с нами, Кави, – говорит он слишком громко. Я не

двигаюсь с места.

– Не могу. Мне пора домой.

Его улыбка исчезает.

– Ладно, я тебя отвезу.

– Нет, не нужно, меня кто-нибудь подвезет или я вызову «Убер». – Я разворачиваюсь, но Питер идет за мной следом.

– Не надо. Я тебя отвезу, – повторяет он.

– Ты не сможешь, ты пьян. – Я стараюсь смягчить слова, но против правды не пойдешь.

Питер смеется.

– Я не пьян. Я выпил всего три пива за вечер – сколько прошло, три часа? Я в порядке. Ты не пьешь и поэтому не можешь понять, но это ерунда. Честно.

– Питер, у тебя изо рта пахнет алкоголем, ты не пройдешь алкометр.

Питер щурится на меня:

– Ты сердишься?

– Нет. Я просто не хочу, чтобы ты вез меня домой. Тебе вообще не следует садиться за руль. Останься ночевать здесь.

– Нет, ты сердишься. – Он наклоняется ближе, оглядывается по сторонам. – Извини, что я так себя повел. Мне стоило больше радоваться за тебя. Я просто очень устал.

– Все в порядке, – говорю я, хотя это не совсем так.

Сторми любила говорить: «Уходи с вечеринки с тем, с кем пришла, но если он пьян – уходи одна». Меня подвозит Лукас. Я возвращаюсь домой вовремя, хотя еще немного, и опоздала бы. После прошлой ночи нельзя рисковать. Питер пишет мне эсэмэски, и я мелочно радуюсь, что он больше не может наслаждаться вечеринкой. Я заставляю его подолгу ждать, прежде чем написать ответ: строгое требование не ехать домой одному. Питер присылает в ответ фото, где он лежит на диване у Стива, укрывшись чьей-то курткой.

Я не могу уснуть, поэтому спускаюсь на кухню, чтобы сделать себе сэндвич с жареным сыром. Китти тоже там, смотрит телевизор и играет во что-то на телефоне.

– Хочешь сэндвич? – спрашиваю я.

– Ага, – отвечает она, не поднимая глаз от телефона.

Я прижимаю сэндвич к сковородке, чтобы он стал хрустящим снизу и сплюснулся. Чувствую себя не в своей тарелке из-за того, как прошел вечер. Я наблюдаю, как плавится очередной кусок масла, превращаясь в лужицу, и меня осеняет. Прямой контакт. Хлебу нужен прямой контакт со сковородой,

чтобы он стал хрустящим.

Вот оно, решение моей проблемы с печеньем! Все это время я использовала силиконовые листы для выпечки, чтобы печенье не прилипало к противню. А нужно использовать пергамент. Он намного тоньше силикона. Если прокладывать пергаментом, у теста будет больше прямого контакта с источником тепла, и поэтому оно лучше разойдется! Так печенье получится тоньше.

Я решительно принимаюсь собирать ингредиенты. Если сейчас замесить тесто, за ночь оно подойдет, и завтра я смогу проверить свою теорию.

Я снова сплю допоздна, потому что уроков нет из-за учительского собрания и потому что я до трех часов ночи замешивала тесто и смотрела телевизор вместе с Китти. Как и вчера, меня ждут сообщения от Питера:

Извини.

Я придурок.

Не сердись.

Я снова и снова читаю его сообщения. Они отправлены с промежутком в пару минут. Питер явно беспокоился, что я все еще сержусь. Я не хочу сердиться. Я хочу, чтобы все было как раньше, и пишу ему:

Хочешь приехать? У меня есть сюрприз.

Он немедленно отвечает:

Уже еду.

– В идеальном печенье с шоколадными крошками, – лекторским тоном говорю я, – должно быть три слоя. Серединка должна быть мягкой и немного сырой, нижний слой – тянущимся, а верхний – хрустящим.

– Я больше не могу это слушать, – говорит Китти Питеру. – Просто не могу.

– Терпи, – отвечает он, сжимая ее плечо. – Она почти закончила. А потом будет печенье.

– Идеальное печенье лучше всего есть теплым, но оно остается вкусным, даже будучи комнатной температуры.

– Если ты не остановишься, оно остынет, – ворчит Китти. Я бросаю на

нее сердитый взгляд, но, по правде говоря, я рада, что она здесь и служит буфером между мной и Питером. В ее присутствии все кажется нормальным.

– В кулинарном мире все знают, что Жак Торрес создал совершенный рецепт печенья с шоколадной крошкой. Питер, мы с тобой пробовали его всего несколько месяцев назад, – я уже нарочно растягиваю свою речь, чтобы заставить их страдать. – Сравнится ли с ним мое печенье? Спойлер: оно потрясающее.

Китти спрыгивает со стула.

– Ну все. Я ухожу. Никакое печенье этого не стоит.

Я глажу ее по голове.

– О, наивная маленькая Китти. Милая, глупая девочка. Это печенье стоит всего на свете. Садись, иначе не доведется отведать.

Закатив глаза, она садится на место.

– Друзья мои, я наконец нашла его – своего белого кита. Свое золотое кольцо. Печенье, которое будет править ими всеми. – Эффектным жестом я срываю салфетку с тарелки с красиво разложенными плоскими, хрустящими, тягучими внутри печеньями.

К моему ужасу, Питер засовывает одно из них в рот целиком. С набитым ртом он выдавливая:

– Восхитительно!

Он еще боится, что я рассержена, поэтому скажет сейчас что угодно.

– Ешь медленнее. Наслаждайся вкусом, Питер.

– Я наслаждаюсь, честно.

Настоящий критик, которому сложно угодить, – Китти. Я нетерпеливо говорю:

– Я использовала неочищенный сахар. Чувствуешь привкус патоки?

Она вдумчиво жует.

– Я не чувствую разницы между этими и позапрошлой партией.

– В этот раз я использовала шоколадные диски, а не кусочки. Видишь, как шоколад тает полосками?

– Папа же сердился за то, что ты потратила тридцать долларов на шоколад.

– Не то чтобы сердился. Может, ворчал... Но я уверена, он согласится – это того стоило.

Китти смотрит на меня с выражением «ну да, конечно», и я бормочу себе под нос:

– Это «Валрхона», она недешевая. И к тому же в упаковке было целых два фунта! Но это неважно. Разве ты не чувствуешь, что краешки более

хрустящие, а серединка мягче? Мне что, опять нужно объяснить разницу между использованием силикона и пергамента?

– Мы уже поняли, – говорит Китти.

Питер подцепляет меня пальцем за петлю на джинсах и притягивает ближе.

– Лучшее печенье в моей жизни, – провозглашает он. Он подлизывается как может, но я еще не перестала сердиться.

– Вы оба такие ванильные, – говорит Китти. – Я забираю свое печенье и сваливаю отсюда. – Она принимается стремительными движениями складывать печенье на салфетку.

– Не больше трех штук!

Она возвращает два печенья на тарелку и уходит наверх.

Питер ждет, пока она выйдет, и спрашивает:

– Ты еще дуешься на меня? Я больше никогда не стану пить, если должен везти тебя домой, обещаю. – Он награждает меня обаятельнейшей улыбкой.

– Ты правда не против, что я пойду в университет Северной Каролины? – спрашиваю я. Его улыбка тускнеет, и он слегка колеблется, прежде чем кивнуть.

– Как ты и говорила, мы разберемся со всем этим.

Долю секунды он вглядывается в мои глаза, и я знаю, что он ищет утешения. В ответ я обвиваю его руками и крепко прижимаю к себе, чтобы он чувствовал, что я рядом и не отпущу.

Глава 27

ТЕПЕРЬ, КОГДА Я РЕШИЛА УЧИТЬСЯ В СЕВЕРНОЙ КАРОЛИНЕ, оказывается, что еще многое предстоит сделать, причем в ближайшее время. Я сообщаю колледжу Уильяма и Мэри, что не буду у них учиться, и отправляю регистрационный взнос в университет Северной Каролины. Я сообщаю новости миссис Дюваль, и она в восторге. Говорит, что я единственная из всего класса, кто туда попал, и немедленно добавляет его в список университетов, куда приняли наших выпускников.

– Я знала, что буду тобой гордиться, – говорит она.

Мы с Питером вместе идем в спортзал забирать мантии, шапочки и заказанные оповещения о выпуске. Сидя на трибунах, мы примеряем шапочки. Питер наклоняет мою набок и говорит:

– Выглядишь мило.

Я посылаю ему воздушный поцелуй.

– Дай посмотреть твои оповещения. – Я хочу увидеть, как выглядит его имя, написанное каллиграфическим почерком. Он вручает мне коробку, и я обвожу пальцами выдавленные на картоне буквы. «Питер Грант Кавински».

– Не надумал пригласить отца на вручение аттестатов?

Питер оглядывается по сторонам, не подслушивают ли нас, и тихо спрашивает:

– Почему ты все время поднимаешь эту тему?

Я трогаю его шапочку.

– Потому что мне кажется, что в глубине души ты хотел бы, чтобы он пришел. Хотя бы для того, чтобы увидеть все, чего ты достиг, и пожалеть, что он все это пропустил.

– Посмотрим, – говорит он. Я не даю. Решать Питеру.

По дороге из школы домой он спрашивает:

– Хочешь сегодня посмотреть кино?

– Не могу, – отвечаю я. – Кристен, подруга Трины, придет обсуждать последние детали девичника.

Он с ухмылкой косится на меня.

– Собираетесь пойти в стрип-клуб?

– Нет! Фу. Как будто я бы хотела на такое смотреть...

– На что «такое»?

– На масляные мышцы. – Я передергиваюсь. – Я так рада, что ты не

качок.

Питер хмурится.

– Эй! Я накачанный.

Я сжимаю его бицепс, он автоматически напрягается у меня под пальцами.

– Ты подтянутый, с плоскими мышцами.

– Умеешь ты лишить парня мужества, Кави, – говорит он, сворачивая на мою улицу.

Я чувствую себя виноватой, потому что вспоминаю, как он жаловался, что не в такой хорошей форме, как остальные парни в команде университета.

– Ты мне нравишься такой, какой есть, – быстро говорю я, и он смеется. Наверное, не очень обиделся.

– Что твой папа будет делать на мальчишнике?

Теперь смеюсь я.

– Ты же знаешь папу! Он близко не подойдет к мальчишнику. У него даже нет друзей-мужчин, чтобы устраивать мальчишник. – Я задумываюсь на минуту. – Может быть, Джош. Мы его редко видим с тех пор, как он поступил в колледж, но они с папой иногда переписываются.

– Не понимаю, что ваша семья находит в этом парне, – кисло говорит Питер. – Что в нем такого хорошего?

Это чувствительная тема. Питер подозревает, что Джош нравится папе больше, чем он, а я пытаюсь его убедить, что это не соревнование. Просто папа знает Джоша с детства. Они обмениваются комиксами! Конечно, Джош ему больше нравится. Но только потому, что папа лучше его знает. И потому, что у них больше общего: они не крутые парни. А Питер крутой. Папе крутые парни непонятны.

– Джошу нравится, как папа готовит.

– Мне тоже!

– И им нравятся одни и те же фильмы.

– И Джош не снимался в джакузи с одной из его дочерей, – добавляет Питер.

– Господи, да хватит уже об этом! Папа давно про это забыл.

Это, конечно, преувеличение. Скорее всего, он никогда об этом не говорит, и, надеюсь, так и будет.

– Мне трудно в это поверить.

– Ты уж поверь. Папа легко прощает и забывает.

Подъезжая к дому, Питер внезапно говорит:

– А если я устрою мальчишник для твоего папы? Мы могли бы поесть

стейки, выкурить по сигаре...

– Папа не курит сигары.

– Тогда только стейки.

– И никакого стриптиза.

– Господи, какого ты обо мне мнения, Кави! И потом, мне еще нет двадцати одного. Меня туда даже не пустят.

Я недобро смотрю на него. Он быстро добавляет:

– Я бы все равно не захотел. И не пошел бы туда с папой моей девушки. – Его передергивает. – Ужас.

– Что ты в таком случае планируешь? Приготовить стейки на гриле?

– Нет. Мы пойдем в хороший стейк-хаус. Проведем вечер как мужчины. Может, даже в приличных костюмах.

Я подавляю улыбку. Питер в этом никогда не признается, но ему нравится наряжаться. Он такой тщеславный.

– Звучит отлично.

– Спросишь его?

– Лучше сам.

– Если он согласится, кого мне пригласить?

– Джоша? – наполовину в шутку предлагаю я, зная, что Питер не согласится.

– Ни за что. Друзей по работе у него нет?

– Таких близких – практически нет, – говорю я. – Только доктор Канг... Ты мог бы пригласить моего дядю Виктора. И иногда он ездит кататься на велосипедах с мистером Шахом, который живет на нашей улице.

– Можешь добыть мне их имейлы? – просит Питер. – Я хочу разослать приглашения, как только получу разрешение твоего папы. Когда ваш девичник? Через выходные?

У меня сжимается сердце от того, как сильно Питер хочет произвести впечатление на папу.

– В третью пятницу месяца. Мы ждем, когда приедет Марго.

Китти удивительно спокойно приняла то, что ее не пригласили на девичник Трины, и я подумала: «Ого, Китти так выросла. Она понимает, что не все вращается вокруг нее и что это вечер Трины».

Но, конечно, у Китти есть далеко идущие планы.

Она впервые за долгое время едет с нами в школу. Она хотела, чтобы Питер отвез ее в своей «ауди», но я напомнила, что мне тоже нужно в школу. Поэтому мы все едем в минивэне его мамы, как в старые добрые

времена.

Однако Китти сидит спереди, на пассажирском сиденье, а я – сзади. Вздыхая, она прислоняется головой к окну.

– Что с тобой? – спрашивает Питер.

– Подружки невесты не берут меня с собой на девичник, – говорит она. – Я единственная, кого не пригласили.

Я сужаю глаза и смотрю ей в затылок.

– Ерунда какая! – Питер бросает на меня взгляд в зеркало заднего вида. – Почему вы не берете ее с собой?

– Мы идем в караоке-бар! Китти туда не пустят, она еще маленькая. Даже меня едва пропускают.

– Почему бы не отметить в ресторане, как мы – мальчишник?

– Потому что это не будет настоящим девичником.

Питер закатывает глаза.

– Вы же не идете в стрип-клуб или еще куда-нибудь... Вы не передумали? Или собрались в стрип-клуб?

– Нет!

– Тогда в чем дело? Просто пойдите куда-нибудь еще.

– Питер, решаю не я. Спорить об этом можешь с Кристен. – Я шлепаю Китти по руке. – А ты хитренькая! Не пытайся манипулировать Питером, он ничего не может сделать.

– Извини, ребенок, – говорит Питер.

Китти обмякает на сиденье, а потом выпрямляется:

– А если взамен я пойду на мальчишник? – предлагает она. – Раз вы идете в ресторан.

Питер сбивается:

– Э-э-э, я не знаю, надо поговорить с ребятами...

– Но ты спросишь? Потому что я тоже люблю стейк. Очень люблю. Я закажу стейк с печеным картофелем, а на десерт – клубничное мороженое со взбитыми сливками. – Китти широко улыбается Питеру, он отвечает слабой улыбкой.

Когда она выпрыгивает из машины возле своего корпуса, бодрая и энергичная, как синичка, я наклоняюсь к Питеру и говорю ему на ухо:

– Тебя обыграли.

Глава 28

ЗА ТРИ ДНЯ ДО ОКОНЧАНИЯ ЗАНЯТИЙ ДОСТАВЛЯЮТ ВЫПУСКНЫЕ АЛЬБОМЫ. В конце есть несколько пустых страниц для подписей, но все знают, что самое почетное место – это задняя обложка. Конечно, я свою сохраняю для Питера. Я хочу всегда помнить этот год.

Цитата, которую я выбрала для подписи к своей фотографии: «Свои мечты я постелил тебе под ноги. Ступай легко, ибо ступаешь по моим мечтам». Я долго выбирала между этими словами и «Без тебя сегодняшние чувства были бы лишь обрывками вчерашних».

Цитату для Питера выбирала я. Он попросил сделать ему сюрприз.

Когда мы входим в столовую, кто-то придерживает дверь, и Питер говорит «благодарю». В последнее время он произносит это слово вместо «спасибо». Этому он научился у Рави. Я каждый раз улыбаюсь.

В последний месяц столовая во время обеда полупустая. Большинство старшеклассников ест где-то еще. Но Питеру нравятся ланчи, которые делает ему с собой мама, а мне – картошка фри в столовой. Однако сегодня студенческий совет раздает выпускные альбомы, и в столовой собрались все. Я забираю свой и бегу с ним к нашему столику. Сначала открываю страницу Питера. Вот и он, в смокинге, с улыбкой. И цитата: «Не благодарите» – Питер Кавински.

Он морщит лоб:

– Что это значит?

– Это значит: смотрите, вот он я, такой красивый и привлекательный, – я развожу руками, как папа римский. – Не благодарите.

Дэррил взрывается хохотом, и Гейб ему вторит, разводя руки, как я. «Не благодарите!» – то и дело говорят они друг другу.

Питер качает головой.

– Вы все сумасшедшие.

Я чмокаю его в губы.

– И тебе это нравится! – Я кладу свой выпускной альбом перед ним и перегибаюсь через его плечо. – Напиши мне что-нибудь запоминающееся и романтическое.

– Ты щекочешь мне шею волосами, – жалуется он. – Я не могу сосредоточиться.

Я выпрямляюсь и качаюсь на пятках, скрестив руки.

– Я жду.

– Как мне придумать достойную надпись, когда ты так надо мной нависаешь? – говорит он. – Давай я напишу позже.

– Нет. – Я твердо качаю головой. – Ты так никогда не напишешь.

Я достаю его, пока он не сдастся:

– Я просто не знаю, что писать.

Я хмурюсь.

– Запиши воспоминание или поделись надеждой на что-нибудь... да что угодно.

Я разочарована, хотя стараюсь этого не выдавать. Неужели так трудно придумать что-нибудь самому?

– Давай я сегодня заберу его домой на ночь и как следует все продумаю, – торопливо предлагает он.

Остаток дня я заполняю альбом. Одни пишут банальности: «Удачи в Северной Каролине», «С тобой было весело на физкультуре» и «Добавь меня в Инстаграме». Другие пишут более глубокие слова: «Жаль, что ты не стала ходить на вечеринки раньше, я бы хотел узнать тебя лучше». Бен Симонофф пишет: «Тихони всегда интереснее прочих. Оставайся интересной». В конце дня я вручаю альбом Питеру.

– Обращайся аккуратно, – предупреждаю я.

На следующее утро он забывает принести его в школу. Это бесит, потому что я хотела собрать подписи у всего выпускного класса и еще несколько человек осталось. А завтра последний день.

– Ты хотя бы его подписал? – спрашиваю я.

– Да! Просто забыл, – морщится он. – Завтра принесу, обещаю.

В наших краях Пляжная неделя – серьезная традиция. Название отражает суть: на следующий день после выпуска старшеклассники собираются и едут на неделю в Нагс-Хэд. Я в жизни бы не подумала, что поеду. Во-первых, у тебя должно быть достаточно друзей, чтобы снять вместе дом: человек десять! До Питера у меня не было десяти друзей. Чьи-то родители должны записать аренду на себя, потому что никто не хочет сдавать дом десятерым подросткам. Когда Марго выпускалась из школы, она не поехала. Вместо этого они с Джошем и друзьями отправились в поход. Она говорила, что Пляжная неделя не в ее стиле. В прошлом году я бы тоже так сказала. Но теперь у меня есть Питер, Пэмми, Крис и Лукас.

Когда мы только начинали обсуждать Пляжную неделю, Питер спрашивал, разрешит ли мне папа остановиться в его доме. Я сказала: ни за что. Вместо этого я буду жить с девочками. Дом сняла старшая сестра Пэмми, Джулия. Пэмми обещает, что в нем есть кондиционер и все что

нужно. Она говорит, что дом мальчиков на берегу, а наш – на два ряда дальше, но так лучше, потому что их дом может засыпать песком, а наш останется чистым.

В свое время папа согласился на эту поездку, но я подозреваю, что он уже забыл об этом. Когда за ужином я упоминаю про Пляжную неделю, он недоумевают:

– Постой. Напомни, что это такое?

– Все едут после выпуска на пляж и всю неделю развлекаются, – объясняет Китти, набивая рот пиццей. Я бросаю на нее сердитый взгляд.

– Моя Пляжная неделя была совершенно безумной, – говорит Трина с мечтательной улыбкой. Я одариваю ее таким же взглядом. Папа морщит лоб.

– Безумной?

– Не такой уж безумной, – поправляется Трина. – Просто веселая поездка с девчонками. Неделя развлечений напоследок перед колледжем.

– Где будет жить Питер? – спрашивает меня папа, лоб у него идет морщинами, как грецкий орех.

– В доме мальчиков. Я тебе давным-давно все рассказала, и ты разрешил, так что отказываться поздно. Это на следующий день после выпуска!

– За вами не будут присматривать взрослые? Одни дети?

Трина кладет ладонь ему на руку.

– Дэн, Лара Джин уже не ребенок. Через несколько месяцев она будет жить одна. Это просто репетиция.

– Ты права. Конечно, ты права. Но мне это все равно не нравится. – Он тяжело вздыхает и встает. – Китти, помоги мне убрать со стола.

Как только они уходят, Трина поворачивается ко мне и тихо говорит:

– Лара Джин, я знаю, что ты не пьешь, но вот тебе совет, который пригодится и на Пляжной неделе, и в колледже, и потом. Всегда договаривайся с подружками о взаимопомощи. В один вечер пьешь ты, в другой – твоя подруга. Так всегда одна остается достаточно трезвой, чтобы придержать волосы другой, когда ее тошнит, и проследить, чтобы не случилось ничего плохого.

– Со мной будет Питер, – с улыбкой говорю я. – Он придержит мне волосы, если надо. Или я завяжу их в хвост.

– Конечно. Но на будущее имей в виду. – На то время, когда его не будет рядом... Моя улыбка гаснет, и Трина быстро добавляет:

– Во время моей Пляжной недели мы готовили ужин на весь дом по очереди. Когда настала моя очередь, я сделала курицу с пармезаном, и все

детекторы дыма запищали. Мы всю ночь не могли их выключить! – Она смеется. Она всегда так легко смеется.

– Не думаю, что со мной случится что-то безумное, – говорю я.

– Будем надеяться, что хоть немного безумия будет, – отвечает она.

Глава 29

МЫ В ПОСЛЕДНИЙ РАЗ В ЖИЗНИ ВМЕСТЕ ПОДНИМАЕМСЯ ПО ШКОЛЬНОЙ ЛЕСТНИЦЕ. Питер прыгает через ступеньку, я задыхаюсь, пытаюсь его догнать. Сегодня последний день в школе. Наверху лестницы я говорю:

– Прыгать через ступеньку – просто показуха. Ты замечал, что так делают только мальчики?

– Девочки тоже бы прыгали, если бы им хватало роста.

– У Челси, подруги Марго, рост пять футов одиннадцать дюймов, и она никогда такого не делала.

– Ты хочешь сказать, что мальчики склонны к показухе?

– Наверное. А ты как думаешь?

– Наверное, ты права, – признает он.

Звонит звонок, и все начинают расходиться по классам.

– Может, пропустим первый урок? Пойдем есть блинчики? – Питер соблазнительно выгибает бровь и подтягивает меня к себе за лямку сумки. – Ну же, ты этого хочешь.

– Ни за что. Сегодня последний день школы. Я хочу попрощаться с мистером Лопесом.

– Ты такая хорошая девочка, – стонет Питер.

– Ты знал, с кем встречаешься.

– Это правда.

Прежде чем мы расходимся по классам, я протягиваю руки и жду. Питер вопросительно смотрит в ответ.

– Мой альбом!

– Ох, черт! Я опять его забыл.

– Питер! Сегодня последний день занятий! Я собрала только половину подписей!

– Извини, – говорит он, взъерошивая волосы пальцами. – Хочешь, я съезжу домой и привезу? Я могу поехать прямо сейчас.

Извиняется он искренне, но я все равно расстроена. Поскольку я не отвечаю сразу, Питер разворачивается к лестнице, но я его останавливаю.

– Нет, не надо. Обойдусь. Соберу подписи на вручении аттестатов.

– Уверена? – спрашивает он.

– Конечно, – говорю я. Сегодня не полный учебный день. Я не хочу, чтобы Питер тратил его на поездку за альбомом.

Весь день мы ходим из класса в класс и прощаемся с учителями, администрацией, работницами столовой, медсестрой. Со многими мы встретимся на вручении аттестатов, но не со всеми. Я раздаю печенье, которое испекла прошлым вечером. Мы получаем последние оценки – все хорошие, волноваться не о чем.

У меня уходит куча времени на то, чтобы вынуть все из шкафчика. Там обнаруживаются записки от Питера – их я складываю в сумку, чтобы добавить к памяtnому альбому. Нахожу старую шоколадку и пыльные резинки для волос. Какая ирония: их невозможно найти, когда они нужны.

– Мне жаль все это выбрасывать, даже шоколадку, – говорю я Лукасу, который сидит на полу и составляет мне компанию. – Я видела ее на дне шкафчика каждый день. Она уже как старый друг. Может, съедем пополам, чтобы отметить этот день?

– Фу, – отвечает Лукас. – Она, наверное, заплесневела. – И добавляет спокойным тоном: – После выпуска я не буду общаться ни с кем из этих людей.

Я обиженно смотрю на него.

– Эй, а со мной?

– С тобой буду. Ты приедешь ко мне в гости в Нью-Йорк.

– О-о-о! Да, пожалуйста!

– Колледж имени Сары Лоуренс очень близко к городу. Я смогу ходить на мюзиклы на Бродвее, когда захочу. Есть приложение для студенческих билетов. – У него мечтательное выражение в глазах.

– Тебе так повезло, – говорю я.

– Я и тебя свожу. И в гей-бар ходим. Будет замечательно.

– Спасибо!

– Но больше мне тут никто не нужен.

– Впереди еще Пляжная неделя, – напоминаю я, и он кивает.

– Пляжная неделя останется с нами до конца жизни, – дразнит он, и я кидаю в него резинкой.

Лукас может сколько угодно дразнить меня за ностальгию, но я знаю, что это особенные дни. Выпускной класс мы будем помнить до конца жизни.

После школы я еду в гости к Питеру, потому что у меня дома полный хаос из-за подготовки к свадьбе. У мамы Питера после работы книжный клуб, у Оуэна – футбольная тренировка, так что мы в доме одни. Обычно мы остаемся наедине только в его машине, так что такие моменты – редкость. Последний раз я еду домой из школы, и машину ведет Питер К.

Логичный финал – уехать из школы так, как ездила весь этот год, на пассажирском сиденье машины Питера.

В его комнате я сажусь на аккуратно застеленную кровать, с подвернутым по краям покрывалом; даже подушки взбиты. Покрывало новое, наверное, куплено для колледжа. Жизнерадостная тартановая клетка красного, синего и кремового цветов – наверняка выбирала его мама.

– Мама застилает твою постель? – Я откидываюсь на подушки.

– Да, – признается он без тени стыда и плюхается на кровать. Я отодвигаюсь, освобождая ему место.

Вечерний свет льется сквозь светлые шторы, и комната выглядит как во сне. Если бы я придумывала название для такого фильтра в «Инстаграме», то назвала бы его «Лето в пригороде». В таком освещении Питер очень красив. Он всегда красив, но особенно сейчас. Я делаю мысленный снимок. Все раздражение из-за забытого альбома рассеивается, когда он подбирается ко мне поближе, кладет голову мне на грудь и говорит:

– Я слышу, как у тебя бьется сердце.

Я играю с его волосами, как ему нравится. Они такие мягкие. Мне нравится запах стирального порошка, его мыла и всего остального.

Он смотрит на меня снизу вверх, обводит мои губы пальцем.

– Этот изгиб мне нравится больше всего, – говорит он.

А потом приподнимается и касается моих губ своими, дразнит меня. Игриво прикусывает мою нижнюю губу. Мне нравятся самые разные поцелуи, но эти, наверное, больше всего. А потом он целует меня с напором, запускает пальцы мне в волосы, и я думаю: нет, лучше всего такие.

Между поцелуями он спрашивает:

– Как получается, что ты хочешь обжиматься, только когда мы у меня дома?

– Я... я не знаю. Никогда об этом не думала.

Мы действительно что-то делаем только в доме Питера. Мне странно делать нечто подобное в кровати, в которой я спала с детства. Но в постели Питера или в его машине я обо всем забываю и просто теряюсь в моменте.

Мы снова погружаемся в поцелуи. Питер снимает рубашку, когда внизу звонит телефон. Питер говорит, что это, наверное, сантехник, который должен прийти ремонтировать трубы. Он надевает рубашку и спускается ответить на звонок. А я замечаю свой альбом на столе.

Я подхожу к столу, открываю заднюю обложку – и там пусто. Когда Питер возвращается, я снова сижу на кровати. Я не спрашиваю, почему он

ничего не написал. Не знаю, почему. Я говорю, что мне пора идти, потому что сегодня приезжает Марго, и я хочу купить все ее любимые продукты.

Питер грустнеет.

– Ты не хочешь посидеть подольше? Я могу отвезти тебя в магазин.

– Мне еще нужно убрать второй этаж, – я встаю. Он тянет меня за рукав обратно на кровать.

– Ну же, еще пять минут.

Я снова ложусь рядом, спиной к нему, и он меня обнимает. Но я все думаю про выпускной альбом. Я работала над альбомом для Питера много месяцев. Он мог бы написать мне хорошее пожелание.

– Неплохая подготовка к колледжу, – бормочет он, притягивая меня ближе и обвивая руками. – В общежитии кровати будут маленькими, по крайней мере, в Вирджинии. А в Северной Каролине?

Не оборачиваясь, я отвечаю:

– Не знаю, я не видела общежития.

Он прижимается лицом между моими плечом и шеей.

– Это был вопрос на засыпку, – говорит он, и я чувствую его улыбку. – Чтобы проверить, не ходили ли вы с Крис в гости к какому-нибудь парню. Поздравляю, ты его прошла.

Я не могу не рассмеяться. Но потом устраиваю ему встречную проверку:

– Напомни мне забрать выпускной альбом, когда поеду домой.

Он на секунду замирает, а потом легким тоном говорит:

– Мне нужно его найти. Он где-то в комнате. Если не найду сразу, привезу потом.

Я отодвигаюсь и сажусь. Он недоуменно смотрит на меня снизу вверх.

– Я видела альбом у тебя на столе, Питер. И знаю, что ты до сих пор ничего не написал!

Питер садится, вздыхает и резким движением проводит пальцами по волосам. Бросает на меня взгляд и отводит глаза.

– Я просто не знаю, что написать. Я знаю, что ты хочешь чего-то очень романтического, но не знаю, что сказать. Несколько раз пытался, но у меня просто... ступор. Ты же знаешь, такие вещи мне не даются.

Я с чувством говорю:

– Мне неважно, что ты скажешь, лишь бы от души. Что-то милое. Как ты сам. – Подобравшись ближе, я обвиваю его шею руками. – Ладно?

Питер кивает. Я легко целую его, и он целует меня в ответ. Я больше не думаю про дурацкий альбом. Каждый вздох, каждое движение ощущаются особенно остро. Я запоминаю их все, чтобы сохранить в

сердце.

Когда мы отстраняемся, Питер смотрит на меня и говорит:

– Вчера я ездил домой к отцу.

– Правда? – Я шире раскрываю глаза.

– Да. Он пригласил меня и Оуэна на ужин. Я не хотел соглашаться, но Оуэн попросил пойти с ним, и я не мог ему отказать.

Я снова ложусь и опускаю голову ему на грудь.

– Как все прошло?

– Неплохо. У него красивый дом.

Я ничего не говорю и жду, когда он продолжит. Проходит немало времени, прежде чем он добавляет:

– Помнишь тот старый фильм, который ты меня заставила смотреть, где бедный мальчик прижимается носом к витрине и смотрит внутрь? Вот так я себя чувствовал.

«Тот старый фильм» – это «Вилли Вонка и шоколадная фабрика». Сцена, где Чарли смотрит, как другие дети веселятся в магазине конфет, но не может присоединиться, потому что у него нет денег. От мысли, что Питер – красивый, уверенный, жизнерадостный – так себя чувствует, мне хочется плакать. Может, не стоило так давить на него, чтобы он встретился с отцом?

– Для этих детей он повесил баскетбольное кольцо. Я много раз просил его, но он так этого и не сделал. Его дети даже не любят спорт. Помоему, Эверетт в жизни не брал в руки баскетбольный мяч.

– Оуэну понравилось?

Он неохотно признает:

– Да, он играл в приставку с Клейтоном и Эвереттом. Папа сделал гамбургеры и стейки на гриле. Даже надел дурацкий фартук. Мне кажется, за все время их с мамой брака он ни разу не помогал на кухне. – Питер делает паузу. – Но посуду он мыть не стал, так что, наверное, не так уж сильно изменился. Но я все равно видел, как они с Гейл стараются. Она испекла торт. Хотя и не такой вкусный, как твой.

– Какой торт? – спрашиваю я.

– Из темного шоколада. Суховатый. – Питер колеблется, а потом говорит: – Я пригласил отца на вручение аттестатов.

– Правда? – взволнованно говорю я.

– Он все спрашивал про школу, и... не знаю. Я вспомнил твои слова, взял и пригласил его. – Он пожимает плечами, словно ему все равно, придет отец или нет. Он притворяется. Ему не все равно. Совсем нет. – Можете познакомиться.

Я прижимаюсь к нему поближе.

– Я так тобой горжусь, Питер.

Он издает смешок.

– Чем тут гордиться?

– Тем, что ты даешь отцу шанс, хотя он этого и не заслуживает. – Я смотрю ему в лицо. – Ты хороший мальчик, Питер К.

Он так улыбается, что я люблю его еще больше.

Глава 30

ПИТЕР ОТВЕЗ МЕНЯ ДОМОЙ, и у меня оставалось как раз достаточно времени, чтобы сбегать в продуктовый за чипсами и солью, мороженым, халой, бри, газировкой из красных апельсинов – всем необходимым, сами понимаете, – а потом вернуться домой, убрать в ванной и застелить постель Марго свежими простынями.

Папа забирает Марго из аэропорта по пути с работы. Она приезжает в первый раз после того, как к нам переехала Трина. Заходя в дом с чемоданами, она окидывает взглядом гостиную и задерживается на стене над камином, где теперь висит абстрактный пейзаж с побережьем, который перевезла Трина. Выражение лица Марго не меняется, но я знаю, что она заметила перемену. Свадебный портрет папы и мамы я перенесла в свою комнату за день до переезда Трины. Теперь Марго осматривает всю комнату, молча отмечая все изменения. Вышитые подушки на диване, их с папой фотография в день, когда он сделал ей предложение, в рамке на столике, новое кресло. Многочисленные мелочи, принадлежащие Трине. Когда я смотрю на комнату глазами Марго, она кажется несколько захлавленной.

Марго снимает туфли, открывает дверцу обувного шкафа – и обнаруживает, что у Трины очень много обуви.

– Ого, сколько здесь всего, – говорит она, отодвигая в сторону велосипедные кроссовки Трины, чтобы освободить место для своих ботинок.

Мы заносим багаж наверх, Марго переодевается в домашнюю одежду, и мы спускаемся перекусить, пока папа готовит ужин. Я грызу чипсы на диване, а Марго вдруг встает и объявляет, что собирается перебрать обувной шкаф и выкинуть всю свою старую обувь.

– Прямо сейчас? – спрашиваю я с набитым ртом.

– Почему бы и нет? – Если уж Марго что-то решила, то делает сразу же.

Она вытаскивает все из шкафа и садится на пол со скрещенными ногами, принимаясь перебирать, что оставить, а что пожертвовать Армии Спасения.

– Оставить или выкинуть? – спрашивает она, показывая пару черных ботинок.

– Оставь или отдай мне, – отвечаю я, зачерпывая соль чипсами. –

Они так мило смотрятся с легинсами.

Она бросает ботинки в кучу того, что остается.

– Собака Трины так линяет, – ворчит она, собирая шерсть со своих легинсов. – Как вы теперь носите черное?

– В коридоре есть ролик для чистки одежды. А я не так часто ношу черное... – Наверное, нужно носить его чаще. Все блоги о моде подчеркивают важность маленького черного платья. Интересно, как часто я буду носить его в колледже?

– Ты часто наряжаешься в Сент-Эндрюс?

– Не особенно. Большинство людей даже на выход надевает джинсы и ботинки. Там не принято наряжаться.

– Даже если идешь в гости к профессору на бокал вина?

– На формальный ужин с профессорами надо приходить в вечернем, но домой они меня никогда не приглашали. Может, в Северной Каролине так принято.

– Может быть!

Марго показывает желтые резиновые сапожки.

– Оставить или выкинуть?

– Оставить.

– От тебя никакой помощи. Ты бы все оставила. – Она бросает сапожки в коробку с пожертвованиями.

Мои сестры умеют безжалостно выкидывать старые вещи. После того как Марго заканчивает сортировку, я еще раз перебираю коробку с пожертвованиями, чтобы проверить, нет ли там чего-то, что мне пригодится. Я оставляю себе резиновые сапожки и кожаные туфли на ремешках.

Вечером я иду чистить зубы, когда слышу в комнате Марго приглушенный голос Трины. Остановившись в коридоре, я подслушиваю, как раньше Китти.

– Немного неловко об этом говорить, но ты оставила это в ванной, а я убрала в ящик на случай, если ты не хочешь афишировать...

Марго прохладным тоном отвечает:

– Афишировать перед кем? Перед Китти?

– Может, перед папой... Не знаю.

– Мой папа – акушер. Он не первый раз видит гормональную контрацепцию.

– О, я знаю. Просто... – Тон у нее жалобный. – Я не знаю, секрет это или нет.

– Ладно, спасибо. Я благодарна за подход, но у меня нет секретов от

папы.

Я сбегая к себе в спальню, не дослушав ответ Трины.

Ой.

За день до вручения аттестатов Питер приходит в гости. Я пришиваю цветочки на академическую шапочку, Марго чистит фасоль. Она хочет попробовать сегодня новый рецепт. Китти смотрит телевизор, сидя в кресле-мешке. Идет одна из передач типа «У кого свадьба лучше».

– Может, устроим на свадьбе твоего папы церемонию с бумажным фонариком? – предлагает Питер. – Когда зажигают фонарик, загадывают желание и отпускают его в небо. Я видел такое в кино.

– Питер, это замечательная идея! – Я под впечатлением.

– Я тоже видела такое в фильме, – говорит Китти. – «Мальчишник в Вегасе – 2»?

– Ага!

Я скептически смотрю на них обоих. Питер торопливо добавляет:

– Мне кажется, это азиатская традиция. Это же хорошо?

– Это не корейская традиция, а тайская, – говорит Китти. – Помнишь, в фильме действие происходит в Таиланде?

– И это все равно неважно, потому что Трина не азиатка, – говорит Марго. – Зачем присовокуплять азиатскую культуру для ее свадьбы только потому, что мы азиатки? К ней это не имеет отношения.

– Не стоит так об этом говорить, – возражаю я. – Она хочет, чтобы мы чувствовали себя частью событий. Вчера она сказала, что было бы хорошо как-то выразить почтение к маме.

Марго закатывает глаза.

– Трина с ней даже не была знакома.

– Немножко была, они все-таки были соседями. Не знаю. Я думала, что, может, мы могли бы во время церемонии зажечь свечку... – Я обрываю фразу, потому что Марго явно не впечатлена. – Просто мысль, – добавляю я. Питер корчит гримасу.

– По-моему, это как-то неловко. Эта церемония про то, что папа и Трина начинают новую жизнь вместе, а не про прошлое.

– Это точно, – соглашается Питер.

Питер старается произвести впечатление на Марго. Он всегда занимает ее сторону. Я притворяюсь, что меня это раздражает, хотя на самом деле это трогательно. Он знает, насколько мне важно ее мнение, и понимает, какое место она занимает в моей жизни. Я не могла бы быть с парнем, который не знает, насколько важна для меня семья.

Когда Марго увозит Китти на фортепианное занятие, Питер спрашивает:

– Твоей сестре не нравится мисс Ротшильд?

Питер пока не привык называть мисс Ротшильд Триной и вряд ли привыкнет. В нашем районе никто из детей не называет взрослых по имени. Все говорят взрослым «мисс», «миссис» или «мистер». Кроме папы: к нему обращаются «доктор Кави».

– Не могу сказать, что Трина ей совсем не нравится, – говорю я. – Просто Гоу-Гоу к ней не привыкла. Ты же знаешь, какая она.

– Знаю, – отвечает Питер. – И Трину, и Марго. Она целую вечность привыкала ко мне.

– Не вечность. Просто обычно ты нравишься людям с первой минуты, – я смотрю на него искоса, – благодаря своему обаянию. – Питер морщится, потому что прозвучало это не как комплимент. – Гоу-Гоу не поддается обаянию, ей важно то, что внутри.

– Ну, теперь-то она меня любит, – самоуверенно говорит он. Но когда я не подтверждаю сразу, он спрашивает: – Правда? Ведь любит же?

– Любит, любит, – смеюсь я.

После того как Питер уезжает помогать маме в магазине, Марго и Трина ссорятся из-за полной ерунды – из-за волос и шерсти. Я глажу платье в прачечной и слышу, как Трина говорит:

– Марго, ты не будешь так добра вынимать волосы из стока после душа? Сегодня утром я убирала ванную и заметила их.

– Конечно, – быстро отвечает Марго.

– Спасибо. Просто не хочу, чтобы сток забился.

Через минуту Марго влетает ко мне в прачечную.

– Ты слышала? Поверить не могу! Откуда она вообще знает, что это мои волосы, а не твои или Китти?

– Твои светлее и короче, – замечаю я. – И мы с Китти убираем свои волосы, потому что знаем, что Трину это бесит.

– А меня бесит собачья шерсть на всей одежде! Мне уже кажется, что я ею дышу. Если ее так беспокоит порядок в доме, надо чаще пылесосить.

Трина появляется у Марго за спиной с каменным выражением лица и говорит:

– Я прохожусь пылесосом раз в неделю, как большинство людей.

Марго краснеет.

– Извини. Но если в доме собака линяет так сильно, как Симона, думаю, стоит пылесосить два раза в неделю.

– Тогда скажи это отцу, потому что он ни разу за все время, что я его знаю, не взялся за пылесос. – Трина уходит, Марго раскрывает рот, я принимаюсь гладить дальше.

– Это уже чересчур, как ты считаешь? – шепчет она мне.

– Но она права. Папа никогда не пылесосит. Он подметает и моет пол, но не пылесосит.

– Все равно!

– С Триной не стоит спорить, – говорю я. – Особенно когда у нее скоро месячные. – Марго таращится на меня. – Мы синхронизировались. Скоро и у тебя это случится.

Мы с Марго едем в торговый центр якобы для того, чтобы купить новый бюстгальтер без бретелек для моего платья, но на самом деле потому, что Марго хочет быть подальше от Трины. Когда мы возвращаемся, ковры на первом этаже абсолютно чистые, а Китти убирает пылесос. Марго явно чувствует себя виноватой.

За ужином Трина и Марго разговаривают так, будто ничего не случилось. В некотором смысле это хуже, чем ссора, потому что во время ссоры люди хоть как-то общаются.

Глава 31

В ДЕНЬ ВЫПУСКНОГО Я ПРОСЫПАЮСЬ РАНО и лежу в постели, прислушиваясь к звукам дома. Папа в кухне делает кофе, у Марго шумит душ, Китти, наверное, еще крепко спит. И Трина – тоже, они обе любят поспать.

Этих звуков мне будет не хватать. Я уже начинаю по ним скучать. Но другая часть моей души в диком восторге от следующего шага: не думала, что буду так рада после того, как все сложилось не так, как я ожидала.

Марго вручает мне подарок – набор для колледжа. Розовую шелковую маску для глаз с моим именем, вышитым серебристо-голубым. USB в форме золотистого тюбика помады. Беруши в форме арахиса, розовые пушистые тапочки, нейлоновую косметичку с нарисованными бантиками. Я уже обожаю каждую вещь в этом наборе.

Китти делает восхитительную открытку. На ней коллаж из наших фотографий, но она использовала какое-то приложение, чтобы превратить фотографии в рисунок, а потом раскрасила цветными карандашами. Внутри написано: «Поздравляю. Повеселись в колледже. P. S.: Я буду по тебе скучать на 11 из 10». У меня наворачиваются слезы на глазах, и я сгребая Китти в объятия и крепко держу так долго, что она говорит: «Хватит, хватит уже». Но я вижу, что она довольна.

– Я вставлю ее в рамочку, – обещаю я.

Подарок от Трины – винтажный чайный набор, кремовый, с розовыми бутонами и золотой кромкой.

– Он принадлежал моей маме, – говорит она, и я чуть не плачу. Набор мне так нравится. Обнимая ее, я шепчу ей на ухо: «Это лучший подарок», – и она мне подмигивает. У Трины дар подмигивать. Получается очень естественно.

Папа делает глоток кофе и прочищает горло.

– Лара Джин, мой подарок достанется заодно Марго и Китти.

– Что это, что? – требует Китти.

– Т-ш-ш, это мой подарок, – говорю я и выжидающе смотрю на папу. Широко улыбаясь, он объявляет:

– Я отправляю вас троих летом в Корею с бабушкой. Поздравляю с выпуском, Лара Джин!

Китти кричит, Марго улыбается, а я в шоке. Мы много лет говорили о том, что хотим поехать в Корею. Мама всегда хотела нас туда отвезти.

– Когда, когда? – спрашивает Китти.

– В следующем месяце, – улыбается ей Трина. – Мы с вашим папой поедem в медовый месяц, а вы – в Корею.

В следующем месяце?

– Оу, вы с нами не поедете? – дуетса Китти. А вот Марго довольна. Рави летом навещает семью в Индии, так что у нее нет серьезных планов.

– Мы очень хотели бы поехать, но я не могу надолго оставить больницу, – с сожалением говорит папа.

– Надолго? – спрашиваю я.

– На весь июль, – сообщает папа, допивая кофе. – Мы с вашей бабушкой все спланировали. Вы остановитесь у тети в Сеуле, будете заниматься корейским несколько раз в неделю и осмотрите всю страну. Чеджу, Бусан и все остальное. А для тебя, Лара Джин, есть нечто особенное – уроки корейской кулинарии! Не волнуйся, они на английском.

Китти танцует, не вставая с места. Марго смотрит на меня сияющими глазами.

– Ты всегда хотела научиться печь корейские пирожные! Мы будем каждый день ходить за масками для лица, канцелярией и милыми мелочами. А когда вернемся, сможем смотреть корейские сериалы без субтитров!

– Жду не дождусь, – говорю я.

Марго и Китти принимаютса обсуждать планы с папой, но Трина присматривается ко мне. Я продолжаю улыбаться.

Целый месяц. Я вернусь, и сразу нужно будет ехать в колледж. Мы с Питером проведем все лето в разлуке.

Все девочки на выпускном одеты с головы до ног в белое. На мне платье, которое надевала два года назад Марго: без рукавов, в мелкий горошек, с крахмальной юбкой до колена. Трина укоротила подол, потому что я ниже ростом. Марго надевала его с кедами, а я – с белыми кожаными босоножками с Т-образными ремешками и перфорацией.

В машине по дороге в школу я оглаживаю юбку и говорю Китти:

– Может быть, ты сможешь надеть это платье на свой выпускной, котенок. И сфотографируешься под дубом, как мы с Марго. Получится прекрасный триптих.

Интересно, какую обувь подберет Китти. Она может с одинаковой вероятностью надеть белые шпильки, кроссовки или вообще ролики.

Китти корчит кислую гримасу:

– Я не хочу носить то же платье, что и вы. Я хочу собственное. А это к

тому времени уже совсем выйдет из моды. – После паузы она уточняет: – Что такое триптих?

– Это, м-м... три картины, которые вместе образуют одно целое. – Я незаметно ищу на телефоне «триптих», чтобы убедиться, что отвечаю правильно. – Как бы три панели, повешенные рядом. Их нужно рассматривать вместе.

– Ты читаешь с телефона.

– Я просто сверяюсь. – Я снова поправляю платье, проверяю, что шапочка у меня в сумке. Сегодня я заканчиваю школу. Взрослая жизнь подкралась незаметно.

Трина за рулем, ищет место для парковки. Марго рядом с ней пишет кому-то в телефоне. Китти рядом со мной смотрит в окно. Папа едет отдельно, чтобы привезти бабушку. Бабушка Нана, его мама, во Флориде со своим бойфрендом и не может приехать. Я бы хотела, чтобы моя мама была с нами. Она пропустила и пропустит столько важных моментов. Я должна верить, что она все это видит. Но в то же время я хочу, чтобы мама обняла меня на выпускном.

* * *

Во время речи лучшего выпускника я высматриваю семью Питера в толпе. Интересно, его отец сидит с ними или отдельно? И смогу ли я познакомиться со сводными братьями Питера? Свою семью я уже увидела – их трудно не заметить. Каждый раз, когда я смотрю в их сторону, они бешено машут руками. На Трине шляпа с широкими полями. Те, кто сидит за ней, наверное, ничего не видят. Марго проявила немалый самоконтроль, не закатив глаза, когда Трина вышла к нам в этой шляпе. Даже Китти сказала, что это «немного слишком», но Трина спросила мое мнение, и я сказала, что мне нравится. И это правда.

Директор называет мое имя: «Лара Джин Сонг Кави», – но произносит его как «Лаура», что меня на секунду сбивает. Забирая у него аттестат и пожимая руку, я шепчу: «Лара, не Лаура».

Я собиралась послать воздушный поцелуй своей семье, когда буду идти по сцене, но так нервничала, что забыла. В аплодисментах я различаю вопли Китти и папин свист. Когда наступает очередь Питера, я хлопаю и кричу как сумасшедшая, и, конечно, все остальные – тоже. Даже учителя хлопают особенно громко. Очень заметно, когда у учителей есть любимчики. Но я не могу винить их за любовь к Питеру.

После того как нас объявляют выпускниками и мы бросаем шапочки в воздух, Питер пробирается через толпу ко мне. Он улыбается, шутит, приветствует людей, но что-то не так. В его взгляде пустота, даже когда он обнимает меня.

– Привет. – Он легко целует меня в губы. – Итак, мы официально в колледже.

Оглядевшись, я поправляю мантию и говорю:

– Я не видела твоих маму и брата. Твой папа сидит с ними? Братья пришли? Мне подойти сейчас или после того, как я сфотографируюсь с семьей?

Питер качает головой и не смотрит мне в глаза.

– Папа до последнего момента не знал, что не сможет прийти.

– Что?! Почему?

– Что-то случилось. Кто знает?

Я поражена. На матче по лакроссу его отец показался мне таким искренним.

– Надеюсь, случилось что-то достаточно серьезное, чтобы оправдать его отсутствие на выпускном собственного сына.

– Да ничего. – Питер пожимает плечами, словно ему все равно, но я знаю, что это не так. У него слишком сильно стиснуты зубы, вот-вот сломаются.

За его плечом я вижу, как к нам пробирается моя семья. Шляпу Трины нельзя не заметить даже в этой толпе. У папы огромный букет роз разных цветов. На бабушке костюм брусничного цвета, у нее свежая завивка.

Я так хочу подольше побыть с Питером, утешить его, просто находиться рядом.

– Извини. – Я беру его за руку и хочу сказать больше, но моя семья добирается до нас, и все меня обнимают. Питер приветствует бабушку и фотографируется с нами, а потом уходит искать своих маму и брата. Я окликаю его, но он слишком далеко и не оборачивается.

После фотосъемки мы всей семьей едем обедать в японский ресторан. Мы заказываем полные тарелки суши и сашими, и я заправляю за воротник салфетку, чтобы не забрызгать белое платье соевым соусом. Трина садится рядом с бабушкой и болтает с ней обо всем на свете. Я практически слышу, как бабушка думает: «Господи, какая она болтливая». Но Трина старается, и бабушка это ценит. Я пытаюсь радоваться и праздновать, это ведь обед в мою честь. Но могу думать только о Питере и о том, как обижена за него.

За мороженым мокки бабушка рассказывает обо всех местах, которые хочет показать нам в Корее: буддистские монастыри, уличные рынки,

клинику, в которой ей удалят родинки. Она указывает на крохотную родинку у Китти на щеке и говорит:

– Мы избавимся от этого.

Папа выглядит встревоженным, а Трина поспешно спрашивает:

– Не рано ли?

– Все будет в порядке, – отмахивается бабушка. А потом Китти спрашивает, с какого возраста в Корее делают пластику носа, и папа едва не давится пивом. Бабушка угрожающе смотрит на нее:

– Тебе никогда ни за что нельзя менять форму носа. У тебя нос, приносящий удачу.

– Правда? – Китти осторожно трогает носик.

– Абсолютная, – говорит бабушка. – Поменяешь нос – удача тебе изменит. Так что никогда этого не делай.

Я трогаю свой нос. Про него бабушка никогда ничего не говорила.

– Марго, ты сможешь купить там новые очки, – говорит бабушка. – В Корее они очень дешевые, а оправы самые модные.

– О-о-о! – говорит Марго, окуная кусочек тунца в соевый соус. – Я всегда хотела красную оправу.

Повернувшись ко мне, бабушка спрашивает:

– А ты, Лара Джин? Рада занятиям кулинарией?

– Очень рада, – восторженно говорю я.

Я пишу Питеру под столом:

Ты в порядке?

Обед почти закончился. Приезжай в гости, когда хочешь.

Из ресторана мы едем вдвоем с папой. Трина, Марго и Китти отвозят бабушку. Марго хотела поехать с нами, но бабушка настояла, чтобы она ее сопровождала. Она знает, что Марго не в восторге от Трины, и пытается их подружить. Бабушка ничего не упускает.

По дороге домой папа смотрит на меня влажными глазами и говорит:

– Мама бы так тобой сегодня гордилась, Лара Джин. Ты знаешь, как она переживала за твое образование. Она хотела, чтобы у тебя были все возможности в жизни.

Трогая кисточку на моей академической шапочке, я спрашиваю:

– Как ты думаешь, мама расстроилась, что не успела закончить магистратуру? Конечно, она не жалела, что Китти родилась. Но может, жалела, что жизнь не сложилась иначе?

Он удивлен моим вопросом. Покосившись на меня, он говорит:

– Нет, не думаю. Китти была приятным сюрпризом. Я это говорю не для того, чтобы тебя успокоить. Мы всегда хотели большую семью. И она собиралась вернуться к учебе, когда Китти пойдет в детский сад. Она не отказывалась от этого плана.

– Правда?

– Ни за что. Она собиралась закончить учебу. Той осенью она собиралась вернуться к занятиям. Ей просто... не хватило времени. – У папы немного сбивается голос. – У нас было всего восемнадцать лет вместе... Столько же, сколько ты прожила на свете, Лара Джин.

У меня в горле комок. Если подумать, восемнадцать лет с любимым человеком – это не так уж много.

– Папа, давай заедем в аптеку? Мне нужно купить фотобумагу.

Сегодня утром, еще до церемонии, мы с Питером сфотографировались вдвоем в мантиях и шапочках. Фото станет последней страницей альбома, последней главой нашей школьной жизни.

Глава 32

ПИТЕР ПРИЕЗЖАЕТ ПОСЛЕ УЖИНА вместе с мамой и Оуэном. Я бегу открывать дверь и сразу спрашиваю, поговорил ли он с отцом, но он отмахивается, как будто это не имеет значения.

– Все в порядке, – говорит он. – Я вообще не хотел, чтобы он приходил.

Это задевает, потому что он как будто обвиняет меня, и, может, не зря, ведь это я давила на него, чтобы он позвал отца. Надо было отступить, когда он отказался.

Мы с Питером поднимаемся ко мне в комнату. Папа в шутку кричит: «Оставьте дверь открытой», как делает всегда, и Питер морщится.

Я сажусь на кровать, а он – за письменный стол, далеко от меня. Я подхожу и кладу руку ему на плечо.

– Извини, это я виновата. Не стоило на тебя давить. Ты имеешь полное право на меня сердиться.

– Зачем мне сердиться на тебя? Ты не виновата, что мой отец козел. – Я ничего не говорю, и он смягчается. – Я правда не расстроен. А ты с ним познакомишься в другой раз.

Поколебавшись, я признаюсь:

– Вообще-то я с ним уже встречалась.

– Когда? – изумленно смотрит он. Я сглатываю.

– Я случайно наткнулась на него на одном из твоих матчей. Он попросил не говорить тебе, не хотел, чтобы ты знал. Просто хотел посмотреть, как ты играешь. Сказал, что ему этого не хватает. – У Питера ходят желваки. – Мне следовало рассказать. Извини.

– Не стоит. Я же сказал, мне плевать, что он делает. – Я пытаюсь что-то сказать, но он перебивает: – Давай больше не будем о нем, ладно?

Я киваю. Мне мучительно видеть боль в его глазах, которую он так старается скрыть, но, похоже, если я продолжу, станет только хуже. Я хочу, чтобы ему стало легче. И вспоминаю про подарок.

– У меня для тебя кое-что есть!

На его лице появляется выражение облегчения, напряжение уходит из плеч.

– Подарок на выпускной? А у меня для тебя ничего нет...

– Ничего, я и не ждала. – Я вынимаю альбом из шляпной коробки и вручаю ему. Сердце у меня отчаянно колотится от нервного предвкушения.

Это его обязательно порадует.

– Давай открывай!

Он медленно подчиняется. Первая страница – это фотография, которую я нашла в коробке из-под обуви, когда мы с Китти разбирали чердак, чтобы освободить место для коробок Трины. Это один из немногих снимков того времени, когда мы учились в средней школе. Мы ждем автобус в первый день занятий. Питер обнимает за плечи Джона Макларена и Тревора Пайка. Мы с Женевьевой держимся под локоть. Она рассказываем мне на ухо какой-то секрет. Наверное, про Питера.

Я повернулась к ней и не смотрю в камеру. На мне серая майка Марго и джинсовая юбка. Я помню, что чувствовала себя в ней очень взрослой, уже подростком. У меня длинные прямые волосы, почти такие же, как сейчас. Женевьева пыталась уговорить меня подстричься перед началом школы, но я отказалась. Мы все такие маленькие. У Джона розовые щеки, у Тревора – пухлые, у Питера худые ноги.

Под фотографией я написала: «НАЧАЛО».

– Ав-в, – нежно говорит Питер. – Малышка Лара Джин и малыш Питер. Где ты это нашла?

– На чердаке.

Он щелкает пальцем по улыбающемуся лицу Джона.

– Придурок.

– Питер!

– Шучу.

В альбоме есть наше фото с осеннего праздника. С прошлого Хэллоуина, когда я была одета как Мулан, а Питер – как дракончик. Чек из «Терпкого и сладкого». Одна из записок Питера: «Если ты приготовишь дурацкое печенье Джоша с белым шоколадом и клюквой, а не мое с цукатами, все кончено». Фотографии с Недели выпускников. С выпускного бала. Высушенные лепестки розы из моей бутоньерки. Фотография а-ля «Шестнадцать свечей».

У меня остался билет с нашего первого настоящего свидания, его записка «Ты мне нравишься». Они спрятаны в моей шляпной коробке. Я никому их не отдам.

Но самое главное в альбоме – мое письмо, которое я написала давным-давно и которое привело нас друг к другу. Я хотела его сохранить, но потом мне показалось правильным, если оно будет у Питера. Однажды все это станет доказательством, что мы были вместе, что любили друг друга. Это гарантия того, что, что бы ни случилось с нами в будущем, это время принадлежало нам.

Добравшись до этой страницы, Питер останавливается.

– Я думал, что ты хотела его сохранить, – говорит он.

– Хотела, но потом решила, что оно должно быть у тебя. Только пообещай, что сохранишь его навсегда.

Он переворачивает страницу. Там фотография с того вечера, когда мы водили мою бабушку в караоке. Я пела «You're So Vain» и посвятила песню Питеру. Питер пел «Style» Тейлор Свифт. А потом пел дуэтом с моей бабушкой «Unchained Melody». Потом бабушка заставила нас обоих пообещать пойти на курсы корейского в университете. В тот вечер бабушка и Питер снимали множество селфи. Одно бабушка сделала фоном в своем телефоне. Ее друзья по дому сказали, что он выглядит как кинозвезда. Я совершила ошибку, рассказав Питеру, и он неделями этим хвастался.

На этой странице он задерживается. Но когда он ничего не говорит, я вставляю:

– Так ты сможешь нас вспоминать.

Он захлопывает альбом.

– Спасибо, – говорит он с быстрой улыбкой. – Это замечательно.

– Ты не посмотришь остальное?

– Посмотрю позже.

Питер говорит, что ему пора возвращаться домой и собирать вещи на Пляжную неделю. Но перед тем, как мы спускаемся, я спрашиваю, в порядке ли он, и он убеждает меня, что да.

* * *

Потом Марго приходит помочь мне собирать вещи. Я сижу на полу, скрестив ноги, и складываю в чемодан то, что она мне подает. Я не перестаю переживать за Питера, поэтому рада компании.

– Не могу поверить, что ты уже окончила школу, – говорит Марго, складывая футболки в стопку. – У меня в голове тебе столько же лет, сколько было, когда я уезжала. Милая Лара Джин, всегда шестнадцатилетняя, – дразнится она.

– Теперь я почти такая же взрослая, как ты, Гоу-Гоу, – отвечаю я.

– Несмотря на это, ты всегда будешь ниже меня ростом, – говорит она, и я кидаю в нее бикини. – Скоро мы будем собирать тебя в колледж.

Я засовываю плойку в карман чемодана.

– Марго, когда ты приехала в колледж, то по чему больше всего скучала?

– По вам, конечно.
– А еще? Было что-то, чего ты не ожидала?
– Я скучала по тому, как целую Китти на ночь после того, как она приняла ванну и у нее чистые волосы.

Я фыркаю.

– Редкий случай!

Марго не торопится, припоминая.

– Мне не хватало хорошего гамбургера. В Шотландии они другие на вкус. Больше похожи на мясную запеканку. Мясную запеканку внутри булки. Хм, что еще... Скучала по тому, как катала вас в машине. Я чувствовала себя капитаном корабля. И мне не хватало твоей выпечки!

– Какой именно? – спрашиваю я.

– М-м?

– Какой выпечки тебе больше всего не хватало?

– Лимонного торта.

– Сказала бы мне, я бы тебе прислала.

Марго улыбается:

– Подозреваю, что посылать выпечку за океан невероятно дорого.

– Давай испечем его сейчас! – предлагаю я, и Марго радостно вскидывает ноги.

Именно это мы и делаем. Китти спит, папа и Трина у себя в спальне за закрытой дверью. Хотя мне очень нравится Трина, но я не сразу к этому привыкла. Папа никогда не запирает дверь. Но ему, наверное, нужно время, когда он перестает быть папой. Даже не для секса, а для того, чтобы поговорить с Триной и передохнуть. Но и для секса тоже, наверное.

Марго отмеряет муку, а я спрашиваю:

– Когда вы с Джошем впервые сделали это, вы ставили музыку?

– Я из-за тебя со счета сбилась! – Марго высыпает всю муку обратно в банку и начинает сначала.

– Так была музыка?

– Нет. Честное слово, ты любопытнее Китти!

Я катаю лимон по столу, чтобы согреть, прежде чем выжимать сок.

– Значит, было просто... тихо?

– Тихо не было. Было слышно, как кто-то стрижет лужайку. И у его мамы была включена сушилка. Сушилка в их доме очень громкая...

– Но мамы дома не было?

– Конечно, нет! Я бы так не смогла. Однажды моя соседка по комнате привела парня, и я притворилась, что сплю, но на самом деле пыталась не смеяться. Этот парень так тяжело дышал. И стонал.

Мы обе хихикаем.

– Надеюсь, моя соседка не будет так делать.

– Просто договоритесь сразу, кто когда может занимать комнату и все такое. И помни, что тебе придется проявить понимание, потому что Питер будет часто тебя навещать, и тебе нужно расположение соседки. – После паузы она спрашивает: – Вы ведь еще не занимались сексом? – И быстро добавляет: – Необязательно говорить, если не хочешь.

– Нет, – говорю я. – То есть... пока нет.

– Ты думаешь об этом? – спрашивает Марго как ни в чем не бывало. – Из-за Пляжной недели?

Я отвечаю не сразу.

Я не думала об этом, по крайней мере, не из-за Пляжной недели. Немного странно представлять, что в будущем мы с Питером сможем заниматься сексом, что это будет так же привычно, как ходить в кино или держаться за руки. Я не хочу, чтобы секс стал обыденностью. Я хочу, чтобы он всегда был священным, небанальным. Я не хочу, чтобы он стал тем, чем занимаются потому, что все так делают, или потому, что мы так делали раньше. Наверное, все становится будничным и привычным, если делать это достаточно часто, но я надеюсь, что с нами такого не случится.

– Я определенно хочу это делать под музыку, – говорю я, выжимая лимон в мерную кружку. – Тогда мы не узнаем, что он или я громко дышим. И так будет романтичнее. Под музыку все романтичнее, правда? Вот ты выгуливаешь собаку в пригороде, но достаточно поставить Адель – и ты как будто в кино, и у тебя безжалостно разбито сердце.

Марго говорит:

– В кино никогда не надевают презервативы. Проследи, чтобы на этом этапе ты не выпала из реальности.

Этого достаточно, чтобы развеять мои грезы.

– Папа выдал мне полный набор. Оставил в ванной наверху. Презервативы, крем, зубные накладки... – Я смеюсь. – «Зубные накладки» – самые несексуальные слова, не находишь?

– Самое несексуальное – это «гонорея»!

Я внезапно перестаю смеяться.

– У Питера нет гонореи.

Теперь хохочет Марго.

– Нет!

– Знаю, я просто шучу. Но думаю, тебе нужно положить папин набор с собой на случай, если дело пойдет так далеко.

– Гоу-Гоу, я не собираюсь заниматься сексом во время Пляжной

недели.

– Я же сказала: на всякий случай! Никогда не знаешь. – Она отбрасывает волосы с лица и серьезным тоном говорит: – Но я очень рада, что в первый раз сделала это с Джошем. Первый раз должен быть с человеком, который тебя действительно знает и любит.

Перед сном я открываю папин набор, достаю презервативы и кладу их на самое дно чемодана. А потом упаковываю свой самый красивый набор белья: бледно-розовый, с ярко-синим кружевом по краю – я ни разу его не надевала. На всякий случай.

Глава 33

ПИТЕР ПРИЕЗЖАЕТ ЗА МНОЙ РАНО УТРОМ. Остальные едут на пляж вместе, одним караваном, но Питер хотел поехать вдвоем в его двухместной «ауди». У него хорошее настроение. Он взял нам пончики, как в старые добрые времена. Правда, говорит, что сам есть не будет. С той поездки в тренировочный лагерь с университетской командой он следит за фигурой.

Мы перекладываем вещи в багажнике, чтобы уместить мой чемодан, когда Китти выбегает поздороваться. Заметив пакет с пончиками на сиденье, она крадет один и с набитым ртом говорит:

– Питер, Лара Джин уже рассказала тебе про Корею?

– Про что? – спрашивает он. Я вскидываю голову и бросаю на Китти сердитый взгляд.

– Я как раз собиралась. Питер, вчера я не успела... Папа отправляет нас в Корею. Это подарок к выпускному.

– Ух ты, круто, – говорит Питер.

– Да, мы повидаем всех родственников и пообедем страну.

– Когда?

– В следующем месяце, – говорю я, взглядывая на него.

– И надолго?

– На месяц.

– На месяц? – расстроено говорит он. – Так долго?

– Знаю. – Сейчас уже середина июня. Остается всего два месяца лета, а потом он останется здесь, а я поеду в Чапел-Хилл.

– Месяц... – повторяет он. До появления Питера в моей жизни я бы поехала в Корею на месяц, не задумываясь, и была бы в восторге. А теперь... Я не скажу этого ни папе, ни Марго, ни Китти, но я не хочу ехать. Просто не хочу. Хочу, но не хочу.

В машине я говорю:

– Мы будем каждый день говорить по «Фейстайму». Разница во времени тринадцать часов, так что, когда я буду звонить вечером, у тебя будет утро.

Питер мрачен.

– Мы собирались поехать к Бледелу на выходные Дня независимости, помнишь? У его папы новая яхта. Я собирался учить тебя кататься на водных лыжах.

– Я знаю.

– Что я буду делать, когда ты так далеко? Лето будет ужасным. Я хотел съездить с тобой в «Выпас пони». – «Выпас пони» – маленький парк на реке Джеймс в Ричмонде. Там есть большие камни, на которых можно лежать, а еще можно сплавляться по реке на автомобильных шинах. Питер уже туда ездил со школьными друзьями, а я никогда не была.

– Мы съездим, когда я вернусь, – говорю я. Он кивает без особого энтузиазма. – И я привезу много подарков. Маски для лица. Корейские конфеты. По подарку за каждый день!

– Привези мне носки с тиграми.

– Если их делают на твои большие лапы, – отвечаю я, просто чтобы заставить его улыбнуться. Эта неделя должна быть идеальной, чтобы возместить мое отсутствие.

У Питера жужжит телефон, но он сбрасывает звонок не глядя. Через минуту звонок повторяется, и у Питера каменеет лицо.

– Кто это? – спрашиваю я.

– Мой отец, – резко отвечает он.

– Надеюсь, он звонит, чтобы извиниться и объяснить, почему пропустил выпускной собственного сына.

– Я уже знаю, почему. Он сказал маме, что у Эверетта случилась аллергическая реакция на что-то и они повезли его в неотложку.

– О, – говорю я. – Это довольно серьезная причина. Эверетт в порядке?

– В полном. По-моему, у него не такая сильная аллергия. Когда я ем клубнику, у меня чешется язык. Ничего серьезного. – С этими словами Питер включает музыку, и какое-то время мы не разговариваем.

Дом девочек во втором ряду с видом на пляж. Он поднят на сваи, как и остальные дома. Внутри три этажа: на первом кухня и гостиная, а над ними спальни. Мы с Крис занимаем комнату с двумя кроватями на верхнем этаже, как будто на вершине маяка. Покрывала на кроватях бирюзовые, с морскими раковинами. Все немного пахнет сыростью, но дом неплохой.

Все девочки в доме распределили обязанности, кроме Крис, чья основная обязанность – спать весь день на пляже с бутылкой из-под воды, полной пива. После первого дня ее грудь и лицо красные как рак. Не сгорело только то, что было закрыто солнцезащитными очками. Ей стыдно, но она отговаривается тем, что готовится к Коста-Рике. Пэмми – мама нашей группы. Она обещала родителям, что не будет пить, и поэтому присматривает за остальными и приносит им по утрам воду и

обезболивающее. Кайла прекрасно управляется с утюжком для волос. Она даже умеет завивать им локоны, что мне так и не удалось освоить. Харли хорошо организует и координирует планы с другими домами.

Я готовлю. Заселившись в дом, мы сразу поехали за покупками и купили нарезку, гранолу, пасту и соусы, сальсу, хлопья. Забыли только про туалетную бумагу, и на второй день она закончилась. Каждый раз, когда мы обедаем или ужинаем в каком-нибудь ресторане, одна из нас крадет из их туалета рулон. Не знаю, почему мы просто не купим еще бумаги, но это превратилось в своеобразную игру. Выигрывает, конечно, Крис, которая сумела вытащить из крепления рулон промышленных размеров и вынести его под блузкой.

Мальчики приходят каждый день, потому что у нас есть еда, а их дом уже полон песка. Мы прозвали его «Песочным замком». Садись на диван – и как будто получаешь скраб по всему телу, но никакого удовольствия это не доставляет, как будто кожу сорвали.

Интересно, похоже ли это на жизнь в доме сестричества? Сначала все очаровательно, словно мы в пансионе сороковых годов: одалживаем друг другу лаки для ногтей, слушаем музыку, пока одеваемся, и едим мороженое в постели. Но потом в среду Кайла и Харли устраивают громкие разборки в час ночи по поводу того, кто оставил утюжок включенным, и соседи вызывают полицию. В ту же ночь Пэмми напивается, и я много часов сижу с ней на берегу, пока она плачет из-за того, что нарушила обещание родителям. На следующую ночь часть девочек идет в клуб и возвращается с тремя парнями из Монтаны. У одного глаза бегают, я запираю дверь нашей с Крис комнаты и пишу Питеру, который уже ушел в свой дом. Он сразу же приходит и устраивается на ночь внизу, «чтобы присмотреть за ними».

Мы с Питером проводим дни на берегу. Я сижу и читаю, а он устраивает долгие пробежки. Он не может здесь тренироваться так, как дома в спортзале, поэтому много бегают. Долгая пробежка утром, пока не стало жарко, короткая – в середине дня и еще одна долгая – на закате. Он пропускает их только в тот день, когда я заставляю его поехать со мной в музей братьев Райт^[40] в Килл-Девил-Хиллз. Я была там в детстве с семьей до рождения Китти, но тогда я была слишком маленькой, чтобы залезть на памятник. В этот раз мы поднимаемся на самый верх и любимся видом.

Всю неделю Питер обаятелен и жизнерадостен, как обычно, особенно перед другими, – у него всегда легкая улыбка, он первым предлагает чем-нибудь заняться. Но со мной он держится отстраненно. Хотя мы и рядом, он как будто очень далеко. Я не могу до него дотянуться.

Я снова пытаюсь поднять тему его отца, но он только смеется. Он ни разу не упоминает мою поездку в Корею.

Каждый вечер в одном из домов, кроме нашего, устраивают вечеринку. А мы – нет, потому что Пэмми боится потерять залог. Здорово, что такие разные люди так хорошо общаются друг с другом, как не общались в школе. Осознание, что все закончилось, освобождает. Мы больше никогда не будем вместе, как сейчас, так почему нет? Поддавшись духу свободы, Крис закручивает роман с Патриком Шоу, приятелем Джоша по клубу анимешников.

Сегодня вечеринка в доме Питера. Не представляю, как они получают обратно залог, потому что дом превратился в занесенные песком развалины: одно из плетеных кресел на веранде сломано, повсюду валяются банки из-под пива, и кто-то сел на бежевый диван в гостиной в мокром оранжевом полотенце, так что теперь посередине большое оранжевое пятно.

Проходя через кухню, я вижу Джона Амброуза Макларена, который роется в холодильнике.

Я замираю. Настроение Питера непредсказуемо, и я не знаю, что он сделает, если увидит в своем доме Джона. Я думаю о том, нужно ли найти Питера и предупредить, когда Джон высовывается из-за дверцы холодильника, грызя морковку.

– Привет! Так и думал, что ты будешь здесь.

– Привет! – жизнерадостно говорю я, как будто не хотела уйти потихоньку, пока он меня не заметил. Он обнимает меня одной рукой, а в другой все еще держит морковку.

– Ты видел Питера? – спрашиваю я. – Он здесь живет.

– Неа, мы только что пришли. – Джон загорелый, волосы выцвели на солнце, на нем поношенная рубашка в сине-белую клетку и шорты цвета хаки. – А ты где живешь?

– Совсем рядом. А ты?

– У нас дом в Даке. – Он улыбается и предлагает мне свою морковку. – Хочешь откусить?

– Нет, спасибо, – смеюсь я. – Так какой колледж ты выбрал?

– Уильяма и Мэри. – Джон протягивает руку для триумфального хлопка. – Увидимся там?

– Вообще-то... я поступила в Чапел-Хилл. Через список ожидания. Джон роняет челюсть.

– Серьезно? Это потрясающе! – Он меня обнимает. – Потрясающе. Для тебя это идеальное место. Тебе там понравится.

Я смотрю на дверь кухни, ища способ вежливо закончить разговор. В кухню входит Питер с пивом в руке. Заметив нас, он останавливается. У меня все внутри сжимается, но он только ухмыляется и восклицает:

– Макларен! Как дела?

Они обнимаются, как это делают парни: похлопывают друг друга по спине, а потом сталкиваются грудью. Когда они расходятся, взгляд Питера задерживается на морковке в руке Джона. Каждый день он делает себе протеиновый шейк с морковью и ягодами, и его наверняка задело то, что Джон взял его еду. Он рассчитал, сколько морковок ему понадобится до конца недели.

– Лара Джин мне только что сказала, что попала в Каролину, – говорит Джон, прислоняясь к столу. – Я ужасно завидую.

– Да, ты же всегда туда хотел... – Питер продолжает смотреть на морковку.

– С самого детства. Это был мой первый вариант. – Джон шутливо толкает меня в бок. – Эта девочка обошла меня, как вор в ночи. Заняла мое место!

– Извини, – говорю я с улыбкой.

– Нет-нет, я шучу. – Джон откусывает морковку. – Но я могу еще перевестись. Посмотрим.

Питер обнимает меня за талию и отпивает пиво.

– Переводись. Будем все вместе ходить на матчи «Тар Хилз». – Его голос звучит дружелюбно, но я слышу скрытое напряжение. Джон тоже его не упускает.

– Конечно, – говорит он, доедает морковку и бросает хвостик в раковину. – Хочу познакомить вас с моей девушкой, Дипти. Она где-то здесь. – Он достает телефон и отправляет ей сообщение.

Она находит нас на кухне. Она выше меня, спортивного вида, с черными волосами до плеч, темной кожей. Вероятно, у нее индийские корни. У Дипти приятная белоснежная улыбка и ямочка на одной щеке. На ней белый шелковый комбинезон и сандалии. Я жалею, что решила надеть футболку Питера с логотипом университета Вирджинии и обрезанные шорты. Мы знакомимся, а потом она запрыгивает на стол и спрашивает:

– Откуда вы знаете друг друга?

– Макларен был моим лучшим другом в средней школе, – говорит Питер. – Нас называли Бутч Кэссиди и Сандэнс Кид^[41]. Угадай, кто был Бутч, а кто – Сандэнс?

Дипти смеется.

– Не знаю. Я не смотрела этот фильм.

– Бутч – главный герой. – Питер указывает на себя. – А Сандэнс Кид, – он показывает на Джона, – был его помощником.

Питер хохочет, я морщусь про себя, но Джон только доброжелательно качает головой. Питер сжимает его бицепс.

– Йо, ты стал качаться? – Повернувшись к Дипти, он добавляет: – У него были руки-макаронины, он целыми днями читал, а теперь посмотрите, каков жеребец.

– Эй, я еще читаю, – говорит Джон.

– Когда мы с Питером начали встречаться, я опасалась, что он не умеет читать, – говорю я, и Джон сгибается пополам от смеха.

Питер тоже смеется, но не так искренне, как секунду назад.

Становится поздно, и Питер предлагает мне остаться на ночь. Я отказываюсь, потому что у меня нет ни зубной щетки, ни остальных вещей. На самом деле меня взбесило то, как он вел себя с Джоном.

Провожая меня домой, Питер говорит:

– Дипти клевая. Макларену повезло. Но сомневаюсь, что они останутся вместе. Скорее всего, съездят друг к другу разок, а к Рождеству расстанутся.

Я останавливаюсь.

– Жестоко так говорить.

– Почему? Это честно.

Я поворачиваюсь к нему лицом, соленый ветер развеивает мои волосы вокруг лица.

– Ну ладно, если ты решил говорить честно, я тоже буду честна. – Питер выгибает бровь и ждет продолжения. – Сегодня ты вел себя как придурок. Неуверенность в себе тебе не идет, Питер.

– Я? Не уверен в себе? – Питер презрительно фыркает. – Из-за чего? Из-за Макларена? Да ладно. Ты видела, как он запросто залез в холодильник и сожрал мою морковку?

Я снова иду вперед.

– Морковка – это такая ерунда!

Он догоняет меня трусцой.

– Ты же знаешь, что мне нужно прийти в форму для лакросса!

– Это просто смешно, Питер! – Мы стоим перед моим домом. Гнев заметно ускоряет шаг. – Спокойной ночи. – Я разворачиваюсь и поднимаюсь по лестнице. Питер меня не останавливает.

Глава 34

НА СЛЕДУЮЩЕЕ УТРО Я НЕ УВЕРЕНА, поссорились мы с Питером или нет. Прошлый вечер выглядел как ссора, но я не знаю, кто на кого должен сердиться. Чувство неприятное.

Я не хочу на него сердиться. Первого июля я уезжаю в Корею. У нас нет времени на глупые ссоры из-за морковки и Джона Амброуза Макларена. Дорога каждая оставшаяся секунда.

Я решаю приготовить тосты по-французски в качестве перемирия. Это его любимый завтрак, если не считать пончиков. В кухне находится коробка сахара, молоко, полбуханки хлеба, пара яиц. А вот корицы нет. А она необходима.

Я беру ключи от машины Пэмми и еду на маленький рынок неподалеку, где покупаю корицу, масло, дюжину яиц и новую буханку белого хлеба – раз уж я берусь за тосты, можно приготовить завтрак всему дому Питера. В последнюю секунду я добавляю пакет морковки.

Все в доме мальчиков еще спят. Сам дом выглядит еще хуже, чем вчера: везде бутылки из-под пива, пустые пакеты из-под чипсов, плавки сохнут на мебели. В раковине навалена грязная посуда, и мне приходится отмывать миску и лопатку от старой яичницы, прежде чем приступить к готовке.

Хлеб свежий, и первая порция разваливается в молоке, но с третьей попытки я осваиваюсь и окунаю хлеб всего на несколько секунд, прежде чем бросить на сковороду.

Мальчики стягиваются в кухню, и я готовлю новые и новые тосты, пополняя стопку. Питер спускается последним. Я предлагаю ему кусочек, хороший, хрустящий, но он качает головой и говорит, что у него диета. При этом он не смотрит мне в глаза. Он просто не хочет есть то, что я приготовила.

Я не задерживаюсь после завтрака, и Питер не пытается меня остановить. Дома я бужу Крис, пока еще одетую в то, в чем она была вчера.

– Внизу тебя ждут французские тосты, – говорю я. Я привезла ей то, что отложила для Питера.

Вечером один из соседних домов устраивает шашлык. Наш дом приносит контейнеры с неоново-желтым картофельным салатом и все оставшиеся кулеры с вином. Это наш последний вечер, так что мы

выгружаем все из холодильника.

На веранде я болтаю с Кайлой и Эмили Нассбаум, одной из подруг Женевьевы. Всю неделю я редко видела Женевьеву, потому что она здесь с друзьями по церкви и в ее доме живут ребята из разных школ. Эмили спрашивает:

– Вы с Кавински правда собираетесь остаться вместе?

Сейчас я и сама не знаю; прошлым вечером мы едва обменялись парой слов. Конечно, я этого не говорю: все, что я скажу Эмили, дойдет до Женевьевы. Может, Джен и не заинтересована больше в Питере, но наша ссора все равно доставит ей удовольствие.

– Да, мы остаемся вместе, – говорю я. – Северная Каролина не так далеко от Вирджинии.

Кайла потягивает ром с диетической колой через трубочку и косится на меня.

– Знаешь, Лара Джин, ты интересная. Ты кажешься застенчивой и инфантильной, но на самом деле уверена в себе. Это комплимент, если что.

– Спасибо, – говорю я.

Мне кажется, что если про комплимент нужно говорить, что это комплимент, то что-то определенно не так. Я отпиваю напиток, который сделала мне Крис, и едва не выплевываю: настолько он крепкий. Она назвала это «Ширли Темпл^[42] для взрослых».

– Понимаю, почему ты нравишься Кавински, – сказала Кайла. – Надеюсь, все получится.

– Спасибо.

Эмили ставит ноги на сиденье моего стула и говорит:

– Если бы Блейк меня бросил, я бы с ума сошла. Это было бы катастрофой.

– Ну, вы двое очень крепко связаны. Наверное, поженитесь сразу после колледжа.

– Ни за что, – говорит Эмили, но она явно довольна.

– Вы все будете учиться вместе, это другое. – Кайла задумчиво смотрит на меня. – Мне кажется, я бы не справилась с отношениями на расстоянии.

– Почему нет? – спрашиваю я.

– Мне нравится видеть парня каждый день. Не гадать, чем он занят. Это... собственнические замашки, наверное. Но еще я не хочу обсуждать, как прошел день вечером: я хочу быть частью его жизни и чтобы он был частью моей. – Она хрустит льдинкой.

Так случилось со мной и Марго, когда она уехала в колледж.

Расстояние накатывало медленно, как морская вода просачивается в лодку, и мы этого даже не замечали. А потом ты обнаруживаешь, что уходишь под воду. Мы справились, но мы сестры. Сестры всегда находят путь друг к другу. С парнями, наверное, иначе. От мысли о том, что такое может случиться со мной и с Питером, мне становится очень грустно. Как это предотвратить? Разговаривать каждый день? Навещать друг друга хотя бы раз в месяц? Он сам сказал, что в его жизни будет полно дел, особенно лакросса. Он уже меняется: здоровая диета, постоянные тренировки. И мы ссоримся, а мы никогда по-настоящему не ссорились, так, чтобы потом не помириться. Так что теперь? Как решить, что будет следующим шагом?

Через несколько минут, когда Эмили и Кайла начинают обсуждать, стоит ли вступать в сестринство, я сбегая и ищу Питера. После этого разговора и вчерашней ссоры я хочу просто быть с ним рядом, пока это еще возможно. Я нахожу его в компании парней, разводящих костер. Я так хочу, чтобы все стало как прежде. Делаю глоток «Ширли Темпл для взрослых» для храбрости. Наши взгляды встречаются, и я говорю одними губами: «Хочешь уйти?». Он кивает. Я иду обратно в дом, и он следует за мной.

Я снова потягиваю напиток, и Питер спрашивает:

– Что ты пьешь?

– Крис что-то намешала.

Он забирает мой стакан и выкидывает в кусты.

Мы молчим всю дорогу, слышен только плеск волн. Похоже, мы оба не знаем, что сказать, потому что понимаем: проблема не в Джоне Амброузе Макларене и не в морковке.

Наконец я слышу приглушенный голос Питера:

– Ты еще сердишься из-за вчерашнего?

– Нет.

– Хорошо, – говорит он. – Я видел, что ты купила мне морковь. Извини, что не стал есть твои тосты.

– Почему не стал? Я знаю, что не из-за диеты.

Питер чешет затылок.

– Я тоже не знаю. У меня странное настроение.

Я смотрю на него, но его лицо скрывает темнота.

– У нас осталось совсем немного времени до моего отъезда в Корею. Давай не будем его тратить. – Я просовываю руку в его ладонь, и он сжимает ее в ответ.

Дом совершенно пуст, впервые за эту неделю. Все девочки на вечеринке, кроме Крис, которая встретила знакомого по «Эплбис». Мы поднимаемся ко мне в комнату, Питер снимает ботинки и залезает на

кровать.

– Хочешь посмотреть кино? – спрашивает он, закидывая руки за голову.

Нет, я не хочу смотреть фильм. Внезапно у меня учащается сердцебиение, потому что я знаю, что хочу сделать. Я готова.

– Мы можем начать новый сериал... – предлагает Питер. Я сажусь на кровать рядом с ним, прижимаюсь губами к его шее и чувствую, как у него учащается пульс.

– Давай не будем ничего смотреть?.. Давай... займемся чем-нибудь еще. – Я выразительно смотрю на него.

Он дергается всем телом от удивления.

– Что? Прямо сейчас?

– Да.

Сейчас. Сейчас правильный момент. Я осыпаю его шею легкими поцелуями.

– Тебе так нравится?

Я чувствую, как он сглатывает.

– Да. – Питер отодвигает меня, чтобы посмотреть в лицо. – Постой минуту. Я не могу так думать. Ты пьяная? Что Крис подлила в тот напиток?

– Нет, я не пьяная! – Меня окутывает легкое тепло, но прогулка до дома полностью отрезвила. Питер продолжает смотреть. – Честное слово, я не пьяная.

Питер снова сглатывает и изучает меня взглядом.

– Ты уверена, что хочешь это сделать сейчас?

– Да, – отвечаю я, потому что правда хочу. – Но сначала... можешь поставить Фрэнка Оушена?

Он хватается телефон, и через секунду знакомый ритм и мелодичный голос Фрэнка наполняют комнату. Питер торопится расстегнуть пуговицы на своей рубашке; сдается и тянется снять блузку с меня.

– Стой! – вскрикиваю я.

Питер отскакивает от меня.

– Что? Что не так?

Я спрыгиваю с кровати и начинаю рыться в чемодане. На мне не особенное белье, а обычный повседневный бюстгальтер цвета капучино с потрепанными краями. Не могу же я потерять девственность в самом некрасивом бюстгальтере!

– Что ты делаешь? – спрашивает Питер.

– Просто подожди секундочку.

Я прячусь в ванной и переодеваюсь в кружевной комплект. Потом

чищу зубы и смотрю на свое отражение в зеркале. Момент настал. Я, Лара Джин Сонг Кави, потеряю невинность с Питером К.

Питер окликает через дверь:

– Все в порядке?

– Секундочку!

Одеться снова или выйти просто в белье? Он еще никогда не видел меня в одном белье. Что ж, он скоро увидит меня совсем без одежды, поэтому можно рискнуть.

Я выхожу из ванной, держа одежду перед собой, как щит. Питер явно не может поверить своим глазам и быстро снимает рубашку. Я чувствую, что краснею. Белье я засовываю в чемодан и выкапываю из него упаковку презервативов. С одним из них я забираюсь обратно на кровать и прячусь под простынь.

– Ну вот, теперь я готова.

– Красивый бюстгальтер, – говорит Питер, стягивая с меня простынь.

– Спасибо.

Он придвигается ближе и целует мои глаза, правый, потом левый.

– Ты нервничаешь?

– Немного.

– Необязательно сегодня что-то делать, Кави.

– Но я хочу. – Я протягиваю презерватив, и у Питера брови взлетают на лоб.

– Из папиного набора. Помнишь, я говорила: он приготовил набор контрацептивов.

Забирая у меня презерватив, он целует меня в шею и говорит:

– Давай не будем сейчас упоминать твоего папу.

– Конечно, – отвечаю я.

Питер перекачивается на меня. Сердце колотится у меня в груди, как всегда, когда он так близко. Вот-вот все изменится. Я зайду дальше, чем раньше. Он удерживает вес на локтях, чтобы не раздавить меня, но мне нравится его тяжесть. Его пальцы запутались в моих волосах, губы теплые. Мы оба быстро дышим.

А потом он внезапно перестает меня целовать. Я открываю глаза, Питер нависает надо мной и хмурится.

– Мы это делаем из-за вчерашней ссоры? Кави...

– Дело не в ссоре. Просто... просто я хочу быть ближе к тебе. – Питер так пристально смотрит, что я понимаю: он ждет большего, что я назову какую-то важную причину. Но все очень просто. – Я не решила на ровном месте. Я хочу заняться с тобой сексом, потому что люблю тебя и хочу быть

с тобой.

– Но почему со мной?

– Потому что ты моя первая любовь, с кем еще я должна это делать?

Питер скатывается с меня и садится, опустив голову на руки.

Я тоже сажусь и заворачиваюсь в простыню.

– В чем дело?

Он ничего не говорит, кажется, целую вечность.

– Ну же, просто скажи. – Меня начинает подташнивать.

– Я не хочу сейчас это делать.

– Почему нет? – шепотом спрашиваю я.

Питер не может на меня смотреть.

– Я не знаю... Просто слишком многое происходит. Лакросс, мой папа не явился на выпускной, теперь ты уезжаешь на все лето.

– Не на все. Только на июль. Я вернусь в конце июля! Почему ты проскакиваешь все лето?

Питер качает головой.

– Мне просто казалось, что ты уезжаешь и даже не жалеешь.

– Ты же знаешь, что это не я решила – папа устроил сюрприз! Так нечестно, Питер.

Он долго смотрит на меня.

– А Северная Каролина? Ты планируешь переводиться в Вирджинию или уже нет? Из Уильяма и Мэри ты точно хотела перевестись, а теперь непохоже.

Я облизываю губы, сердце стучит так, что не удержать.

– Не уверена. Может, да... А может, и нет. В Северной Каролине все иначе.

– Да, я заметил.

– Не говори так, словно это плохо! Ты что, предпочел бы, чтобы я была несчастной там, где учусь?

– Временно несчастной, – поправляет он.

– Питер!

– Ну же, Лара Джин. Ты действительно такого плохого мнения обо мне?

– Нет. Я... я просто не понимаю, почему ты так себя ведешь. Я всего лишь хочу дать Северной Каролине шанс. И хочу дать шанс себе. – У меня слезы в глазах, говорить трудно. – И ты тоже должен мне этого желать.

Питер вздрагивает, словно я его ударила. Кровать маленькая, но мне сейчас кажется, что он очень далеко. У меня болит в груди, я хочу быть с ним рядом. Но не могу.

Он молча надевает рубашку.

– Мне лучше уйти, – говорит он.

Встает и выходит. Я жду, пока закроется дверь дома, а потом начинаю плакать.

Глава 35

СОБИРАЯ УТРОМ ВЕЩИ, я надеюсь, что Питер приедет и отвезет меня домой; но его нет, а я не собираюсь его просить. Я еду обратно в Вирджинию с девочками.

От Питера ничего не слышно до следующего дня, когда я получаю сообщение:

Извини за тот вечер. Я придурок. Мы со всем справимся, обещаю. Мне нужно помочь маме, но потом можно тебя увидеть?

Я отвечаю:

Да.

Он пишет:

Мне правда очень жаль. Я тебя люблю.

Я начинаю набирать «Я тоже тебя люблю» в ответ, но телефон звонит. Это домашний номер Питера, и я торопливо отвечаю, говоря в трубку «Я тоже тебя люблю».

На том конце изумленное молчание, а потом неловкий кашель.

– Здравствуй, Лара Джин. Это мама Питера.

Я сгораю от стыда.

– Ой! Здравствуйте, миссис Кавински.

Она приглашает меня приехать поговорить. Говорит, что Питера нет дома, и мы пообщаемся наедине. Наверное, она отправила его с поручением как раз для этого. Как я могу не пойти?

Я надеваю желтый сарафан, крашу губы, расчесываю волосы и еду к Питеру. Миссис Кавински открывает дверь и улыбается; на ней полосатая блузка и шорты-бермуды.

– Заходи, – говорит она. Я иду за ней следом в кухню. – Лара Джин, хочешь что-нибудь попить? Солнечный чай^[43]?

– С удовольствием. – Я забираюсь на табурет.

Мама Питера наливает мне стакан солнечного чая из пластикового кувшина. Вручая мне стакан, она говорит:

– Спасибо, что согласилась поговорить один на один. Я хочу с тобой кое-что обсудить.

– С удовольствием, – повторяю я. У меня мурашки по коже.

Миссис Кавински берет мою руку в свою. У нее прохладные сухие ладони, а вот мои внезапно потеют.

– Питер многое пережил и много работал. Ты знаешь, как он расстроился, когда его отец не пришел на вручение аттестатов. – Она ловит мой взгляд, и я киваю. – Он делает вид, что ему все равно, но душа у него болит. После Пляжной недели он стал говорить, что хочет перевестись в университет Северной Каролины после первого курса. Ты об этом знала?

Я чувствую, как вся кровь приливает к лицу.

– Нет, я этого не знала. Он ни словом не обмолвился со мной об этом.

Она кивает, словно так и думала.

– Если он переведется, то год не сможет играть, а значит, потеряет спортивную стипендию. Плата за обучение за пределами штата очень высокая, как ты, наверное, знаешь.

Так и есть. Папа сказал, что это не страшно. Марго осталось учиться всего два года, а Китти пойдет в колледж еще не скоро. Но я знаю, что это дорого. И хотя мы об этом не говорим, но я в курсе, что мой папа зарабатывает больше, чем мама Питера.

– Отец Питера говорит, что хочет помочь, но на него нельзя рассчитывать. – Она делает деликатную паузу. – Я надеюсь, что могу положиться на тебя.

– Не волнуйтесь, миссис Кавински, – поспешно говорю я. – Я скажу ему, чтобы не думал о переводе.

– Милая, я тебе очень благодарна, но меня волнует не только это. Я переживаю из-за его настроения. Когда начнется учебный год, ему нужно будет сосредоточиться на учебе и тренировках. Нельзя, чтобы он ездил в Северную Каролину каждые выходные. Это непрактично. Вы оба очень молоды. Питер уже принимает серьезные решения, ориентируясь на тебя. А кто знает, что случится с вами в будущем? Вы подростки. Жизнь не всегда складывается так, как планируешь... Не знаю, рассказывал ли тебе Питер об этом, но мы с его отцом поженились очень рано. И я... не хотела бы, чтобы вы повторили наши ошибки. – Поколебавшись, она говорит: – Лара Джин, я знаю своего сына. Он не отпустит тебя, если ты не отпустишь его сама.

Я моргаю.

– Для тебя он готов на все. Такой у него характер. Он предан тебе всей душой. В отличие от отца. – Ее взгляд полон сочувствия. – Я знаю, что ты

любишь Питера и желаешь ему лучшего. Надеюсь, ты обдумаешь мои слова. – Она колеблется, но добавляет: – Пожалуйста, не рассказывай ему, он очень на меня рассердится.

Мне с трудом удастся ответить:

– Не скажу.

Она облегченно улыбается.

– Ты славная девочка, Лара Джин. Я знаю, что ты поступишь правильно. – Она хлопает меня по ладони и отпускает. А потом меняет тему, спрашивая о том, как идет подготовка к папиной свадьбе.

Вернувшись в машину, я смотрюсь в зеркало и обнаруживаю, что щеки у меня все еще розовые. Ощущение, будто я в седьмом классе, когда мама Крис нашла ее сигареты и решила, что мы обе курили. Я хотела сказать, что не курила, но не могла, только сжималась от стыда. Сейчас я чувствую себя так же, словно сделала что-то неправильное.

Наверное, глупо думать, что мы с Питером станем исключением? Может, его мама права: мы совершаем большую ошибку? Внезапно каждое наше решение выглядит таким важным, что я боюсь сделать неправильный выбор.

Дома папа, Марго и Китти обсуждают, куда пойти ужинать. Обычное явление для вечера четверга, но мне так странно, что все говорят про еду, когда у меня земля уходит из-под ног.

– А ты куда хочешь, Лара Джин? – спрашивает папа.

– Я не очень хочу есть, – отвечаю я, глядя на телефон. Что сказать Питеру, когда он позвонит? Рассказать об этом? – Наверное, просто останусь дома.

Папа прищуривается.

– Ты в порядке? Не заболела? Ты какая-то бледная.

Я качаю головой.

– Нет, я в порядке.

– Может, в «Сеул-Хаус»? – предлагает Марго. – Мне ужасно хочется корейской кухни.

Папа колеблется, и я знаю, почему. У Трины не самый изысканный вкус в еде. Она живет на диетической коле и курином филе, салат из кале^[44] для нее экзотика. Когда мы заказываем суши, она ест только роллы «Калифорния» и жареные креветки. Рыбу она не ест вообще. Но у всех есть свои недостатки.

– Трина не очень любит корейскую кухню, – говорю я, чтобы это не пришлось делать папе. У меня жужжит телефон, но это всего лишь имейл

от общежития Северной Каролины.

Марго возмущенно восклицает:

– Вы серьезно?

– Для нее островато, – говорит папа и быстро добавляет: – Но ничего, она может взять бульгоги^[45] или жареный рис.

– Я тоже не хочу корейское, – говорит Китти.

– Пойдем в «Сеул-Хаус», – говорит папа. – Трина будет не против.

Когда он уходит заказывать столик, я говорю Марго:

– Не надо осуждать Трину. Она не виновата, что не может есть острое.

Китти поспешно вставляет:

– Да, не суди ее!

Марго с обиженным видом восклицает:

– Я ничего не говорила!

– Мы знаем, что ты думаешь, – отвечаю я.

У меня были точно такие же мысли, и теперь я оказываюсь в странном положении, когда мне приходится защищать Трину, хотя меня ее предпочтения тоже раздражают. Трина могла бы расширять свои кулинарные горизонты.

– Но жареный рис! Seriously?

– Что такого, если ей не нравится корейское? – спрашивает Китти.

– Корейская кухня – наша самая крепкая связь с корейской культурой, – говорит Марго. – Мы что, больше никогда не будем есть корейское, потому что Трине не нравится? – Она не дожидается ответа. – Надеюсь, она понимает, что когда выйдет за папу, то получит все, включая Корею.

– Марго, она это знает, – отвечаю я. – К тому же этим летом мы будем есть корейское каждый день.

Каждый день в разлуке с Питером...

– Жаль, что папа и Трина не едут с нами, – говорит Китти.

– Так лучше, – возражает Марго. – Что бы Трина ела в Корее?

Это похоже на шутку, но, скорее всего, она говорит вполне серьезно.

Китти игнорирует ее. Она гладит Джейми и спрашивает меня:

– Кто будет ухаживать за Джейми и Симоной, пока нас не будет?

– Наймем кого-нибудь, – предполагаю я. Мне это не очень интересно, я сейчас могу думать только о Питере. – Что-нибудь придумаем.

Марго окидывает взглядом комнату и останавливается на большом кресле Трины.

– Дом внезапно стал таким маленьким. Здесь не хватает места для всех вещей Трины.

– Пока тебя не было, он не казался маленьким, – говорит Китти.

– Китти! – ахаю я.

От лица Марго отливает вся краска, ее щеки покрываются пятнами.

– Ты серьезно это сейчас сказала?

Я вижу, что Китти уже сожалеет, но в типичной для себя упрямой манере вскидывает подбородок.

– Что я такого сказала?

– Избалованная девчонка, – бросает Марго.

Я вижу ее лицо, когда она направляется к лестнице, и знаю, что Марго идет плакать в своей комнате. Как только она уходит, я поворачиваюсь к Китти:

– Зачем ты это сказала?

У нее льются слезы.

– Потому что! Она все время обижает Три без причины.

Я вытираю ее слезы тыльной стороной ладони. Мне тоже хочется плакать.

– Гоу-Гоу кажется, что ее исключили из компании, вот и все. Мы знаем Трину, потому что у нас было время познакомиться. Но Марго совсем ее не знает. И вот что, Китти. Гоу-Гоу тебя практически вырастила. Не смей с ней так разговаривать.

Без особой убежденности она бормочет:

– С тобой мне можно так разговаривать.

– Ты сама понимаешь, что это другое. Мы ближе по возрасту.

– Хочешь сказать, что мы с тобой на одном уровне?

– Не совсем. Мы с Марго ближе всего по уровню, а ты на уровень ниже, потому что ты самая младшая. Но мы с тобой ближе по уровню, чем ты и Марго. Постарайся ее понять. Ей не нравится чувствовать, будто ее место заняли.

Китти сутулится.

– Никто не занимал ее места.

– Ей просто нужно небольшое подтверждение этого, вот и все. Постарайся понять.

Китти не отвечает и не поднимает голову, но я знаю, что она меня слышит.

– Но ты правда избалованная девчонка.

Она вскидывает голову и кидается ко мне. Я смеюсь.

– Иди наверх, извинись перед Гоу-Гоу. Ты знаешь, что так будет правильно.

В кои-то веки Китти слушается. Она поднимается наверх, и некоторое

время спустя они спускаются обе с красными глазами. Я получаю сообщение от Питера с вопросом, могу ли я выйти. Я отвечаю, что не могу, потому что мы идем ужинать всей семьей. С ним я увижусь завтра вечером. После мальчишника в стейк-хаусе они должны присоединиться к нам в караоке-баре. Надеюсь, что к тому времени я буду знать, что делать.

Вечером я крашу ногти в мятный зеленый для девичника, а Марго валяется на моей кровати и смотрит в телефон.

– Хочешь, я тебе тоже покрашу ногти? – предлагаю я.

– Нет, не хочу возиться, – отвечает она. Я вздыхаю.

– Послушай, тебе нужно перестать дуться на Трину. Они с папой женятся, Гоу-Гоу.

Марго вздыхает.

– Дело не только в Трине. Трина есть... Трина.

– Тогда в чем дело?

Марго прикусывает верхнюю губу, чего не делала с детства.

– Такое ощущение, что я вернулась домой, а здесь другая семья и мне в ней нет места.

Я хотела бы сказать ей, что ничего не изменилось, что она такая же часть этой семьи, как была, но это будет неправдой. Жизнь шла своим чередом без нее, как будет идти без меня, когда я уеду в колледж.

По ее щекам текут слезы.

– И я скучаю по маме...

– Я тоже. – У меня перехватывает горло.

– Я бы хотела, чтобы Китти ее помнила, – вздыхает Марго. – Знаю, что это эгоистично, но... наверное, я не думала, что папа когда-нибудь снова женится. Я думала, что он будет с кем-то встречаться, может, у него будет постоянная подруга, но жениться...

Я мягко отвечаю:

– Я тоже никогда об этом не думала, но когда ты уехала в Шотландию, все это... не знаю... стало казаться более естественным, мысль о том, что у него кто-то будет.

– Знаю. И для Китти это полезно.

– Она считает Трину своей. У меня с Триной хорошие отношения, но у Китти с самого начала было с ней что-то особенное.

– Она ее охраняет как питбуль! – Марго издает дрожащий смешок. – И действительно ее любит.

– Я понимаю, почему ты сегодня так расстроилась из-за корейской кухни. Тебе кажется, что, если папа перестанет готовить корейскую еду из-

за того, что Трина ее не любит, у Китти не останется этой связи. А если мы забудем Корею, то забудем и маму. – Слезы льются у нее по щекам, и она вытирает их рукавом толстовки. – Но мы никогда не забудем Корею и никогда не забудем маму. Верно?

Марго кивает и делает глубокий вдох.

– Господи, я сегодня плакала два раза! Это совсем на меня не похоже. – Она улыбается, и я улыбаюсь в ответ как можно шире. Она хмурится. – Лара Джин, с тобой все в порядке? Ты как будто... в меланхолии с тех пор, как вернулась с Пляжной недели. Между тобой и Питером что-то произошло?

Я так отчаянно хочу ей все рассказать, поделиться своим бременем, и пусть она скажет, что мне делать. Все было бы намного проще, если бы она сказала мне, что делать. Но я знаю, как поступила бы Марго в подобной ситуации.

«Не будь одной из тех, кто выбирает колледж ради парня» – так говорила моя мама, так считает и Марго.

Глава 36

КРИСТЕН РЕШИЛА, ЧТО ТЕМОЙ ДЕВИЧНИКА будут девяностые, потому что Трина их обожает. Так что все одеты в стиле тех лет. Честно говоря, мне кажется, что Кристен выбрала эту тему, чтобы надеть укороченный топик и продемонстрировать накачанный живот. Она приходит к нам домой в синей футболке с надписью SKATER GURL и мешковатых джинсах. Волосы разделены на прямой пробор, помада темно-коричневая и совершенно матовая. Первым делом она включает радио с музыкой девяностых на весь дом.

Девочки встречаются у нас в доме, а мальчики (и Китти) – в стейк-хаусе. Я рада, потому что до сих пор не знаю, что сказать Питеру.

Мы долго собираемся. Я выбрала платье в стиле «бэби-долл» в цветочек, которое нашла на «Этси»^[46], кремовые гольфы и черные туфли на платформе. Я завязываю волосы в два хвостика, когда Кристен приходит на инспекцию, вооруженная бокалом для мартини, на котором розовым написано «Подружка невесты».

– О-о-о, как мило ты выглядишь, Лара Джин, – говорит она, попивая коктейль.

Я подтягиваю хвостики.

– Спасибо, Кристен.

Я рада, что мой наряд удался. Голова у меня забита другим, но не хотелось бы испортить Трине вечер.

Китти и Марго сидят на полу, и Китти красит ногти Марго черным лаком. Марго выбрала стиль гранж: длинная фланелевая рубашка, джинсы и «мартинсы», которые я одолжила у Крис.

– Что вы пьете? – спрашивает Китти у Кристен.

– «Космополитен». Внизу в бутылке из-под «спрайта» есть еще. Но не для тебя.

Китти закатывает глаза.

– Где Три?

– В душе, – сообщаю я.

Кристен склоняет голову набок и щурится.

– Тебе чего-то не хватает. – Она отставляет бокал и выуживает из сумочки помаду. – Вот, накрась губы.

– О... это тот же цвет, что и у вас? – спрашиваю я.

– Да! Называется «Тост за Нью-Йорк». Он был хитом сезона!

– Э-э-э... – Я не уверена. Губы Кристен словно вымазаны шоколадом «хершис», который потом засох.

– Верь мне, – говорит она.

– Я собиралась накраситься этим, – я откладываю щетку для волос и демонстрирую блестящий розовый блеск для губ. – «Спайс Герлз» такой наносили, кажется. Они же из девяностых?

– Скорее всего, поздние девяностые – ранние двухтысячные, – хмурится Кристен. – Но да, это подойдет. – Она протягивает помаду Марго. – А тебе вот это понадобится. В твоём образе недостаточно девяностых.

Она наблюдает, как Китти наносит последние штрихи на ногти Марго.

– Мне приходилось использовать черный маркер. Не представляете, девочки, как вам везет. Такое разнообразие. Мы обходились подручными материалами. Черный – маркером, белый – «штрихом».

– Что такое «штрих»? – спрашивает Китти.

– Господи, вы, дети, даже не знаете, что такое «штрих»!

Как только Кристен поворачивается взять свой коктейль, Китти скалится на нее и беззвучно шипит.

– Я это видела, – говорит Кристен.

– Я так и планировала, – огрызается Китти. Кристен смеривает ее взглядом.

– Заканчивай ногти сестры поскорее, накрасишь еще и мне.

– Почти закончила, – говорит Китти.

Через минуту раздается звонок в дверь, и все трое отправляются вниз. Кристен кричит:

– Откройте дверь, я принесу напитки!

Моник, которая была в одном сестринстве с Триной, одета в платье-комбинацию с рисунком из огромных подсолнухов поверх белой футболки и черные туфли на платформе совершенно космического вида. На ее подруге по «Соул-сайкл» Кендре комбинезон с розовой майкой и розовая резинка в тон в волосах. Многие из того, что на нас надето, носят и ребята в моей школе. Мода циклична.

Тема девяностых была правильным решением: Трина в полном восторге.

– Какое милое платье! – говорит мне Кендра.

– Спасибо! – отвечаю я. – Оно винтажное.

Она отшатывается в глубоком ужасе.

– Господи, девяностые уже считаются винтажем?

– Да, подруга, – говорит Трина, передергиваясь.

– Какой кошмар. Мы старые?

– Нам пора в дом престарелых, – жизнерадостно кивает Трина.

В машине по пути в караоке-бар я получаю сообщение от Питера – фотографию его отца с моим отцом, в костюмах и с широкими улыбками. У меня сжимается сердце. Как отпустить такого парня?

В баре мы занимаем приватную комнату. Марго заказывает гранатовую «Маргариту». Трина замечает, но ничего не говорит. Да и что она может сказать? Марго через месяц двадцать.

– Вкусно? – спрашиваю я.

– Очень сладко, – отвечает Марго. – Хочешь глоточек?

Очень хочу. Питер написал из стейк-хауса два раза, спрашивая, как идет мой вечер, и у меня все тяжелее на душе. Я осторожно кошусь на Трину, которая поет дуэтом с Кристен. Марго она ничего не сказала, но у меня есть чувство, что мне скажет.

– В Шотландии можно пить с восемнадцати, – говорит Марго. Я отпиваю глоток. Коктейль вкусный, терпкий и ледяной.

Тем временем все листают песенники, выбирая, какую песню поставить. Правило вечера – только музыка девяностых. Гости разогреваются не сразу, но потом напитки начинают литься рекой, и люди выкрикивают номера песен для очереди.

Следующей идет Мишель, подруга Трины. Она мурлычет:

– Были времена, когда у меня было разбито сердце...

– Мне нравится эта песня, – говорю я. – Кто ее поет?

Кристен снисходительно гладит меня по голове.

– Aerosmith, малышка. Aerosmith.

Spice Girls они поют все вместе.

Мы с Марго поем «Wonderwall» группы Oasis. Сев на место, я с трудом перевожу дыхание.

Кендра двигается в такт песни, покачивая бокалом для мартини в воздухе. Напиток в нем кислотно-зеленого цвета.

– Что ты пьешь, Кендра? – спрашиваю я.

– Яблочный мартини.

– Звучит аппетитно. Можно попробовать?

– Да, сделай глоток! Он такой фруктовый, что алкоголь не чувствуешь.

Я делаю маленький глоточек, как колибри. Сладко. На вкус как «Джолли Ранчер»^[47].

Закончив свой номер, Кристен и Трина падают на диван рядом со мной, а Кендра выскакивает петь Бритни Спирс. Кристен тянет:

– Я просто хочу, чтобы мы оставались близкими подругами,

понимаешь? Не становись скучной. Не становись вдруг мамашей, ладно? То есть я понимаю, что ты должна быть мамой, но не будь мамашей.

– Я не стану мамашей, – успокаивает ее Трина. – Я никогда не смогу стать мамашей.

– Ты должна пообещать, что будешь все равно приходить на винно-расслабительные четверги.

– Обещаю.

Кристен всхлипывает.

– Я так тебя люблю, подруга.

У Трины тоже слезы на глазах.

– И я тебя люблю.

Мартини Кендры стоит на столе один-одинешенек. Пока никто не видит, я делаю еще глоток, потому что он такой вкусный. А потом еще один. К тому времени, когда меня замечает Трина, я опустошила бокал. Она приподнимает брови.

– По-моему, кто-то чересчур повеселился на Пляжной неделе.

– Там я почти ни глоточка не выпила, Трина! – протестую я.

Трина выглядит тревожной.

– Марго, твоя сестра пьяна?

Я скидываю руки.

– Нет, нет, я совсем не пьяная!

Марго садится рядом и заглядывает мне в глаза.

– Она пьяна.

Я в жизни не была пьяной. А теперь пьяная? Я очень расслаблена. Вот как ощущается опьянение – словно у тебя все конечности свободные и мягкие?

– Твой папа меня убьет, – стонет Трина. – Они только что отвезли Китти домой и вот-вот приедут сюда. Лара Джин, выпей много воды. Весь стакан. Я принесу еще кувшин.

Она возвращается через несколько минут с мальчишником в полном составе. Мне достается предупреждающий взгляд. «Не выдавай себя», – говорит она одними губами. Я показываю ей два поднятых вверх пальца, а потом вскакиваю и обнимаю Питера.

– Питер! – я перекрикиваю музыку. Он так симпатично выглядит в рубашке и галстуке. Такой милый, просто до слез. Я зарываюсь лицом ему в шею, как белка. – Я так по тебе скучала.

Питер всматривается мне в лицо.

– Ты пьяная?

– Нет, я выпила всего пару глоточков. Пару бокалов.

– Трина тебе разрешила?

– Нет, – хихикаю я. – Я отпивала у других.

– Лучше увести тебя отсюда, пока папа не увидел. – Питер оглядывается по сторонам. Папа листает песенник вместе с Марго, которая взглядом приказывает: «Соберись».

– То, чего он не знает, никому не повредит.

– Пойдем выйдем на парковку, ты подышишь воздухом, – говорит Питер, приобнимая меня и выводя за дверь. Я слегка пошатываюсь. Питер пытается не улыбаться.

– Ты пьяная.

– Наверное, я легко пью.

– Легко пьянеешь. – Он щиплет меня за щеку.

– Да, легко пью, то есть пьянею.

Почему это так смешно? Я не могу перестать смеяться. Но потом замечаю, с какой нежностью он на меня смотрит, и перестаю. Смеяться больше не хочется. Хочется плакать. Он организовал мальчишник для моего папы. Он так меня любит. Я должна любить его так же сильно в ответ. До сих пор я не знала, что сделаю, но теперь знаю.

– Я хочу тебе кое-что сказать. – Я внезапно выпрямляюсь и нечаянно стучаю его в ключицу, так что он закашливается. – Извини. Вот что я хочу сказать. Я хочу, чтобы ты делал то, что должен, и хочу сама делать то, что должна.

У него на губах полуулыбка. Покачивая головой, он спрашивает:

– О чем ты, Кави?

– Я о том, что... я думаю, что нам нельзя быть в отношениях на расстоянии.

Его улыбка тает.

– Что?

– Я думаю, что тебе нужно учиться в Вирджинии, играть в лакросс, а мне надо заниматься своими делами в Северной Каролине, и если мы попытаемся остаться вместе, то все развалится. Так что нам нельзя. Просто нельзя.

Он моргает, и его лицо становится совсем неподвижным.

– Ты не хочешь оставаться вместе?

Я мотаю головой. От выражения боли на его лице я трезвею.

– Я хочу, чтобы ты занимался тем, чем должен, а не делал что-то ради меня. Ты много работал ради того, чтобы попасть в университет Вирджинии, Питер. Там ты и должен быть. А не в Северной Каролине.

Его лицо сереет.

– Ты разговаривала с моей мамой?

– Да. То есть нет...

У него дергается мускул на щеке.

– Понятно. Больше ничего не говори.

– Постой, Питер, послушай...

– Нет, я все понял. К твоему сведению, я упомянул Северную Каролину как маловероятный вариант. Ничего определенного. Всего один раз сказал. Но если ты не хочешь, чтобы я перевелся, – ладно. – Он уходит прочь, и я хватаю его за руку.

– Питер, я не это имею в виду! Но если ты переведешься, если откажешься от всего, ради чего работал, то в конце концов будешь считать меня виноватой.

Он резко говорит:

– Хватит, Лара Джин. Я давно все понял. Ты со мной прощаешься с тех пор, как решила учиться в Северной Каролине.

Я роняю руку.

– О чем ты?

– Этот твой альбом, например. Ты сказала, что это на память о нас. Зачем мне напоминание, Лара Джин?

– Я не это имела в виду! Я много месяцев над ним работала. Ты винишь меня, хотя сам же меня все время отталкиваешь. С самой Пляжной недели!

– Отлично, давай поговорим про Пляжную неделю. – Я чувствую, что краснею от вызова в его взгляде. – Когда ты решила заняться сексом, ты как будто ставила точку. Убирала меня в свою... шляпную коробку. Как будто я сыграл свою роль в твоей истории любви, а теперь ты можешь перейти к следующей главе.

У меня кружится голова, ноги подкашиваются. Я думала, что Питер так хорошо меня понимает...

– Мне жаль, что ты так подумал, но я имела в виду не это. Совсем не это.

– Вполне очевидно, что ты имела в виду, потому что сейчас ты именно это и делаешь. Разве нет?

Есть ли в его словах хотя бы крупинка правды? Я действительно хочу, чтобы мой первый раз был именно с ним и ни с кем другим. Это кажется правильным, потому что Питер – первый, кого я полюбила. Я не хочу, чтобы первым стал какой-нибудь парень в колледже, которого я не знаю. С Питером мы знакомы с детства. Может, я просто хотела перелистнуть страницу?

Нет. Я предложила заняться сексом, потому что хотела сделать это с ним. Но если он все так понял... может, так проще.

– Может, ты и прав. – Я сглатываю. – Может, я действительно хотела сделать это в первый раз с тобой, чтобы закончить главу о школе, о нас.

Он застывает. Я вижу боль в его глазах, а потом его лицо становится закрытым, словно пустой дом со ставнями на окнах. Он двигается прочь, и в этот раз я его не останавливаю.

Через плечо Питер бросает:

– Все в порядке, Кави. Не беспокойся.

Как только он уходит, я отворачиваюсь, и меня рвет прямо на траву. Я еще стою, согнувшись пополам и отплеываясь, когда из бара выходят Трина, папа и Марго. Папа бросается ко мне.

– Лара Джин, в чем дело? Ты в порядке?

– В порядке, да, – бормочу я, вытирая глаза и рот. Он широко раскрывает глаза в тревоге.

– Ты пила? – Он обвиняюще смотрит на Трину, которая гладит меня по спине. – Трина, ты разрешила ей пить?

– Она отпила пару глоточков гранатового martin. С ней все будет хорошо.

– Сейчас ей нехорошо!

Трина выпрямляется, не убирая руку с моей спины.

– Дэн, Лара Джин уже взрослая. Ты этого не видишь, потому что по-прежнему считаешь ее маленькой девочкой, но она так выросла за то время, что я ее знаю. Она сама справится.

Марго вставляет:

– Папа, я дала ей отпить несколько глотков у меня, вот и все. У нее просто нет переносимости алкоголя. Честно говоря, ей следует над этим поработать до колледжа. Не вини Трину.

Папа переводит взгляд с одной на другую и обратно. Марго и Трина стоят бок о бок, объединив усилия. Тогда он смотрит на меня:

– Ты права. Лара Джин сама виновата. Садитесь в машину.

По дороге домой нам приходится остановиться, потому что меня снова тошнит. Я хочу умереть, но не от martin. А из-за выражения лица Питера. Из-за того, как погас свет в его взгляде. Боль... Закрывая глаза, я снова ее вижу. Я видела его таким раньше всего раз, когда его отец не пришел на выпускной. А теперь в этом виновата я.

Я начинаю плакать и всхлипываю так, что трясутся плечи.

– Не плачь, – со вздохом говорит папа. – Ты виновата, но не настолько.

– Дело не в этом. Я рассталась с Питером. – Мне едва удается это

выговорить. – Папа, ты бы видел его лицо. Это было... ужасно.

Он в недоумении спрашивает:

– Почему ты с ним рассталась? Он такой славный парень.

– Не знаю, – рыдаю я. – Теперь я не знаю.

Он сжимает мое плечо.

– Все хорошо. Все хорошо.

– Нет, не хорошо.

– Но будет хорошо, – говорит он, гладя меня по волосам.

Сегодня я сделала правильный выбор. Я в этом уверена. Нужно было его отпустить. Я вижу будущее, Питер. Мы разбили бы сердца друг другу. Лучше расстаться, пока мы видим друг друга так, как сейчас.

Глава 37

Я ПРОСЫПАЮСЬ ПОСРЕДИ НОЧИ В СЛЕЗАХ с мыслью, что хочу все вернуть. Я сделала большую ошибку и хочу ее исправить. Потом я так же в слезах засыпаю.

Утром голова гудит, и меня рвет, как девчонок во время Пляжной недели, только некому придержать мне волосы. Потом мне легче, но я укладываюсь на полу в ванной на случай, если накатит новая волна тошноты. Там я и засыпаю и просыпаюсь, оттого что Китти трясет меня за плечо.

– Уйди, мне надо пописать, – говорит она, переступая через меня.

– Помоги мне подняться, – прошу я, и она тянет меня за руки. Пока она писает, я плещу холодной водой в лицо.

– Пойди поешь тосты, – говорит Китти. – Они впитывают алкоголь из желудка.

Я чищу зубы и, шатаясь, спускаюсь в кухню, где папа готовит яичницу, а Марго и Трина едят йогурт.

– Проснись и пой, малышка, – с ухмылкой говорит Трина.

– Ты выглядишь так, словно тебя грузовик переехал, – сообщает Марго.

– Если бы не свадьба, ты бы из дома не выходила, – говорит папа, но строгий тон ему не удается. – Поешь яичницу.

От одной мысли я давлюсь.

– Сначала съешь тост, – рекомендует Марго. – Он впитает алкоголь.

– Китти тоже так сказала.

– А потом, – тыкает в меня ложкой Трина, – когда у тебя в желудке будет еда, ты можешь выпить две таблетки «Адвила»^[48]. Никогда не принимай «Адвил» на пустой желудок. А так тебе скоро станет легче.

– Я больше никогда не буду пить, – клянусь я. Марго и Трина обмениваются ухмылками. – Я серьезно.

Весь день я провожу в постели с задвинутыми шторами и без света. Мне так хочется позвонить Питеру, попросить у него прощения. Я даже не помню, что ему наговорила. Помню общий смысл, но воспоминания размытые. Единственное, что я помню отчетливо и никогда не забуду, – шокированное выражение его лица. Я ненавижу себя за то, что стала его причиной.

Я сдаюсь и пишу ему. Всего три слова.

Мне очень жаль.

Появляется многоточие – знак, что он пишет. Я жду, и у меня отчаянно колотится сердце. Но ответа нет. Я пытаюсь звонить, но звонок переключается на голосовую почту, и я сдаюсь. Может, он уже удалил мой номер в телефоне, как поступил с отцом. Может, для него... все кончено.

Глава 38

КРИС УЕЗЖАЕТ ПЕРВОЙ. Она приходит к нам и сообщает:

– Я не смогу прийти на свадьбу твоего папы. Завтра я улетаю в Доминиканскую Республику.

– Что?

– Знаю, знаю, извини. – Извинение неискреннее, Крис широко улыбается. – Просто безумие. Появилось место в экоотеле, и я не могу упустить эту возможность. В Доминиканской Республике ведь тоже говорят по-испански?

– Да. Но я думала, что ты поедешь в Коста-Рику!

Она пожимает плечами.

– Появился другой вариант, и я им воспользовалась.

– Но... я не могу поверить, что ты так скоро уезжаешь! Ты собиралась уехать только в августе. Когда ты вернешься?

– Не знаю... Это, наверное, и прекрасно. Может, я проработаю полгода, а может, появится что-то еще, и я поеду туда.

Я моргаю.

– Значит, ты уезжаешь насовсем?

– Не насовсем. На время.

В душе я знаю, что на самом деле она уедет навсегда. Не представляю, чтобы Крис вернулась через год и пошла в муниципальный колледж Пьемонта. Крис – бродячая кошка, она гуляет сама по себе и всегда приземляется на лапы.

– Не надо так грустить. У тебя все будет хорошо. У тебя есть Кавински. – Секунду я не могу дышать. Одно его имя – словно нож в сердце. – Все равно мы все скоро разъедемся. Я рада, что не останусь последней.

Вот что для нее значило остаться здесь: пойти в муниципальный колледж, работать в «Эплбис». Меня охватывает радость, оттого что вместо этого у нее будет приключение.

– Просто не могу поверить, что ты уезжаешь прямо сейчас.

Я не рассказываю ей про то, что мы с Питером расстались, что он меня больше не поддержит. Сегодня главное – не я и Питер, а Крис и ее восхитительное новое будущее.

– Можно я хотя бы приду помогать тебе собираться?

– Я уже собралась! Беру с собой только самое необходимое. Косуху,

бикини, несколько кристаллов.

– Разве не нужно брать кроссовки, рабочие перчатки и все такое?

– Кроссовки я надену в самолет, а все остальное куплю на месте. В этом весь смысл приключения. Минимум вещей, с остальным разберешься в процессе.

Я думала, что у нас будет больше времени, что мы будем сидеть в моей спальне, делиться секретами до глубокой ночи, есть чипсы в постели. Я хотела закрепить нашу дружбу до ее отъезда: Лара Джин и Крисси, как в старые добрые времена.

Все заканчивается.

Глава 39

В НОЧЬ ПЕРЕД СВАДЬБОЙ, пока мои торты остывают на кухонном столе, а все домочадцы расставляют стулья во дворе, я еду прощаться с Крис.

Едва открыв мне дверь, она говорит:

– Я тебя не впускаю, если ты собираешься плакать.

– Я не могу сдержаться. Мне кажется, что я вижу тебя в последний раз. – Слеза течет у меня по щеке. Есть что-то окончательное в этом моменте. Я это знаю, просто знаю. Крис стремительно летит к новому. Даже если мы увидимся снова, все будет не так. У нее беспокойная душа. Мне повезло, что она была со мной так долго.

– Ты увидишь меня через неделю, когда я сбегу обратно домой, – шутит она. В ее голосе слышна едва заметная нотка трепета. Несмотря на хвастовство и браваду, Крис нервничает.

– Ни за что. Все только начинается. Настало время, Крис. – Я обнимаю ее и пытаюсь не плакать. – Теперь это случится.

– Что?

– Жизнь!

– Ты такая сентиментальная, – говорит она, но я готова поклясться, что вижу в ее глазах слезы.

– Я тебе кое-что принесла. – Я достаю из сумки и вручаю подарок. Крис срывает упаковочную бумагу и открывает коробку.

Внутри фотография в рамке в форме сердечка, не больше елочной игрушки. Мы вдвоем на пляже в одинаковых купальниках, нам лет двенадцать, может, тринадцать.

– Повесь это на стену там, где окажешься, и все будут знать, что дома тебя кто-то ждет.

У нее выступают слезы на глазах, и она стирает их тыльной стороны ладони.

– О господи, ты ужасна, – говорит она.

Я слышала, что лучших друзей встречают в колледже и они остаются с тобой на всю жизнь. Но я уверена, что всю жизнь буду дружить с Крис. Я все коллекционирую и сохраняю навсегда.

Когда я возвращаюсь домой, Трина – в «Соул-сайкл», папа продолжает расставлять стулья, Марго отпаривает платья подружек невесты, а Китти

нарезает бумажные флажки для растяжек над столами с десертом. Я начинаю покрывать торт глазурью. Желтый торт с ванильным сливочным кремом, как я и обещала Трине. Торт жениха уже готов и даже украшен крошкой от печенья. Торт невесты я переделываю второй раз: от первого пришлось отказаться, потому что я недостаточно обрезала верхние слои, и, когда сложила их вместе, торт получился безнадежно кривым. Второй тоже немного неровный, но толстый слой сливочного крема скроет все огрехи. По крайней мере, я на это надеюсь.

– На этом торте столько глазури, что у нас всех будет диабет, – замечает Китти.

Я прикусываю язык и продолжаю крутить торт и смазывать верхушку, чтобы все было гладко.

– Хорошо выглядит, Марго?

– Выглядит профессионально, – успокаивает она, проводя отпаривателем по подолу платья.

Проплывая мимо Китти, я не могу удержаться от замечания:

– Кстати, три последних флажка кривые.

Китти меня игнорирует, напевая про себя: «Сахарная кома, оу бэби, от этого торта у нас сахарная кома» – на мотив старой песни «Сахарный домик». Тут я сама виновата, потому что ставлю ее каждый раз, когда что-то пеку.

– Мы в последний раз в таком составе, – говорю я. Марго поднимает голову и улыбается.

– Я рада, что нас станет больше, – говорит Китти.

– И я, – подтверждает Марго, и я практически уверена, что она говорит искренне. Семьи уменьшаются и увеличиваются. Все, что можно сделать, – радоваться этому, радоваться друг другу, пока есть возможность.

Я не могу заснуть, поэтому спускаюсь за чашкой «засыпай-чая». Наливая воду в чайник, я выглядываю в окно и вижу красные искры сигареты в темноте. Трина курит на улице!

Я решаю отказаться от чайного ритуала и пойти в кровать, пока она меня не увидела, но когда я выливаю воду из чайника, она входит в кухню с банкой «фрески» в руке.

– Ой, – говорит она от неожиданности.

– Я не могла заснуть, – поясняю я.

А она одновременно просит:

– Не рассказывай Китти!

Мы смеемся.

– Честное слово, это был последний раз. Я много месяцев не курила!

– Я не скажу Китти.

– Я тебе должна, – выдыхает Трина.

– Хочешь «засыпай-чая»? – спрашиваю я. – Его делала нам мама. Он очень успокаивает. Становится уютно, и хочется в постель.

– Звучит волшеббно.

Я наполняю чайник и ставлю на плиту.

– Ты переживаешь из-за свадьбы?

– Не переживаю... просто нервы. Я так хочу, чтобы все прошло заодно, без сучка без задоринки... – У нее вырывается хихиканье. – Каламбур. Люблю хороший каламбур. – А потом она говорит: – Расскажи, что случилось между тобой и Питером.

Я отворачиваюсь, раскладывая мед по чашкам.

– Ничего. – Последнее, что нужно Трине в ночь перед свадьбой, – слушать про мои проблемы.

Она выразительно смотрит.

– Ну же, подруга, рассказывай.

– Не знаю. Мы, наверное, расстались. – Я пожимаю плечами, чтобы не заплакать.

– Ох, милая. Бери свой чай и иди сюда, на диван.

Я приношу с собой кружки и сажусь рядом с Триной, которая подбирает ноги и накрывает нас обеих пледом.

– Теперь рассказывай, – говорит она.

– Мне кажется, все начало портиться, когда я поступила в Северную Каролину. Мы планировали, что я пойду в Уильяма и Мэри, а потом переведусь – первый год у нас будут отношения на расстоянии. Но Северная Каролина намного дальше, и когда я туда съездила, мне там очень понравилось. Настолько, что я могу не захотеть переводиться. – Я мешаю чай. – Я действительно хочу дать этому университету шанс.

– Я считаю, что ты права на тысячу процентов, – Трина греет руку над кружкой. – Вы поэтому расстались?

– Не совсем. Мама Питера сказала, что он стал говорить про перевод в Северную Каролину. Она хотела, чтобы я с ним рассталась, пока он ради меня не испортил себе жизнь.

– Черт! Мама Питера немножко стерва!

– Она не совсем это сказала, но смысл был такой. – Я отпиваю чай. – Я тоже не хочу, чтобы он переводился ради меня... Мама говорила, что нельзя выбирать колледж ради парня, потому что можно лишиться всех возможностей первого курса.

– Будем честны: твоя мама не была знакома с Питером Кавински. У нее не было всех фактов на руках. Если бы она с ним познакомилась... – Трина негромко присвистывает, – может, она бы говорила по-другому.

У меня на глазах наворачиваются слезы.

– Честно, я жалею, что с ним рассталась! Я хочу все вернуть!

Трина берет меня за подбородок.

– Тогда почему бы этого не сделать?

– Он меня никогда не простит за такую боль. Он трудно сближается с людьми. Наверное, он уже не хочет меня видеть.

Трина пытается скрыть улыбку.

– Сомневаюсь. Послушай, поговори с ним завтра на свадьбе. Он увидит тебя в этом платье – и все простит.

Я шмыгаю носом.

– Он не придет.

– Уверена, что придет. Нельзя спланировать мальчишник, а потом не явиться на свадьбу. Не говоря уже о том, что он без ума от тебя.

– Но что, если я снова причиню ему боль?

Трина обнимает кружку обеими руками и делает глоток.

– Ты не можешь защитить его от боли, детка, что бы ты ни делала. Для любви нужно быть уязвимым, подпускать людей к себе... испытывать боль.

Я обдумываю ее слова.

– Трина, когда ты поняла, что у вас с папой все по-настоящему?

– Не знаю... Наверное, я просто решила.

– Что решила?

– Решила выбрать его. Нас. – Она улыбается. – Все это.

Трудно представить, что год назад она была просто нашей соседкой. Мы с Китти сидели на крыльце по утрам и смотрели, как она бежит к машине и обливается горячим кофе. А теперь она выходит за нашего папу. Она станет нашей мачехой. И я этому рада.

Глава 40

ВОЗДУХ ПАХНЕТ ЖИМОЛОСТЬЮ И ЛЕТНИМИ ДНЯМИ, которые длятся бесконечно. Идеальный день для свадьбы. Не знаю, есть ли что-то красивее Вирджинии в июне. Все цветет, все зеленое, солнечное и полно надежды. Думаю, я тоже буду выходить замуж дома.

Мы проснулись рано, и казалось, что времени будет много, но, конечно, мы бегаем как курицы без голов. Трина носится по второму этажу в шелковом халате цвета слоновой кости, который купила ей Кристен. Для подружек невесты она купила розовые с именами, вышитыми золотом на нагрудном кармане. У Трины вышито «Невеста». Должна признать, Кристен может раздражать, но подходит к делу с размахом.

Подруга Трины, фотограф, снимает нас всех в халатах. Трина сидит посередине, как очень загорелый лебедь. Потом пора одеваться. С Китти мы договорились, что вместо смокинга она наденет белую рубашку с коротким рукавом, щегольской галстук-бабочку в клетку и брюки до щиколотки. Волосы у нее заплетены в косы и уложены вокруг головы. Она очень хорошенькая. И такая... Китти. Я согласилась не надевать венки, только вставила гипсофилы в волосы. А вместо волшебных ночных рубашек мы сошлись на том, что я и Марго наденем винтажные платья в цветочек в стиле пятидесятых. У Марго – кремовое, с желтыми маргаритками, у меня – в розовый цветочек, с бретельками, завязывающимися на плечах. Мое носила невысокая девушка, потому что его даже не пришлось подгонять, оно достает ровно до колена, как и должно.

Трина-невеста прекрасна. Ее платье выглядит ослепительно-белым на фоне загорелой кожи.

– Я не глупо выгляжу? – Она нервно на меня посматривает. – Не слишком старая для белого платья? Я один раз разводилась...

Марго отвечает раньше меня:

– Ты выглядишь идеально. Просто идеально.

Моя старшая сестра умеет убеждать. Трина расслабляется всем телом, словно выдыхает.

– Спасибо, Марго. – Голос у нее дрожит. – Я такая... счастливая.

– Не плачь! – вскрикивает Китти.

– Т-ш-ш, – говорю я. – Не кричи. Трине нужен покой.

Китти весь день – нервный комок энергии, словно сегодня ее день

рождения, Рождество и первый день школы одновременно.

Трина обмахивается руками.

– Я потею. Нужно больше дезодоранта. Китти, от меня не пахнет?

Китти подходит ближе.

– Все нормально.

Мы уже сняли сотни фотографий и снимем еще больше; но я знаю, что любимой у меня будет та, на которой мы, все три девочки Сонг, собрались вокруг Трины. Марго промакивает платочком ее глаза, Китти, стоя на табуретке, поправляет волосы, а меня Трина просто обнимает. Мы широко улыбаемся. Что-то заканчивается, что-то начинается.

От Питера ничего не слышно. Каждый раз, когда по улице проезжает машина, я подхожу к окну посмотреть, не он ли приехал, но его нет. Он не придет, и я его не виню. Но все равно надеюсь – не могу не надеяться.

Задний двор увешан гирляндами и белыми бумажными фонарями. Конечно, стены из роз нет, но выглядит все равно очаровательно. Все стулья расставлены, посередине постелена дорожка, по которой пройдет Трина. Я приветствую приходящих гостей – небольшую группу, меньше пятидесяти человек. Идеально для свадьбы во дворе. Марго сидит с бабушками, папой и сестрой Трины в первом ряду, составляя им компанию, пока я хожу и приветствую наших соседей Шахов, тетю Кэрри и дядю Виктора, кузину Хэйвен, которая хвалит мое платье. Все это время я не свожу глаз с дороги, поджидая черную «ауди». Но ее нет.

Когда начинает играть «Колыбельная» «Дикси Чикс», мы с Марго занимаем места. Папа становится на место жениха, и мы все смотрим на дом, откуда к нам идет Трина. Она восхитительна. Во время обетов мы плачем, даже Марго, которая не плачет никогда.

Они остановились на традиционных обетах, и когда преподобный Чои, пастор из бабушкиной церкви, говорит: «Можете поцеловать невесту», папа отчаянно краснеет, но целует Трину от души. Все хлопают, Китти улюлюкает, Джейми Фокс-Пикл лает.

Танец отца и дочери – идея Трины. Она сказала, что уже это делала, не видит смысла повторять и гораздо интереснее будет танцевать нам, девочкам. На неделе мы репетировали в танцзале, который арендовал папа.

Мы решили, что первой будет Марго, ее сменю я, а потом – Китти. Папа выбрал «Isn't She Lovely», песню, которую Стиви Уандер написал для своей новорожденной дочери.

Мы с Китти стоим в стороне, хлопая в такт. Я знаю, что она уже

предвкушает танец.

Перед тем как отпустить Марго, папа притягивает ее поближе и шепчет что-то на ухо, и у нее на глазах выступают слезы. Я не буду спрашивать, что он сказал. Этот момент – только для них двоих.

Мы с папой отработали несколько движений. Зрителям особенно нравится, как мы идем в танце бок о бок и синхронно делаем шимми^[49].

– Я так тобой горжусь, – говорит он, – моя средненькая.

Теперь слезы выступают у меня. Я целую его в щеку и передаю Китти. Папа кружит ее, когда начинает играть гармоника.

Уходя с танцпола, я вижу Питера в костюме, который стоит в стороне, под кизилом. Он невыносимо красив. Я пересекаю двор, и он не сводит с меня глаз. У меня отчаянно колотится сердце. Он здесь ради меня? Или пришел только потому, что обещал моему отцу?

Оказавшись прямо перед ним, я говорю:

– Ты пришел.

Питер отводит глаза.

– Конечно, я пришел.

Я тихо говорю:

– Я бы хотела взять обратно все, что наговорила тем вечером. Я даже не все помню.

Глядя себе под ноги, он отвечает:

– Но ты говорила искренне, разве не так? Так что хорошо, что ты это сказала, потому что кто-то должен был, и ты права.

– В чем? – шепчу я.

– По поводу Северной Каролины. Мне не нужно туда переводиться. – Он поднимает голову, и глаза у него полны боли. – Но надо было сказать, что мама с тобой говорила.

Я прерывисто вздыхаю.

– А тебе надо было сказать, что думаешь о переводе! Сказать, что ты чувствуешь. После вручения аттестатов ты закрылся и не подпускал меня к себе. Только говорил, что все будет хорошо.

– Потому что я боялся! – взрывается он и оглядывается, чтобы проверить, не услышал ли кто-нибудь. Но музыка играет громко, все танцуют. Никто на нас не смотрит, мы как будто одни.

– Чего ты так боялся? – шепчу я.

Он сжимает кулаки, а когда наконец заговаривает, голос его звучит хрипло.

– Я боялся, что ты уедешь в Северную Каролину, поймешь, что я того не стою, и бросишь меня.

Я подхожу на шаг ближе, кладу ладонь ему на руку. Он не отстраняется.

– Если не считать семьи, ты для меня самый важный человек на свете. И хотя кое-что из сказанного той ночью было правдой, но не то, что я хотела потерять с тобой девственность, чтобы перевернуть эту страницу. Я хотела сделать это с тобой, потому что люблю тебя.

Питер притягивает меня одной рукой за талию и, глядя сверху вниз, говорит:

– Ни ты, ни я не хотим расставаться. Так зачем это делать? Из-за того, что наговорила моя мама? Из-за того, что так поступила твоя сестра? Ты не такая, как твоя сестра, Лара Джин. Мы не такие, как Марго и Сандерсон или другие люди. Мы – это ты и я. И да, будет трудно. Но, Лара Джин, я никогда ни к кому не испытывал таких чувств. – Он говорит это со всей уверенностью, на какую способен только мальчик-подросток. Я никогда не любила его сильнее, чем в этот момент.

Играет *Lovin' in My Baby's Eyes*, и Питер берет меня за руку и ведет на танцплощадку.

Мы никогда не танцевали под такую музыку. Это песня, под которую покачиваются вместе, смотрят в глаза друг другу и улыбаются. Ощущения от нее другие, словно мы уже старше.

На другой стороне площадки Трина, Китти и Марго танцуют кружком, а в середине – бабушка. Хэйвен танцует с моим папой. Она ловит мой взгляд и одними губами говорит: «Он такой симпатичный». Питер, а не мой папа. Он правда очень, очень симпатичный.

Я никогда не забуду этот день до конца жизни. Однажды, если мне повезет, я расскажу какой-нибудь девочке свои истории, как Сторми рассказывала мне, и смогу снова их пережить.

Когда я буду старой и седой, то оглянусь на этот вечер и вспомню, каким он был.

Какой он сейчас.

Мы все еще здесь. Будущее пока не наступило.

Ночью, после того как гости ушли, стулья сложены, а остатки еды убраны в холодильник, я поднимаюсь в комнату снять платье. На кровати лежит мой выпускной альбом. Я открываю заднюю обложку, и вот она – запись Питера.

Только это не запись, а контракт.

Исправленный контракт Питера и Лары Джин

1. Питер будет писать письмо Ларе Джин раз в неделю. Настоящее, от руки, не имейл.
2. Лара Джин будет звонить Питеру раз в день, желательно вечером, перед тем как лечь спать.
3. Лара Джин повесит на стену фотографию, выбранную Питером.
4. Питер будет держать фотоальбом на столе, чтобы все заинтересованные лица видели, что у него есть девушка.
5. Питер и Лара Джин всегда будут говорить друг другу правду, даже когда это трудно.
6. Питер будет любить Лару Джин всем сердцем, всегда.

Глава 41

ВЕЧЕРОМ ПЕРЕД МОИМ ОТЪЕЗДОМ В КОЛЛЕДЖ прогноз обещает метеоритный дождь. Мы с Питером едем на озеро наблюдать его. Китти не говорит этого вслух, но она тоже ужасно хочет поехать. В любой другой момент я бы согласилась.

Когда я прощаюсь, ее губы разочарованно поджимаются всего на секунду, но она хорошо это скрывает. Как трудно иногда быть самой младшей, которую оставляют позади.

В машине я страдаю от чувства вины за то, что так жадно оберегаю время, которое провожу с Питером. Но его остается так мало... Я ужасная сестра. Марго взяла бы Китти с собой.

– О чем ты думаешь? – спрашивает Питер.

– О, ни о чем, – отвечаю я. Мне стыдно признаться, что нужно было пригласить Китти.

Когда я вернусь на осенних каникулах, мы что-нибудь организуем для нас втроем. Возьмем ее с собой в уличный кинотеатр на ночной показ. Она будет в пижаме, и я постелю на заднем сиденье одеяло, чтобы она могла там заснуть. Но сегодня я хочу побыть наедине с Питером. Нет смысла погружаться в чувство вины и портить этим вечер. И если быть до конца честной, я бы не поступила иначе. Так сильно я дорожу каждым мгновением, которое остается нам с Питером. Я хочу, чтобы он смотрел только на меня. Хочу говорить только с ним, быть только с ним. Однажды Китти поймет: когда влюбится и захочет быть только с этим человеком и ни с кем не делить его внимание.

– Нужно было взять Китти с собой, – говорю я внезапно.

– Знаю, – отвечает Питер. – Мне тоже стыдно. Думаешь, она сердится?

– Скорее всего, грустит.

Но никто не вернется за ней. Мы молчим, а потом оба смеемся с облегчением. Питер уверенно говорит:

– В следующий раз мы возьмем ее с собой.

– В следующий раз, – соглашаюсь я и беру его за руку, переплетая пальцы. Он сжимает их в ответ, и меня успокаивает знание, что сегодня он чувствует то же, что и я, и между нами нет расстояния.

Мы расстилаем одеяло и ложимся рядышком. Луна в синей ночи выглядит ледяной. Пока я не вижу ничего необычного, просто ночное небо.

– Может, нужно было поехать в горы? – спрашивает Питер,

повернувшись ко мне.

– Нет, это идеальное место, – отвечаю я. – И я читала, что наблюдение за звездами всегда требует терпения, где бы ты ни был.

– У нас вся ночь впереди, – говорит он, притягивая меня ближе.

Иногда я хотела бы, чтобы мы встретились в двадцать семь лет. Двадцать семь – это хороший возраст, чтобы встретить человека, с которым проведешь всю жизнь. В двадцать семь ты еще молод, но, надо надеяться, уже на пути к тому, кем хочешь быть.

Но потом я думаю, что нет, я ни за что никому не отдам свои двенадцать, тринадцать, шестнадцать, семнадцать лет с Питером. Первый поцелуй, первый ненастоящий роман, первый настоящий роман. Первый мальчик, который купил мне украшение. Сторми сказала бы, что это самый грандиозный момент. Она говорила, что так мальчик дает понять, что ты принадлежишь ему. У нас было наоборот. Так я поняла, что он принадлежит мне.

Я не хочу ничего этого забывать. То, как он смотрит на меня прямо сейчас. Как до сих пор от его поцелуев у меня каждый раз бегут мурашки по спине.

– Первое собрание в шестом классе.

Я поднимаю на него глаза.

– М-м?

– Тогда я впервые тебя увидел. Ты сидела передо мной. Я подумал, что ты симпатичная.

– Хорошая попытка, – смеюсь я.

Как мило и типично для Питера – пытаться что-то выдумать для романтичности момента. Но он продолжает:

– У тебя были очень длинные волосы и ободок с бантиком. Мне всегда нравились твои волосы.

– Ладно, Питер. – Я глажу его по щеке. Он не обращает внимания на мои слова.

– У тебя на рюкзаке было написано твое имя блестками. Мне никогда не встречалось имя «Лара Джин».

Я раскрываю рот. Я сама приклеивала блестки на рюкзак! У меня ушла целая вечность на то, чтобы сделать это ровно. Я совсем об этом забыла, хотя обожала тот рюкзак.

– Директор стал вызывать всех в случайном порядке, чтобы выходили на сцену и соревновались за призы. Все поднимали руки, но у тебя волосы зацепились за стул, и ты пыталась их распутать, так что тебя не вызвали. Я помню, как думал, что, может, надо тебе помочь, но потом решил, что это

будет странно.

– Как вышло, что ты все это помнишь? – изумленно спрашиваю я. Он с улыбкой пожимает плечами.

– Не знаю. Просто помню.

Китти всегда говорит: важно, с чего все началось.

Что мы ответим, когда нас будут спрашивать, как мы познакомились? Может быть, мы вместе выросли? Но это больше про меня и Джоша. Мы начали встречаться в школе? Это про Питера и Джен. А что сказать про нас?

Наверное, я буду говорить, что все началось с любовного письма.

– Я чудесно провела эти дни, – заключила она, довольная, – и чувствую, что они составят целую эпоху в моей жизни. Но лучше всего – это снова быть дома.

Люси Мод Монтгомери, «Аня из Зеленых Мезонинов» (перевод М. Батищевой)

Благодарности

Я не думала, что напишу еще одну книгу про Лару Джин, так что рада последней возможности поблагодарить всех, кто мне помогал. Я хочу от всего сердца поблагодарить своего агента Эмили ван Биик и команду Folio. Своего редактора Зарин Джаффери и всю семью в S&S, но особенно Джастина Чанду, Энн Зафиан, Крисси Но, Люси Камминс, Мекишу Телфер, Кери Ли Хоран, Одри Гиббонс, Кэти Хершбергер, Кэндэс Грин, Мишель Лео и Дороти Гриббин. Также спасибо моему киноагенту Мишель Вейнер, моему публицисту Брианне Хэлверсон и моему ассистенту Дэну Джонсону. Я также хочу выразить благодарность Джаннин Лалонд из приемной комиссии университета штата Вирджиния и Винсенту Бридису с факультета спорта университета штата Вирджиния. Спасибо всем моим друзьям и коллегам за чтение рукописи, за то, что делились своими прекрасными замечаниями и поддерживали меня на каждом шагу: Шивон Вивизн, Адель Гриффин, Дженнифер И. Смит, Мелисса Уокер и Энн Кэри. Без вас я бы не справилась.

И, наконец, спасибо вам, мои читатели. Если бы не вы, я бы не написала эту книгу. Она по-настоящему ваша. Я всей душой желаю, чтобы вы были довольны тем, как заканчивается история Лары Джин. Теперь это действительно конец истории. Но Лара Джин будет жить в моем сердце, потому что у дороги всегда есть новый поворот.

Дженни

---

notes

1

Контактная спортивная игра между двумя командами с использованием небольшого резинового мяча и клюшки с длинной рукояткой.

Томас Джефферсон (1743–1826) – политик и философ, третий президент США.

3

Рокки – персонаж одноименного фильма 1976 года.

Студенческий мужской ансамбль а капелла в университете штата Вирджиния.

Pinterest – социальный интернет-сервис, позволяющий пользователям добавлять в режиме онлайн изображения, помещать их в тематические коллекции и делиться ими с другими пользователями.

Братства и сестричества – мужские и женские студенческие объединения в колледжах и университетах США.

Американский автор кулинарных книг и ведущая программы «Босоногая графиня» на канале Food Network.

Традиционная для Хэллоуина игра, когда дети в костюмах ходят по домам и собирают сладости.

Особый вид тренировок на велотренажерах, главная цель которых – получить не только физическую нагрузку, но и душевное расслабление.

Особое направление ритм-энд-блюза, созданное в 1960-х годах.

Александр Гамильтон (1755–1804) – американский политик, один из отцов-основателей США; Элизабет Скайлер – его жена. Они также являются главными героями популярного мюзикла «Гамильтон».

«Гамильтон» (2016) – популярный мюзикл.

Браунстоун – характерный для Нью-Йорка тип домов XIX – начала XX века.

«Успокойтесь, успокойтесь» (фр.).

Муниципальный колледж предоставляет профессионально-техническое образование, срок обучения – два года. Для получения высшего образования и степени бакалавра нужно закончить четырехлетнее обучение в университете.

Snapchat – мобильное приложение обмена сообщениями с прикрепленными фото и видео.

Лицо компании, администратор, первый, кто встречает гостей в ресторане или кафе.

Applebee's – американская сеть ресторанов и гриль-баров.

Язык идеограмм и смайликов, используемый в электронных сообщениях и веб-страницах.

«Фреска» – диетический газированный напиток со вкусом лайма и грейпфрута.

Традиционное блюдо мексиканской кухни, которое представляет собой тонкую лепешку из кукурузной муки, в которую завернута мясная или овощная начинка.

В США вид спорта, известный в других странах как футбол (22 участника играют с одним мячом), называется «соккер».

Джон Стюарт (1952) – известный американский телеведущий и юморист.

Вид из рода шимпанзе, который отличается развитым социальным поведением и гиперсексуальностью.

Холодная мексиканская закуска из пюре авокадо.

Музей живой истории под открытым небом, представляющий город XVIII века.

Исполнительница роли Элизабет (Элайзы) Скайлер Гамильтон в мюзикле «Гамильтон».

Мюзикл «Гамильтон» ежедневно разыгрывает небольшое количество билетов на ближайший спектакль.

Одну из героинь мюзикла, младшую из трех сестер, в тексте несколько раз называют «и Пегги».

Прием первой помощи для прочищения дыхательных путей, если что-то застряло в горле.

Средство для пилинга кожи.

Однолетняя или многолетняя культура семейства гвоздичных. Тончайшие разветвленные стебли образуют густое облако, которое, словно мелкими снежинками, покрыто цветами.

Сангрия – коктейль на основе вина. Шардоне – классический сорт белого винограда и одноименное сортовое вино.

Старинный танец, разновидность кадрили.

«Пепто-Бисмол» – лекарство от желудочных расстройств ярко-розового цвета.

«Пад тай» и «пад си ю» – классические блюда тайской кухни из обжаренной рисовой вермишели с овощами, мясом и ароматным соусом.

«Дьюк» – баскетбольная команда, конкурирующая с «Тар Хилз».

Цилиндрическая постройка, обычно увенчанная куполом. По окружности ротонды часто расположены колонны.

Facetime – программа от Apple, позволяющая совершать видео– и аудиозвонки между устройствами.

Уилбур (1867–1912) и Орвилл (1871–1948) – авиаконструкторы, совершившие первый управляемый полет человека на аппарате тяжелее воздуха с двигателем.

Легендарные бандиты Дикого Запада, которые промышляли нападением на банки и грузовые поезда.

«Ширли Темпл» – безалкогольный коктейль.

Солнечный чай – домашний прохладительный напиток из чая, который настаивается под воздействием солнечного света.

Один из видов капусты.

Блюдо корейской кухни, род барбекю, обычно готовится из маринованной говядины, телятины, иногда – из курятины или свинины.

Etsy – торговая площадка, где продаются изделия ручной работы и винтажные вещи.

«Джолли Ранчер» – конфеты-леденцы.

Адвил – обезболивающее на основе ибупрофена.

Танцевальное движение, быстрое покачивание плечами.